

№ 4 * 1963

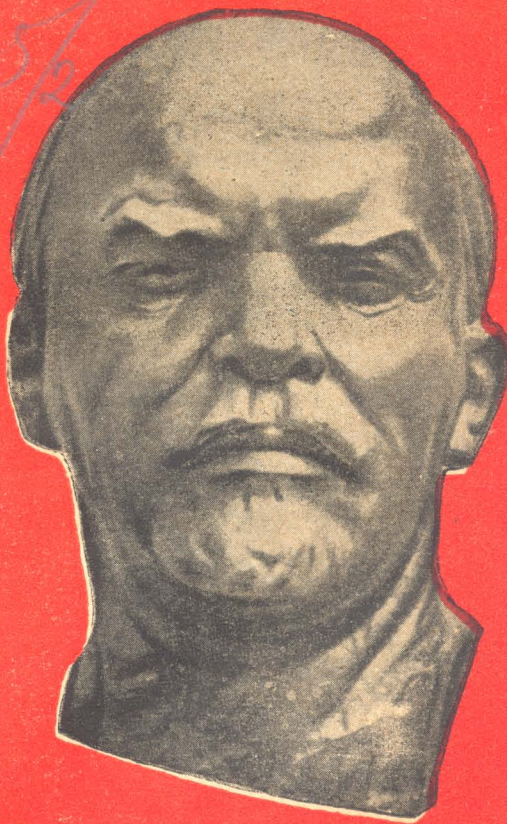
საქართველოს
ლიტერატურა

ლიტერატურная Грузия

10.335
1963/2

10335/2

16

10.335 /
1963 / 2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная рудзия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

08527
72.580

4

БАГРАТ ШИНКУБА. Апрель в шахтерском городе. Стихи. Перевод с абхазского С. Липкина . . .	4
Ж. ТАРАТУТА. Два шага вперед... Быль . . .	5
БЕНИК СЕИРАНЯН. На склонах горы Морут. Повесть. Перевод с армянского Г. Нерсисяна . . .	9
ФРИДОН ХАЛВАШИ. Нас двое. Шепот. Стихи. Переводы с грузинского Д. Голубкова и Вл. Лившица . . .	20
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Вдова солдата. Роман. Окончание. Перевод с грузинского Л. Громеко и М. Квливидзе . . .	22
АЛИО МИРЦХУЛАВА. Из цикла «Дни и годы». Настанет день. Я день предчувствую заранее. Пери. Стихи. Переводы с грузинского В. Тура и Г. Павловской . . .	55
ДАВИД ТЕВЗАДЗЕ. Творчество А. Мирцхулава . . .	57
КАРАМАН КИКВИДЗЕ. Чудесный день. Рассказ. Перевод с грузинского Л. Александровской . . .	60

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГЕОРГИИ ЛОМИДЗЕ. Время и человек . . .	63
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ. Карло Каладзе . . .	69
И. БЕСКЛУБОВ и Р. ПИОТРОВСКИЙ. Стихи Галактиона Табидзе на французском языке . . .	71
ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Книга об историческом романе Новикова . . .	72

НА РУБЕЖАХ КОММУНИЗМА

АЛЕКСЕИ БЕКАУРИ. Битва за урожай . . .	74
--	----

См. на обороте

АПРЕЛЬ

1 9 6 3

ИСКУССТВО	
М. КАРДАНЕЛИ. О новых грузинских фильмах . . .	77
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ	
Новое о М. Горьком. Из воспоминаний Екатерины Пешковой	81
СПОРТ	
АВТАНДИЛ ГОГОБЕРИДЗЕ. На стадионах мира . . .	86
НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ	
РОБЕРТ МДИВАНИ. Что такое «математическая лингвистика»?	92

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

• Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим — создателям замечательных космических кораблей!

Слава доблестным советским космонавтам!

Из призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1963 года

Баграт ШИНКУБА

АПРЕЛЬ

В ШАХТЕРСКОМ

ГОРОДЕ

Стань шахтерскою лампою, песня моя,
Чтобы ярче пласты заблестели,
И, богатства от взоров людских не тая,
Освети беспокойный Ткварчели.

Был я молод, как ты, город мой молодой,
Город с крепкой шахтерской рукою.
Первый уголь, как слиток держа золотой,
Я воспел тебя первой строкою.

Пронеслись, пролетели над нами года.
Я не стар, ну а ты стал моложе.
Верю: новые вырастут здесь города,
У родных, у гористых подножий.

О, как много руды день за днем, день за днем
Ты Отчизне даешь, вечно молод,
Сколько стали своим расплавляешь огнем,
Знаменитый в Абхазии город!

То огонь Прометея, что был с давних пор
Спрятан в горные недра глухие,
Но для нас ты зажег его, город-шахтер,
Озаренный сияньем России.

Здесь весна. И в Ульяновске пахнет весной.
И недаром сады зашумели —
Ведь вдохнул в тебя жизнь, одарил новизной
Человек, что родился в апреле.

Это Ленин тебя навсегда расковал,
И вручил он огонь Прометея
Пастуху, что блуждал среди утесов и скал,
Чтоб трудился, богатством владея.

Стань шахтерскою лампою, песня моя,
Освещающая весенний Ткварчели.
Как весна, входит в наши родные края
Человек, что родился в апреле.

Перевод с абхазского С. Липкина.

Ж. ТАРАТУТА

Два шага вперед...

Б Ы Л Ь

Телефонный звонок был тревожно-настойчивым...

— Кто говорит? Застава... Что у вас творится на линии? Повторите, не понял.

Голос на противоположном конце провода, прорвавшись сквозь треск грозовых разрядов, напрягся до хрипоты:

— При исполнении служебных обязанностей... два часа назад... в районе «Трех орехов»...

— Что? — переспросил оперативный дежурный пограничного отряда. — Что случилось у «Трех орехов»? Да говорите громче, черт подери!

Короткая пауза обожгла ледяным холодом.

— Рядовой Анзор Хведелидзе, солдат первого года службы, исполняя воинский долг...

* * *

— Ну и погодка!

Рядовой Хведелидзе плотно перетянул плащ солдатским ремнем. Десять минут назад пограничный наряд рядового Мещерякова сообщил о беде: вышла из берегов горная река, новенький мост разбит в щепы. Потоки воды валят деревья, несут камни. Начались обвалы. Путь к заставе отрезан.

Ливень осатанело хлещет по горным склонам. Старожил заставы, солдат третьего года службы Саша Свиридов, хмурясь, глядит в окно. Он закладывает за плечи вещевой мешок, в 'вещмешке — хлеб, консервы, сигареты, спички.

— Доставить наряду Мещерякова, —

приказывает начальник заставы и, когда солдаты повторяют задачу, смотрит на них уже не строго, а мягко, по-отцовски...

Если бы Анзору Хведелидзе сказали, что на его долю выпадет совершить подвиг, он наверняка воспринял бы это как шутку, ибо считал, что ему не хватает слишком многого для того, чтобы стать закаленным бойцом, что еще многому нужно учиться у таких «старых пограничных волков», как рядовой Свиридов или ефрейтор Назаров, излазивших границу вдоль и поперек.

Анзор хорошо помнил, словно это было только вчера, как пришел после учебного пункта на заставу.

Стоял теплый тихий январь. В заснеженных ущельях серела на крутых склонах ольха, а по утрам, когда землю прихватывал легкий морозец, в горах негромко потрескивали чинары. Он вышел тогда в первый пограничный наряд, и начальник ознакомил его с участком.

— Должен сказать, — говорил начальник, когда они взбирались по дозорной тропе на очередной подъем, — участок трудный. Чтобы достигнуть успехов в службе, нужно обладать большой физической закалкой, утомляемость на первых порах — дело обычное.

Вскоре Анзор убеждается в этом. Он чувствует, что сердце будто подступает к самому горлу, гулко бьется на висках пульс, рябит в глазах от голых

стволов деревьев. Но солдат идет, направляя каждую жилку.

Командир одобрительно щелкает языком.

— Вы спортсмен, Анзор?

— Я шахтер, товарищ командир...

Тропа, словно солдатский ремень, бежит по каменистому склону ущелья.

— Только что мы миновали «Карликов поворот», впереди ручей «Трех орехов». Запомните эти названия, рядовой Хведелидзе. Летом в ручье водятся крабы, зимой они, вероятно, уползают в Черное море.

— А что делать, если нарушитель бросится на нас? — неожиданно спрашивает Анзор.

— Так не должно случиться, мы первыми заметим его.

— И ночью?

— И ночью.

У ручья «Трех орехов» растут каштаны, но сейчас видны из-под снега только озябшие ветви. Зато ореховые деревья стоят одно подле другого довольно браво, их, словно маскировочные халаты, покрывает мягкий дымчатый мох.

— Красивое место.

— Красивое?... Вы не поэт, рядовой Хведелидзе?

Анзор смущен.

— Я солдат...

Ночью в полудреме Анзор видел себя у ручья «Трех орехов» напротив турецкого поста. Ровной шеренгой на него наступали крабы... Сон был беспокойным. Анзор то и дело просыпался от легких шагов входившего в казарму дежурного. Он ждал, что с часу на час произойдет нарушение границы и заставу вот-вот поднимут «в ружье».

Тогда, в январе, ему еще предстояло пройти по границе около тысячи двухсот беспокойных километров.

Это не мало — тысяча двести километров. Тысяча двести километров — это весна, лето и осень, сто двадцать восемь часов политподготовки, двадцать четыре тревоги с выходом на границу, семь километров штурмовой полосы, два диспута о моральном кодексе, восемь комсомольских собраний, двести сорок часов партмассовой работы. Это бессонные ночи и постоянная настороженность у линии государственной границы, выходы на стрельбище, беседы с глазу на глаз с командиром, споры о том, что такое героизм и можно ли совершить подвиг в наши дни.

В напряженном ритме буден бывало всякое. Однажды Анзор обратился на себя внимание командира отделения, прославившего человека храбрым и рискованным.

Они были в дозоре, в тылу участка заставы, неподалеку от пастушьих козочек. За полночь в той стороне, где

журчал ручей, Анзор услышал короткие хлопки: словно кто-то шел вдоль ручья и подавал сигнал другому. Глухим пощелкиванием по дереву.

— Слышите? — взволнованно прошептал Хведелидзе.

— Слышу, — ответил сержант, но Анзор не увидел в темноте улыбку на лице командира.

Словом, действовал Анзор Хведелидзе по всем правилам пограничной науки: и оклик произвел, и патрон в патронник дослал, и если бы не спокойные слова командира в момент, когда Анзор готов был уже рязрядить автомат в невидимого противника, быть бы чучелу-хлопушке, которым местные жители пугали медведей, изрешеченным пулями.

— Значит, не сдрейфил? — с улыбкой спросил начальник сержанта, отчитав его предвременно за рискованный эксперимент.

— Никак нет, товарищ капитан, действовал отлично.

С каждым днем Анзор все уверенней чувствовал себя на дозорной тропе. Давно прошло то время, когда он вкладывал светящуюся пулишку за ремень впереди идущего, чтобы не сбиться с пути в непроглядную ночь. Родными становились лес и горы, а пули все чаще ложились рядом в переносице фанерного солдата. Теперь он умел по команде «в ружье» встать в строй на двадцатой секунде, определить по ветке, сломанной неосторожной рукой, давность следа, в самую темную ночь не сбиться с маршрута. Он знал, что пуля в канале ствола находится семисотую долю секунды, что нарушители предпочитают идти в одиночку, а моральный кодекс предписывает каждому человеку быть для товарища другом и братом.

После демобилизации Анзор мечтал стать горным техником. Он запоем читал книги и старательно вел свой дневник.

Анзор был чутким товарищем. И, пожалуй, доброта была главной чертой в его характере.

Как-то, возвращаясь с границы с рядовым Ивановым, который вывихнул ногу и, сняв сапог, едва осиливал крутые пригорки, Анзор сказал:

— Давай я понесу тебя.

Иванов отказался, и тогда Анзор попросил:

— Можно я понесу сапог?..

Анзору нравилось, когда повар Рубен Варданидзе играл на гитаре. Даже ночью, после того как Анзор приходил с границы, в заставной кухне Рубен играл его любимую песню — о матери.

И еще одну песню Анзор напевал чаще других, песню о трудных дорогах и верном сердце. Она привязалась к

нему, когда Анзор красил крышу заставы, и долго не оставляла его потом.

До армии Анзору не приходилось держать в руках малярную кисть. Но здесь ему понравилось это занятие. Приятно было смотреть, как свежесвыкрашенная крыша вписывалась в красивый горный пейзаж.

Устроившись как-то в углу Ленинской комнаты, Анзор рисовал в тетради террикон. Он точно сохранил все детали: по террикону поднималось ровно столько вагонеток, сколько их было на его шахте.

Кто-то подошел к нему и сказал:

— Нарисуй флаг на вершине, так будет красивее.

— Так будет неверно, — ответил Анзор. — Я думаю, ты видел другой террикон.

Накануне того дня, когда на горные хребты вдоль государственной границы обрушился затяжной ливень необычайной силы, Анзор, вернувшись с границы под утро, не спеша разделся в сушилке, протер автомат и достал из кармана гимнастерки вчетверо сложенный листок, исписанный аккуратным почерком. Лия писала, что лучше Анзору не надеяться, пусть забудет ее, если может, но они останутся на всю жизнь товарищами.

Только Автандилу Цхведиани, своему лучшему другу, Хведелидзе показал письмо. Тот долго молчал, потом спросил:

— Что же ты будешь делать?

— Жить, — ответил Анзор, — работать, дружить... А сегодня напишу Лие большое письмо...

Выйдя из сушилки, Анзор поставил автомат в пирамиду и, сдав дежурному магазину с патронами, вошел в полутемную казарму заставы. Сумеречный свет едва пробивался сквозь щели плотно прикрытых ставен, за которыми по стеклу глухо и монотонно барабанил дождь.

Он не успел написать письмо. Не дописав свой дневник, не дочитав книгу, которую начал читать. В 13 часов 08 минут Анзор Хведелидзе вместе с рядовым Свиридовым вышел в составе тревожной группы на помощь наряду Мещерякова.

Пусть солдат, описанный лаконичным языком докладных записок, выглядел примерно так: «При сильном дожде и без подручных средств пограничники преодолели все водные преграды и благополучно прошли указанный в приказе маршрут».

В докладных записках описание подробности излишне. В докладных записках не было надобности говорить о том, что уже за «Карликовым поворотом» пограничникам пришлось решать, как перейти мутный поток, сдвинув-

ший с места первые, пока еще лежис камни; как в ущелье «Трех орехов» солдаты перекинули через вздувшийся ручей бревно и, искусно балансируя по скользкой и круглой поверхности, прошли по нему; как, наконец, они преодолели наиболее опасное место, держась голыми руками за проволочные нити забора, в которых постоянно отдавались громкие грозовые разряды.

На берегу реки валялись мелкие щепки, единственное свидетельство того, что еще недавно здесь стоял мост. От сильного напора воды дрожала земля, и человеческий голос оказался бессильным преодолеть пятьдесят метров, отделявших тревожную группу от наряда Мещерякова. В донесении о подвиге Анзора Хведелидзе не было сказано и о том, как были переброшены через реку хлеб и консервы, как в портсигаре с сигаретами оказалась записка солдатам, отрезанным от заставы, — теплые слова о необходимости быть мужественными. А когда наряд Мещерякова уже начал взбираться по крутому склону к дозорной тропе соседней заставы, рухнул кусок скалы, подогоченный беспрерывным тридцатичасовым ливнем, как раз на то место, которое только-только покинули пограничники.

...Они уже возвращались на заставу, когда по пути к ним присоединился наряд, охранявший границу у подножья хребта, в составе ефрейтора Назарова и рядового Филатова. Пропустив их вперед, Анзор шел последним. Самый опасный участок пути солдаты снова преодолели, держась за нити проволочного забора.

Перекурили на этой стороне ручья. Повеселевшие, пошли дальше.

— Теперь уже дома...

— Дома... А помните, ребята, в прошлом году...

Беда поджидала их у ручья «Трех орехов». Она затаилась в густых зарослях ежевики, за тонкой перемычкой из песка и камней, и самый зоркий глаз не мог бы разглядеть смертельную опасность.

Все случилось внезапно, когда шедший первым рядовой Свиридов был уже на другом берегу потока и удерживал бревно, по которому шел ефрейтор Назаров. Нарастающий гул ворвался в шум дождя. Это был обвал, и его нельзя было предотвратить. Тяжелые камни и бревна, выдернутые с корнями деревья, потоки падающей воды и желтые клочья пены — все это рухнуло сразу.

В первую секунду Анзору показалось, что рушится кусок горы. Вместо усиливающегося гула его охватила вдруг звенящая тишина. Эта тишина длилась мгновение, а затем разорва-

лась ошеломляющим грохотом. Лавина накрыла Назарова своей первой ударной волной и опрокинула навзничь.

Анзор не заметил, как отскочил назад рядовой Филатов, и не подумал, что его самого может достать краем набегающая волна. Возможно, у него только промелькнула мысль, что Назаров может задыхнуться в этом потоке воды. Спотыкаясь о камни, Анзор бросился вперед.

Водоворот кинул Назарова к берегу. Казалось, стоит протянуть руку, и Анзор схватит обессиленную ладонь товарища. Но неожиданно обвалилась земля, и он упал на колени. Рядом уже неслась струя песка и воды. Отталкиваясь от уходившей из-под ног земли, Анзор бросился в поток.

Вода казалась тяжелой, как ртуть. Она с ревом неслась вниз по каменистым ребрам ущелья.

— Наза-а-pp!

Голоса своего Анзор не услышал.

Белая молния зигзагом прошла к земле, осветив склонившиеся к ущелью каштаны. Раскат грома показался слабым треском, словно кто-то разорвал далеко в горах мокрую парусину.

Анзор ясно понимал все. Внизу водопад и река, в которой уже не найти спасенья. Если он не успеет настичь Назарова в эти считанные секунды на одном из немногих поворотов, тогда все, что он сделал, будет бессмысленным, неоправданным риском.

Назаров... Кто он Анзору Хведелидзе — брат, закадычный друг? Служили на одной заставе, спали через три койки в одной казарме. Поговорить по душам не успели, сердце свое друг другу не раскрыли...

Анзора бьет о бревно, торчащее из воды. Затор!.. Словно в калейдоскопе, плывут перед глазами разноцветные узоры.

...Может быть, он услышал едва уловимое движение летящего в потоке огромного камня, может быть, инстинкт самосохранения заставил его оглянуться назад, и он оглянулся, и сразу оценил всю опасность дикой, неустойчивой силы, заложенной в тяжелом осколке гранита — камень шел точно в прикрытую плащом спину Назарова.

На размышления не оставалось и со-

той доли мгновенья. И тогда Анзор поступил так же просто и прямо, как проста и пряма была его жизнь. Стараясь отвести беду, он сильным рывком бросился навстречу тяжелому куску гранита...

Ему было бы сейчас чуть больше двадцати. Он сам решил, как поступить. Он мог выбирать — два шага вперед или два шага назад. Стоило сделать эти два отступающих шага, и лавина пронеслась бы мимо. Но даже оказавшись в беснующейся стремнине, он мог не оглянуться назад, а, оглянувшись, не двинуться с места.

У него была возможность, вернувшись из наряда, забежать на кухню к Рубену Варданидзе и, обжигаясь горячим крепким чаем, рассказать, как сметающая все на своем пути лавина бросила Назарова в водоворот, как он протянул товарищу руку, но (не его вина!) стихия решила все по-своему.

Он мог не вступать в этот героический бой. И, слушая свои любимые песни, вспоминал бы только что пережитое, как тревожный сон. И очень возможно, что когда-нибудь тихим майским вечером он получил бы ответ на свое письмо, которое хотел написать, и в нем аккуратным почерком Линь были бы написаны те слова, о которых он так мечтал.

Но он сам решил, как поступить.

...Передо мной комсомольский билет № 28417385, выданный Ткибульским райкомом комсомола. Билет принадлежал рядовому Анзору Хведелидзе, члену ВЛКСМ с декабря 1960 года. Все надписи сохранились четко, и фотография Анзора, где он снят в рубашке в крупную клетку, не испорчена водой.

Автомат КА 3074. Он тоже принадлежал рядовому Хведелидзе. Автомат стоит в пирамиде на том же месте, где стоял и при жизни Анзора.

В списках заставы по-прежнему стоит фамилия паренька из грузинского селения Ргани, и в книге пограничной службы записано: «Хведелидзе Анзор Арчилович, рядовой автоматчик, 1942 года рождения, 1961 года призыва, член ВЛКСМ».

Беник СЕЙРАНЯН

На склонах горы Морут

Перевод с армянского Г. Нерсисяна

П О В Е С Т Ъ

1

Прошлым летом на склонах Морута установили опорные мачты. Их стальные каркасы, поднявшись попарно, перекинули друг другу упирающиеся в небо мостки. Потом чья-то искусная рука подвесила к мосткам белые изоляторы, так похожие на голубей, что даже зоркий сокол был введен в заблуждение — сорвавшись с неба, он ринулся на «добычу» и чуть не разбил клюв.

Медные провода, протянутые от мачты к мачте, пылают теперь, как чистое золото. Хлещет весенний дождь, льет косыми струями, и со стороны кажется, будто гора Морут прячет под сотканным из дождя покрывалом злато струнный саз¹.

Из ущелья Хабута, подобно гигантской струе фонтана, вздымается семицветная радуга. Один конец ее надломлен в облаках, другой опущен в глубину пропасти. Ущелье пылает, как тонир². Ветер, засучив невидимые рукава, замешивает облака над ущельем, раскатывает их в лепешки и, подобно торопливой горян-

ке у тонира, как попало прилепляет к отвесным каменным стенам.

Дождь прекращается, радуга блекнет, но во влажных глазках цветов долго еще живут волшебные оттенки ее нежных красок.

Каждый цветок придает Моруту свое особое очарование: подобно языкам пламени полыхают горные нарциссы — брызги солнца; на изумрудных склонах кокетливо покачивается горицвет — с золотой пылью на лепестках и алыми, как утренняя заря, побегами; отливает серебром диадема гинарбука¹ — лучезарного, украшенного тонким узором, словно творение рук искусного ювелира; под синевато-зелеными кустиками-ежами пробуждается альпийский тюльпан с оранжевыми лепестками и золотистым рыльцем...

Но разве перечислишь все цветы, что растут на склонах горы Морут!

Кружащий голову аромат лугов преследует вас повсюду, им напоены горы и доли, поля и леса, и прохожему кажется, что в этих сказочных, колдовских горах даже камни благоухают.

Бесконечно высок Морут. Другие горы рядом с ним выглядят низенькими холмиками, темные леса — за-

¹ Музыкальный инструмент у народов Востока.

² Печь, вырытая в земле.

¹ Разновидность альпийских цветов.

рослями кустарника, а облака, подобно верным псам, лежат у ног Морута. На этой головокружительной высоте чувствуешь себя словно замершим на миг в сказочном полете.

2

К вечеру матушка Азиз с куском каменной соли в кармане передника и клубком пряжи под мышкой выходила обычно из кочевья и, перебирая на ходу спицами, направлялась к краю ущелья. Там, сидя на большом камне, покрытом белыми пятнами лишайника, она дожидалась стада, которое медленно поднималось наверх.

Она любила сидеть здесь еще в дни своего девчества, когда родные и подруги называли ее Зизо.

В те беззаботные годы спускалась она с подругами в ущелье, где девушки собирали ежевику и смородину, обливали друг друга студеной родниковой водой.

Деревенские парни, оставшись наверху, затевали игру: подкатывали камни к краю обрыва и скатывали их в ущелье. Озорники с восхищением смотрели, как камни, подпрыгивая, катятся наперегонки, прислушивались к их глухим таинственным ударам внизу.

Однажды, когда Зизо спустилась в ущелье и парни забавлялись любимой игрой, скатившийся с горы камень ушиб ей ногу.

Девушка, вскрикнув, упала на траву.

Долгие месяцы Зизо пролежала в постели. Отец ее, гончар Мадо — бедняк из бедняков, обивал пороги лекарей и костоправов, заклиная их помочь единственной дочери.

Лекари лечили Зизо кто как мог, но она осталась хромой.

Удрученный гончар появился однажды у порога охотника Наво — отца юноши Саяда, сбросившего злосчастный камень.

— Дочь моя осталась калекой, Наво! Ты должен... — глухо заговорила он, не требуя, а сокрушаясь.

Наво не мог понять это иначе, как желание сосватать хромую Зизо за Саяда. Ведь каждому ясно, что Зизо, хоть и красивую, но калеку да к тому же бесприданницу, вряд ли согласилась бы взять в дом приличная семья.

Задумался справедливый и совест-

ливый охотник, прикинул и так и эдак и наконец дал согласие.
— Что сказать мне, Мадо? Возвращайся, — сказал он, опустив глаза.

*Они выпили по чарке тутовой водки. Выпили молча, не чокаясь, как на поминках. Так же безмолвно отерли рукавами усы и бороды и разошлись.

Саяд безропотно покорился судьбе.

И вот настал день, когда хромая Зизо вошла невесткой в дом Наво.

Время все меняет. Многое оно изменило и в доме охотника Наво. Саяд крепко полюбил жену — мягкосердечную, нежную.

Чем старше становилась дочь гончара, тем больше появлялось у нее достоинств. Горделивая походка делала почти незаметной ее хромоту. Она расцвела и похорошела, как горный нарцисс, что растет вдоль тропинок горы Морут. А какие у нее были золотые руки! И до чего она была чистоплотна и трудолюбива!

А когда дочь гончара подарила Наво внука, у старого охотника возликовало сердце.

Он позвал свата, расставил угощение на тахте, покрытой ковром, усадил с собой гончара и, обняв его за костлявые плечи, дал в руки чарку с водкой. Другую чарку взял сам, со звоном чокнулся и выпил за тот камень, который, скатившись в ущелье Хабута, привел в его очаг такую золотую сноху.

3

Возможно, Саяд и дожил бы до глубокой старости, если бы не нужда, которая оторвала его от семейного очага, как ветер отрывает листья от ветки, и забросила в город на поиски заработка.

В городе он поступил рабочим на завод Яралова. День и ночь стоял Саяд у вагранки, исхудал, изменился. А что он получал за это? Почерневшие гроши. За год не больше двух раз удавалось ему ненадолго поехать в деревню, повидаться с отцом, с молодой женой и черноглазым сынишкой, который уже держался за полуголодного деда и лепетал без умолку.

И все бы ничего, если бы не злой рок, оборвавший нить его жизни: взорвалась вагранка, и расплавленный чугун сжег единственного сына Наво.

Печальную весть принесли в дом охотника. Убитый горем отец бросился в город, но опоздал — товарищи уже похоронили Саяда. Наво увидел лишь серый могильный холм на краю городского кладбища..

На ночь остался он у одного из товарищей Саяда, его сменщика Теймураза. У этого скуластого и высокого молодого рабочего узнал охотник подробности гибели сына.

— Это была старая, никуда не годная развалина! — возмущался Теймураз. — Одно только название вагранка — вся в заплатках. Сколько раз мы требовали заменить ее. Да где там!..

Теймураз всю ночь сидел за небольшим столиком и что-то писал. Только на рассвете ненадолго прилег вздремнуть. Утром побрился, надел праздничную одежду и вместе с охотником Наво направился на городскую площадь.

Там уже собралась огромная толпа.

Никто в этот день не вышел на работу. Поводом послужила трагическая смерть Саяда. Пришли сюда рабочие и с других заводов и фабрик, где условия труда были также невыносимы.

— Довольно! Хватит! — возмущенно восклицали ораторы, призывая к борьбе.

Выступил и Теймураз. Говорил он горячо, гневно потрясал в воздухе костлявым кулаком.

Вдруг толпа вспокоилась, замедталась, словно на людей напала стая волков. Раздался свист плетей, шум, крики. Это конная жандармерия напала на безоружных рабочих.

Лошадь одного из жандармов чуть не затоптала Наво. Он едва повернулся и тут же ощутил на спине обжигающий удар плетью. Хотел бежать на соседнюю улицу, как вдруг увидел Теймураза: он и его молодые товарищи стащили с коней жандармов, врезавшихся в толпу и безжалостно орудовавших плетью.

На выручку жандармам спешил верхом на коне толстый офицер. Он на ходу обнажил шашку. Горе тому, на кого обрушился бы этот удар.

Теймураз, стоявший ближе к жандарму, ринулся в расступившуюся толпу.

Казалось, ничто уже не могло остановить взбесившегося жандарма.

Но едва он поравнялся с охотником, как старик ловко схватил его за узду и всей тяжестью повис на ней. Лошадь фыркнула, закружилась на месте, волоча по мостовой охотника. Но Наво не выпускал из рук узду. Всадник качнулся и, потеряв равновесие, упал прямо на старика.

Наво очутился на мостовой, в цепких объятиях толстого жандарма. Встрепенулось сердце старого охотника. На миг ему показалось, что схватился он с раненым медведем в дремучих лесах Кара-Хамзу. Наво придавил офицера к земле, вцепился в его жирную шею.

На площади прибыли вооруженные жандармы, и демонстранты вынуждены были отступить, прихватив с собой обессиленного Наво.

Товарищи рассказали Теймуразу о подвиге Наво, и парень не знал, как благодарить охотника.

— Спасибо, отец... Ты спас мне жизнь!

Наво только удивленно пожал плечами. Он ничего не помнил.

Трудно жилось Теймуразу и его товарищам — таким же полуголодным беднякам. Но когда зашла речь о том, чтобы собрать денег для семьи Саяда, все пошло навстречу.

Бека, отец Теймураза, скрыл от гостя, что деньги собраны товарищами. Он сказал, что их дал ему на хранение Саяд.

Сейчас у убитого горем Наво была лишь одна забота — взять с собой в деревню одежду Саяда, чтобы родные хотя бы над одеждой покойного поплакали. Но разве осталось хоть что-нибудь от одежды Саяда? Одежда несчастного сгорела вместе с ним.

Старый Бека как родного сына любил работящего и скромного Саяда. Когда Наво спросил, где одежда Саяда, Бека тайком сделал знак сыну, вышел на кухню. Теймураз последовал за ним.

— Смотри, не обмолвись, что одежды Саяда нет, — тихо сказал сыну Бека. — Заверни и отдай ему свою, пусть возьмет с собой в деревню. Эх, нет большего горя, чем потеря сына! — Старик тяжело вздохнул и, опершись на палку, покачал седой головой. — Такого парня потерять!..

Теймураз поступил так, как велел.

отец. Охотник Наво был уверен, что везет в деревню одежду сына.

Но несчастная мать даже горячими слезами не облегчила своего горя. Она выпила настой какой-то травы и скончалась в мучениях.

Несчастье сокрушило старого Наво. Он перестал ходить на охоту. Свет померк в его глазах. Целыми днями не выходил старик из дому, не мог взяться ни за какую работу.

Единственным утешением его была Азиз. Она работала не покладая рук, в труде старалась заглушить горе. Ухаживала за свекром, как за родным отцом.

А Наво день ото дня становилось хуже...

4

В память мужа, которого Азиз никак не могла забыть, она стала называть сына Саядом. В минуты печали доставала она из железного сундучка одежду Саяда и плакала над ней.

Но однажды, сунув руку в карман пиджака мужа, она нашла сложенную бумажку. Обе стороны ее были исписаны чужой, незнакомой рукой. Азиз никак не могла понять — письмо это или что-то другое. Показала бумагу своему соседу, сельскому дьячку. Близорукий дьячок долго глядел на нее, но ничего так и не разобрал.

— Написано не по-армянски. Должно быть, это на грузинском языке.

С этого дня в душу Азиз вселилась непонятная тревога. Что это за письмо на непонятном ей языке? И почему оно очутилось в кармане Саяда? Неужели он завел в городе какую-нибудь женщину? Всякое бывает... Город большой, парень один. А может это Наво все напугал, вместо одежды Саяда привез чужую?

Азиз, хотя и не могла проверить ни одну из своих догадок, решила письмо не уничтожать. Аккуратно сложив бумагу, она спрятала ее в карман пиджака мужа.

Многие в селении стали свататься к Азиз, не одному приглянулась работающая красавица-вдова. Однако не захотела она изменить своей первой любви. Решив всю свою жизнь посвятить сыну, Азиз осталась дома, чтобы не погас огонь в очаге охотника Наво.

Как-то вечером Азиз открыла дверь и только собралась лечь спать, как вдруг кто-то позвал ее.

Это была Джамерд-нанэ, честная и прямодушная старушка, пользующаяся в селе большим авторитетом.

Азиз открыла дверь и впустила Джамерд. Старушка опустила на пол объемистый мешок, извлекла оттуда два клубка пряжи и положила перед Азиз.

— Свяжешь носки и варежки! — приказала она шепотом. — Я распределила пряжу между всеми женщинами села. Это твоя доля...

И Джамерд торопливо завязала мешок.

С ердика¹ падал на земляной пол столб лунного света, и казалось, что это он поддерживает обветшалый потолок старого дома.

Под лунным светом клубки пряжи походили на синеватые шары. Азиз глядела на клубки и не решалась спросить, кому предназначались носки и варежки, которые ей приказано было связать.

Джамерд поняла немой вопрос молодой женщины:

— Это для наших, для повстанцев... — пояснила она.

Революция охватила всю страну. Женщины, кто как мог, помогали восставшим горцам.

Джамерд-нанэ организовала не только вязание носок и варежек, но открыла еще небольшую ткацкую мастерскую. Женщины доставали шерсть из своих одеял и тюфяков, пряли из нее пряжу и ткали. Потом шили из этой ткани брюки, куртки и доставляли их повстанцам в горы.

Азиз приняла деятельное участие в предприятии Джамерд-нанэ. А однажды, взвалив на спину хурджин с пулями, она ушла в горы сражаться плечом к плечу с повстанцами.

...После революции начали заново делить землю. Вместе со всеми получила свой надел и Азиз. Сельский кузнец смастерил для Азиз соху, и она с сыном принялась обрабатывать землю.

Мать и сын вставали чуть свет и взбирались по крутой тропинке к своему полю. На плече Азиз несла за-

¹ Дымовое отверстие в центре потолка, через которое проникает в комнату свет.

ступ, под мышкой — узелок с едой, а маленький Саяд — кувшин с водой.

Приходили они на поле раньше всех, а уходили последними. В середине дня мать и сын садились полдничать в тени развесистого дерева. Заморив червячка, они разрешали себе немного вздремнуть. После недолгого отдыха мать и сын снова принимались за работу.

Когда сельчане организовали у себя колхоз, Азиз одна из первых вступила в него. Подрос и ее единственный сын. По вечерам он учился, днем работал.

Азиз мечтала остаток жизни провести в окружении внуков. И когда Саяду приглянулась черноглазая звеньевая колхоза, Азиз всячески торопила его с женьбой. На месте полуразвалившейся землянки охотника Наво колхоз выстроил им новый домик. Перед ним они разбили сад с плодовыми деревьями. Мать хотела огородить его, но сын не разрешил:

— Нет, мама, не отделяй наш участок от колхозной земли, — сказал он. — Нас вывел в люди народ, так зачем же нам отгораживаться от него...

Вскоре Саяда избрали секретарем комсомольской организации. Честный и прямой, он стал любимцем сельской молодежи.

...Вспыхнула война. Саяд пошел в армию. Многие парни села последовали его примеру. Саяда направили в авиационную школу, он окончил ее с отличием и ушел на фронт. С фронта приходили добрые вести о нем. Газеты писали о его подвигах. Командование награждало Саяда, а односельчане радовались и гордились своим горным орлом.

Но однажды пришла другая, черная весть. Саяд погиб в одном из воздушных боев. Погиб, как отважный сын, защищавший от смертельной опасности Родину-мать.

Весть о гибели сына-героя Азиз приняла с гордой суровостью горянки: никто не слышал ее стонов, в глазах ее никто не видел слез.

— Слезы не делают чести Саяду. Если будет невоготу, запри дверь и плачь одна, отводи душу. Но смотри, чтоб на людях я не видела тебя с заплаканными глазами, — говорила она невестке.

В знак высокого уважения к ней односельчане стали звать ее матушкой Азиз.

Летом ее невестка оставалась в селении, работала в колхозе бригадиром садоводов. А матушка Азиз, взяв с собой внука, поднималась в горы на кочевье и жила там до появления снега.

6

В один из вечеров матушка Азиз спустилась к ущелью Хабута и, как обычно, уселась на валуне.

Солнце уже скатилось с неба в синевато-зеленую ловушку гор и, словно борясь за свою жизнь, цеплялось за убегающие облака.

Матушка Азиз только уселась было на краю ущелья, не успев еще продеть в спущенные петли спицу, как вдруг к ней подошли двое незнакомец. Поздоровавшись, они опустились на траву.

Как видно, шли они издалека и были утомлены. Капельки пота выступали на их загорелых лицах. Тот, который сел поближе, обратился к ней:

— Узнала?..

Голос показался матушке Азиз знакомым, но она не могла припомнить молодого человека. Стала внимательно всматриваться в его лицо.

Незнакомец не был похож ни на кого из парней, которых она знала. Может он принял матушку Азиз за другую?..

— Неужели, ты не узнала своего Шаво?..

Чуллок вышал из рук старухи.

— Вай, это ты, Шаварш?

Шаварш был самым близким, неразлучным другом Саяда. Даже родные братья не могли быть так преданы друг другу, как они. Стоило где-нибудь встретить одного из них, как тут же вырастал другой. Слово тень, ходили они друг за другом.

— Ну, погодите, вот явятся скоро ангелы и разлучат вас, — шутила матушка Азиз, подразумевая их будущих невест.

— Нас только смерть разлучит! — восклицал Саяд.

И, действительно, только смерть Саяда разлучила их. Узнав о гибели друга, Шаво перебрался в город. Окончив техникум и став электри-

ком, он выучился еще и на тракториста. В последние годы он работал близ озера Севан.

— Ты знаешь, матушка Азиз, я сейчас работаю на строительстве высоковольтной линии, она пройдет через эти зеленые горы. Мы хотим связать Севан с Храми и Мингечауром.

7

Ода матушки Азиз — обычное в горах строение, грубо сработанное топором, — простой бревенчатый домик, крытый дерном. Внутри оды, на земляном полу — тахта, устланная толстым слоем буковых листьев и покрытая сверху паласом. На краю тахты, рядом с постелью, сложенной горкой, небольшой сундук, обитый полосками разноцветной жести. С этим сундуком матушка Азиз никогда не расставалась, таскала его с собой даже на кочевье. Никто никогда не открывал сундука, но все знали, что в нем хранится самое заветное для Азиз — одежда мужа, письма, фотографии, вырезки из фронтовых газет о сыне, которые бог весть какими путями попали в ее руки.

В эту ночь старушка не отпустила Шаво и его друга, тоже электрика, Нугзара.

Была страдная пора. Все мужчины фермы спустились в деревню, на снокос и уборку урожая. Ушел и Авет — помощник пастуха Аго. Из мужчин остался на кочевье только Аго. Голос у этого сурового низкорослого горца шел словно из живота. Но был он неразговорчив, каждое слово у него приходилось вырывать клещами. Жена прозвала его «Баклажкой». И вправду, он очень походил на баклажку: маленькая голова, сам низкий, толстый.

Кочевье не покидали только женщины, девушки и несколько старух — любительниц поучать молодежь уму-разуму.

Появление на кочевье двух парней, любящих побалагурить и поострить, было всеми встречено с большой радостью.

На следующий день Шаво въехал на кочевье на своем тракторе, волоча за собой огромное бревно. Вся псарня фермы с лаем окружила его. Ребятишки повыскакивали из од и палаток и с громкими криками

бросились к нему на выручку. Отгнав собак, они сгрудились вокруг моточей машины.

Шаво сбросил бревно оды матушки Азиз. Затем, повернув трактор за угол оды, выключил мотор.

8

До поздней ночи ребятишки и подростки не отходили от трактора. Они с интересом наблюдали за тем, как этот стальной богатырь приволок крупнейшее бревно из глубокого ущелья.

Пламя костра, который разожгли горцы в эту ночь, взывалось выше, чем обычно. И пока вокруг костра длилась оживленная беседа, женщины и девушки, словно тени, бесшумно приносили что-то в оду матушки Азиз. Напрасно она обижалась и бранила их.

— Это ведь общие гости, матушка, — оправдывались они, — гости всего кочевья.

В этот день Нугзар прихватил с собой грузинский трехструнный чонгури. Ударив по струнам, он запел. Горцы понимали только одно слово из песни — «Тина». Однако мелодия была так близка их сердцу, так подходила к окружающей природе, что казалось, родилась она именно здесь, в этих горах и ущельях. Шаво время от времени вторил своему товарищу.

Женщины, кончив доить и разлив молоко в бидоны, тоже пришли к костру и, стоя в сторонке, слушали грустную песню Нугзара.

Кто же эта девушка,носящая такое чудесное имя Тина, где, под какой звездой она живет? Верно очень уж хороша она собой, если воспламенила сердце этого парня.

А Нугзар, сдвинув брови, мечтательно полужакрыв глаза и чуть склонив голову к плечу товарища, пел свою песню. В ней были и грусть, и огонь любви, и безбрежная, как море, тоска.

9

С приходом молодых людей матушка Азиз стала частенько задумываться. Она знала, что Нугзар грузин и вырос в том самом городе, где много лет назад погиб ее муж.

Она никогда не была в этом городе, но со слов свекра знала, что там

у Саяда были замечательные друзья. Наво рассказывал ей о Теймуразе и его отце Бека. Интересно, живы ли они? Она спрашивала о них Нугзара, но он их не знал.

Тогда матушка Азиз решила показать Нугзару ту бумагу, которую она нашла в кармане Саяда. А может не стоит, не лучше ли до самой смерти остаться в неведении?

После долгих колебаний она дала прочитать бумагу, но не сказала, каким образом она попала к ней.

Нугзар взял пожелтевший от времени листок и прочитал следующее:

«Друзья! Несколько дней назад мы предали земле одного из наших товарищей, вагранщика Саяда.

Саяд был не первой и не последней жертвой наших поработителей. Мы потеряли много таких, как он, честных и трудолюбивых товарищей. Много людей пало жертвой в угоду капиталистам, сосущим нашу кровь.

Многие из вас видели, что вместо тела погибшего мы предали земле только горстку пепла — все, что осталось от бедного Саяда. Мы даже не смогли послать останки Саяда его родным и близким.

Но почему, я спрашиваю, почему мы, рабочие, не должны иметь человеческих условий для работы? До каких пор мы будем молчать? До каких пор мы будем терпеть? Ведь всех нас ждет судьба Саяда!..

Теперь наши враги хотят посеять между нами национальную рознь. «Стоит ли ради одного рабочего-армянина поднимать столько шума», — говорят они. Это провокация! Все мы — братья, извечные друзья, связанные единой судьбой. Нас побратали наши горы, ущелья, леса и реки, которые, как родные братья, похожи друг на друга. Нас побратала кровь, которую мы, наши отцы и деды проливали в борьбе против угнетателей. И, наконец, нас побратал наш честный пролетарский труд.

Кто не понимает этого, пусть уходит прочь с нашей дороги!

Мы будем бороться до победного конца!

Преклонив колени у свежей могилы Саяда, мы поклонялись в этом. И это же самое повторяем здесь, на нашем братском митинге: «Да здравствует свобода!..».

Закончив чтение, Нугзар сложил бумагу и вернул старушке.

— Это замечательный документ. Откуда он у вас?

Матушка Азиз молчала. Ей трудно было говорить.

— Кем доводился вам Саяд, матушка Азиз? — снова обратился к ней Нугзар.

— Дед... дед моего Саядика...

10

Трасса высоковольтной линии подошла к подножию горы Морут. И теперь по вечерам не только электрики приходили в гости к горцам, но и ребятишки кочевья частенько спускались в ущелье, к месту работы Шаво, Нугзара и их товарищей.

Металлические каркасы, переплетаясь между собой, вырастали в высокие мачты. На головокруглительной высоте работали бесстрашные монтажники: они подвешивали к мачтам гирлянды изоляторов, натягивали провода.

Трудной, утомительной была эта работа. Ветер раскачивал тяжелые провода, вырывал их из рук. Но монтажники, как сказочные герои, уверенно продолжали идти вперед. Протянутая над ущельями и лесами линия все дальше и дальше уходила от кочевья.

По вечерам, если трактор Шаво запаздывал, горцы начинали волноваться.

Матушка Азиз в таких случаях тревожилась, точно насадка, потерявшая цыплят. Она то и дело выходила из оды, семенила к ущелью, смотрела вниз, прислушивалась.

«Запаздывают... ох, ослепнуть бы мне, ведь они голодны», — думала она, хотя знала, что парни имеют при себе достаточно еды.

Не меньше бабушки волновался и маленький Саяд. С первого же дня он с детской искренностью привязался к Шаво и Нугзару.

Саяд не помнил своего отца. Но видел отцов своих сверстников, и в его душу вселилась печаль. Почему другие отцы вернулись с фронта, а своего он так и не дождался? Ему рассказывали, каким отважным летчиком был его отец. Бабушка показывала ему фотографию отца, грудь которого была украшена тремя орде-

нами, двумя медалями, знаками отличия. Но это несколько не успокаивало мальчика. Хотя бы раз, мечтал он, один-единственный раз увидеть отца во сне...

Почти каждый день в один и тот же час над горным краем пролетал маленький, как игрушка, рейсовый самолет. И пока другие ребята с восторженными криками подбрасывали в воздух шапки, маленький Саяд, как замороженный, следил глазами за парящей в безбрежном небе серебристой птицей, и мысли его переносились в мир грез.

Эх, хоть бы раз оторвался от этого самолета белый парашют и опустился на склоны горы Морут, прямо на зеленую травку. Ребятишки с шумом и гамом собрались бы вокруг. Никто не узнает отца, и только Саяд, чуточку помедлив, побежит навстречу, упадет в его объятия, крепко стиснет его шею и никогда, никуда не отпустит от себя.

Дни проходили, но ни один парашют не опустился на склоны горы Морут. И в сердце Саяда мысли об отце так и оставались далекой и прекрасной мечтой.

А теперь, глядя на Шаво, мальчик искал в нем сходство с отцом: он был уверен, что отец его был такого же роста, как дядя Шаво, с такими же мускулистыми и сильными руками. И уж, конечно, он так же, как и Шаво, заразительно смеялся.

Саяду страшно хотелось, чтобы все было именно так. Но когда он, зачарованный, слушал песни Нугзара, его увлекательные рассказы о тайнах природы, глядел на его приветливое лицо, тогда, по правде сказать, он не мог решить, чего ему больше хотелось: чтобы отец был похож на Шаво или на Нугзара.

Мальчик мог целыми часами глядеть на них. Стоило кому-то из них достать папиросу, как он готов был броситься в огонь, чтобы поднести им уголек. Стоило им попросить пить, как он стремглав бежал в оду и, запыхавшись, приносил воду. И, боже упаси, если кто-нибудь из его сверстников попытался бы его опередить. Мальчик, как разъяренный орленок, кинулся бы на соперника.

Шаво и Нугзар тоже любили мальчика, были с ним нежны и ласковы, и если их угощали чем-либо вкусным, самый лакомый кусочек они всегда припрятывали для Саядика.

Нугзар и Шаво стали возвращаться на кочевье поздно вечером, когда женщины уже заканчивали доить и горы окутывались черной мглой, когда огонь, зажженный в одном конце кочевья, был виден на другом его конце.

Чем дальше уходила трасса строительства, тем больше росло беспокойство ребят. Кто знает, не сегодня-завтра монтажники могут уйти так далеко, что им придется избрать другое место для ночлега, и они больше не вернуться на кочевье.

— Уж очень вы задерживаетесь. Шаво, — сокрушалась матушка Азиз. — Разве нельзя пораньше кончать работу, чтобы засветло приходиться домой...

— Мы-то вовремя заканчиваем, матушка Азиз, но теперь далеко стало ходить. Мы уже до самых пещер Посадского ущелья дошли. Трудновато стало приходиться сюда...

Шаво не договаривал до конца, но и сказанного было достаточно, чтобы матушка Азиз задумалась. Но думы ее были не о себе. Она видела, как Саядик всей душой привязался к Шаво и Нугзару, чувствовала, как трепетно бьется его сердце, когда они запаздывают. Но зато с какой радостью кружится он вокруг них, как преданно заглядывает им в глаза, когда они приходят домой! Целый день мальчик резвится и щебечет, словно птичка, радуясь, что вечером вновь увидится с Шаво и Нугзаром.

Когда перед палатками один за другим зажигались костры, со стороны ущелья Хабута доносился рокот трактора Шаво. Волоча за собой огромное бревно, трактор входил в кочевье. Каждый день он привозил по бревну на дрова для жителей кочевья и сбрасывал их за одой матушки Азиз.

Потом Шаво, остановив трактор под навесом, умывался и сушился у костра.

Матушка Азиз подавала на стол буйволиное мацони. Гости любили ужинать под открытым небом, при свете костра. Сытно поужинав, они, откинувшись назад, доставали папиросы. Саядик в мгновение ока подносил им огонь.

Потом собиралась молодежь. Бро-

сали жребий, избирали «короля» вчера, и по его приказу начинался самодельный концерт. На склонах горы Морут гремели веселые песни и танцы, воздух сотрясался от ритмичных ударов по дну ведра, заменявшего барабан.

12

Как-то вечером полил сильный дождь. Жители кочевья укрылись в своих одах и палатках. Все были уверены, что ливень скоро прекратится и они снова смогут вернуться к своей работе. Но дождь продолжал лить как из ведра. Раскаты грома сотрясали окрестности. Молния саблей разрубала небо. Казалось, на горы и ущелья обрушилось море, увлекая за собой все, что попадалось по пути.

Нугзар уже вернулся, а Шаво все не было. Он спустился на шоссе, чтобы перебросить в горы металлические мачты. И обещал по пути нагнать Нугзара, чтобы вместе вернуться домой.

Но вот Нугзар давно уже дома, а Шаво все нет. Где же он? Почему так опоздал?

Проливной дождь еще больше усилил тревогу Нугзара. Сможет ли трактор выбраться из ущелья наверх по размытой дороге?

Холодный, пронизывающий ветер врывается во все щели оды, от его порывов подпрыгивал язычок пламени. Чтобы лампа не коптела, матушка Азиз прикрутила фитиль. В тусклом свете едва виднелась низенькая тахта, на которой старушка стелила постель для Саядика.

Мальчика знобило, у него ныли суставы, царапало в горле, но он ни за что не соглашался лечь: вместе с Нугзаром не отходил он от дверей, ожидая появления Шаво.

Вспышки молнии ярким светом озаряли кочевье. Промокшие животные, ежась от холода, сбились в кучу. Собак не было видно — они куда-то попрятались.

Вдруг снова сверкнула молния и раздался оглушительный грохот. Через минуту удар повторился ближе и сильнее.

На миг воцарилась тишина. Потом из мрака донесся протяжный крик:

— Эге-ге-гей!.. Помогите-е!

В свете блеснувшей молнии Нугзар увидел, как из соседней оды мелькнула женская фигура. Матушка Азиз в страхе перекрестилась.

— Стадо, стадо!.. Помогите стадо разбежалось!.. — услышали они женский голос.

И в самом деле стада не было на месте.

Ошалевший от страха скот бежал к ущелью, в леса, не ведая куда и зачем, подчиняясь слепому, животному инстинкту, а ущелье разверзло свою широкую черную пасть.

— Вся, вся скотина погибнет! — простонала старуха.

Нугзар сорвал с сучковатого столба пиджак, достал из кармана электрический фонарик и, захватив с собой палку, стремглав побежал на помощь. За ним выскользнул и Саяд.

Перепрыгивая через бешеные потоки воды, Нугзар бежал к ущелью.

Все кочевье поднялось на ноги. Люди спотыкались, падали, снова поднимались и бежали.

Дождь продолжал лить с неослабевающей силой. В ущелье бурлила, кипела река.

— Гой, гой! — то и дело доносился пастуший клич Аго.

Нугзар шел в направлении его голоса. Парни следовали за ним по пятам.

Они добрались до Аго, когда ему вместе с женой уже удалось остановить одуревших и рвавшихся к ущелью животных, и теперь оба они изо всех сил старались повернуть стадо обратно.

Аго словно подменили и сейчас в нем трудно было узнать флегматичного и молчаливого «Баклажку». Промокший до костей, весь в грязи, с исцарапанным лицом и руками, в изодранной одежде, этот «мужичок с ноготок», цепляясь за кусты и камни, падая и снова вставая, продолжал исступленно отгонять стадо от ущелья.

Каким-то удивительным чутьем угадывал он в темноте животных, пытавшихся отбиться от стада, и мгновенно перерезая им путь, гнал обратно.

Нугзар, не растерявшись, разделал молодежь на две группы, поставил всех цепью по обе стороны от себя и преградил животным путь к ущелью.

Наконец им удалось повернуть стадо к загону.

До полуночи затянулась эта нелегкая борьба. До полуночи Нугзар и парни кочевья не покидали «поля битвы», несмотря на проливной дождь, холод и грязь.

Продрогшего Саяда Нугзар заметил только тогда, когда стадо уже принажи на кочевье. Он пожурил мальчика и, взяв за руку, повел в оду.

Матушка Азиз хотела было как следует отчитать непослушного внука, но вмешался Нугзар.

— Ладно, матушка Азиз, я уже достаточно пробрал его, — попытался он смягчить ее. — Разденька Саяда, пусть лучше ляжет в постель.

Ребенок с головы до ног был в грязи. Вода стекала с него ручьями.

— Ах, чтоб ослепла я, родненький мой, на кого ты похож!.. — запричитала матушка Азиз.

Нугзар прямо у порога выжал свою одежду, швырнул в сторону ботинки, вытер полотенцем лицо и растормошил дрова в камине. Сырые поленья наконец разгорелись и осветили закопченные стены камина. В оде закружил дым. Саядик хрипло и сухо закашлял.

Ночью у мальчика появился жар. Матушка Азиз до самого утра просидела у изголовья внука. Нугзар тоже не отходил от больного. Съжившись под одеялом, мальчик стонал. Его мучила жажда, но пить он не мог — болело горло.

К утру мальчику стало еще хуже. Жители кочевья собрались возле оды матушки Азиз.

— Родные, помогите, спасите моего ребенка! — ломала руки в отчаянии матушка Азиз.

Гроза неистовствовала уже за горами, где-то вдали хлестал огненный кнут молнии. Дождь заметно стихал.

13

На рассвете со стороны ущелья донесся рокот трактора.

Горцы обрадовались.

Увидев толпу людей возле оды матушки Азиз, Шаво сразу же заподозрил неладное. Он остановил трактор и выскочил из кабины.

Навстречу ему побежал Нугзар.

— Саядик болен, Шаво, — сказал он. — Надо спешно доставить его в больницу.

Шаво торопливо вошел в оду и склонился над больным.

— Саядик, это я, дядя Шаво.. Что случилось, милый?

Мальчик был в бреду, ничего не узнавал. Состояние его было действительно тяжелым. Шаво помрачнел. Всю ночь тракторист не спал, промок до нитки, продрог. Но сейчас, увидев больного Саядика, он забыл о себе.

— Собирайтесь в дорогу! — глухо проговорил он.

Выйдя из оды, Шаво осмотрел трактор, долил в бак воды. А оставшейся в ведре водой ополоснул лицо. Потом поднялся в кабину, включил мотор и ловко развернул машину.

Женщины одели Саядика, завернули в одеяло. Нугзар бережно вынес его из оды. Матушка Азиз набросила на плечи шаль и уселась рядом с Нугзаром.

14

Стальной конь Шаво упорно прокладывал себе путь через ущелья и лесные чащобы. Дорога была трудная и опасная, местами почти непроходимая. Достаточно было незначительного просчета, чтобы тяжелая машина скатилась в пропасть. Кое-где дороги совсем не было — ливневые потоки начисто размывали ее. Но трактор, подчиняясь воле своего искусного водителя, уверенно продвигался к шоссе.

Ребенок притих на груди Нугзара. И только когда машину сильно встряхивало, он открывал глаза и испуганно смотрел по сторонам.

Наконец они выбрались на шоссе. Теперь они могли бы легко доехать до райцентра, но путь им загородила длинная вереница грузовиков, автобусов и самосвалов.

— Белая речка взбесилась, — хмуро сообщил шофер одного из грузовиков.

В обычные дни это была небольшая горная речушка, которая, вобрав в себя студёные воды Блганского, Чингинского и Кечутского родников, через две бетонные трубы, проложенные под шоссе, впадала в реку. А теперь ее бешеные воды обрушились на шоссе. Мутные потоки воды несли с собой землю, песок, скатывали с гор огромные глыбы камней, волокни вырванные с кор-

чем деревья и затыкали ими пасти бетонных труб.

А к переправе прибывали все новые и новые машины. Люди, собравшиеся на берегу, растерянно смотрели на ревущий поток.

Торопились все. Но больше всех торопился Шаво. Каждая потерянная минута могла стоить ребенку жизни.

Стоя перед потоком, он прикидывал, сможет ли его стальной конь преодолеть эту преграду.

— Ну как, есть надежда?.. — с тревогой спросил Нугзар у вернувшегося Шаво.

— Поехали!.. — с неожиданной для себя уверенностью ответил Шаво и, поднявшись на трактор, завел мотор. — Невозможного на свете ничего нет... — добавил он.

Машина ринулась в воду.

Трактор накренился, в кабину проникла вода. Нугзар, держа на руках Саядика, поднялся с места. Матушка Азиз онемела от испуга. Однако, трактор, перевалив через горы щебня и песка, упорно шел вперед.

Люди, затаив дыхание, следили за этой борьбой. Волны с ревом снова и снова кидались на трактор. Казалось, еще мгновение, и его сметет, но стальной конь упорно двигался к цели.

15

Снова пришла осень на гору Морут. Такая чудесная осень бывает только в горах Гугарка.

Осенним огнем воспламенился лес на склонах Морута. Каждый лист — зажженная свеча, каждое дерево — полыхающий костер. Ущелье Хабута и без радуги стало походить на пылающий тоннель.

По краям ущелья волнуется пожелтевшая трава, день ото дня ярче рдеет шиповник.

Начался листопад.

Ветер разметал, закружил над ущельем Хабута желто-красные листья, загнал их в расселины скал. На тропинках, на траве, на камнях по утрам серебрился иней. Горы изменились, подернулись дымкой грусти. Даже в пении птиц ощущалась эта грусть.

Пастух Аго и его помощник Авет

едва справлялись со стадом. Животных тянуло на зимние пастбища. Здесь, на кочевье, их трудно было удержать. Такой же, вероятно, инстинкт собирает птиц в стаи и гонит в теплые края.

В эти осенние дни школьники спускались в деревню, в горах оставались одни только малыши.

Ребята целый день носились по мягким опавшим листьям, собирали дикие груши и яблоки и в то же время приглядывали за разбредшейся по пастбищу скотиной.

Только Саядик не мог пока участвовать в этих прогулках: он еще не совсем поправился и сопровождал стадо только до ущелья Хабута.

Его сверстники спускались вниз, а он сидел на краю ущелья и долго-долго смотрел им вслед. Солнце приятно согревало его. Взгляд его блуждал по скалам, задерживался на подернутых легкой дымкой лесах, на гряде синих гор и, скользя по сверкающим водам, останавливался на вершине холма.

Холм все еще был зеленый. В разлитой вокруг желтизне он казался зеленым островком и ласкал глаз весенней свежестью. Таким зеленым он оставался до первого снегопада. И когда белые хлопья снега, кружась, опускались на зеленую траву, казалось, зима и весна протягивали друг другу руки.

На вершине холма, словно на зеленом пьедестале, высятся две мачты высоковольтной линии. Линия тянется издалека и проходит по склону горы Морут. Но Саядик видит только эти две мачты. Они стоят, подпирая мостками небо. Точно братья, взявшись за руки, смотрят они на мир с высокого горного кряжа Гугарка...

Каждый раз, когда мальчик смотрит на эти мачты, в памяти встают два любимых образа — Шаво и Нугзара.

Линия далеко ушла из этих мест, а вместе с ней ушли и старшие друзья Саядика. Остались только эти стальные мачты — как два отлитых из металла памятника.

Вокруг пламенеет осень. Взмывают в воздух осенние листья, резвятся в солнечных лучах, кружатся в танце.

«Какие хорошие, смелые люди есть на свете», — думает Саядик.

Фридон ХАЛВАШИ

НАС ДВОЕ

Перевод с грузинского Д. Голубкова

Перо блуждает бестолково
По перемаранной странице.
Найти б сияющее слово,
Чтоб ты могла в нем отразиться!

О этот неразумный ветер!
Все, что берег я для любимой,
Развеял он и обесцветил,
И вот — с тобой разделены мы.

Нас — двое,
Безнадежно двое,
А жили мы душой единой,
Мы — расщепленная судьбою,
Разъятая рекой вершина.

Лишь стих со мною — мой ходатай,
Лишь память — горестное благо.
Последней нашей встречи дата
Во мне скитается бродягой.

И вижу всю тебя, бывую,
И погружаюсь в светлый хаос,
И губы дальние целую,
И упрекаю вновь,
И каюсь...

ШЕПОТ

Перевод с грузинского В. л. Лившица

Бьется сердце мое,
Словно долго бежал я,
Бьется сердце мое,
Словно в юность вбежал наугад,

ՀԱՅԿԱՅԵԱՆ
ՆԱՅԿԱԳՐԱԴԱՐԱՆ

Листья старого сада шелестят и трепещут,
Неужели ты тоже взволнован, мой сад?
Этот странный твой шепот —
Стою под ветвями твоими, —
Эта тихая песня
Мне прежде была не слышна,
Все твои уголки стали нынче иными,
И совсем по-иному листва зелена и влажна.
Взгляд мой ищет ревниво,
Но прежних примет не находит.
Ты сегодня другой.
Переменчива бликов игра.
Постаревшая мать
Под твоими тенями проходит,
Всем на свете, как прежде, желая добра.
Вырос я и ушел.
Ты о детстве моем ей напомни...
Под рукой материнской теплеет дупель
кора.

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

ВДОВА СОЛДАТА

РОМАН

Перевод с грузинского Л. Громеко и М. Квливидзе

38

После обеда кузнец Захар один работал в кузнице. Теофиле Лабадзе привез новые колеса для телеги, на них надо было насадить железные обручи.

— Куда ты дел помощника? — спросил кузнца Теофиле, снимая с телеги колеса и ставя их вместе с обручами возле стены.

— А он тебе нужен что ли? — Захар закатал рукав, опустил руку глубоко в карман и вытащил сигарету.

— Отправил бы с ним упряжку.

— Я его не заставляю работать по вечерам.

— Что же мне делать с быками?

— Распряги и привяжи их здесь. Сегодня кукурузу пропалывали. Ты сходи и принеси им оттуда охапку стеблей. — Захар нагнулся, постукал согнутым средним пальцем по искусно выточенной оси. — Чья работа?

— Пармена. Два месяца возился с этим! Насилу закончил сегодня.

— А колеса тебе скоро понадобятся?

— Сейчас бы, но...

— Садись, отдохни. — Захар хотел было спросить про Маквалу, но почему-то не решился.

— Что же мне все-таки делать с этими быками? — повторил Теофиле.

— Попросим кого-нибудь отвести, если так спешно.

— Мне нужно привезти из Гориджвари бидоны.

— Ладно, успеешь.

— Захар, ты свободен сейчас?

— Почему ты спрашиваешь?

— Закончишь сегодня с колесами?

— Обязательно нужно?

— Если сделаешь сегодня, буду тебе очень благодарен.

Окончание. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 10, 11 за 1962 год и № 1, 2, 3 за 1963 год.

— Хорошо, отложу все дела и... только я не справлюсь.

— Я сейчас же вернусь. Отведу быков на ферму.

— На чем же колеса отвезешь?

— Ночью заберу.

— Хорошо, — согласился кузнец.

Теофиле вышел во двор, перешагнул через плетень, с необычайной легкостью вспрыгнул на арбу и хлестнул быков хворостинной.

— Здорово, Захар!

Перед кузнецом стоял одетый по-праздничному Петре Миротадзе.

— Отдыхаешь? — спросил он у Захара.

— Отдыхаю, чего еще делать.

— Что нужно было Теофиле? — Петре, нахмурившись, посмотрел на дорогу.

— Приходил по делу... Хочешь закурить?

— Нашел тоже курильщика! Черт бы побрал того, кто выдумал этот табак! Ладно, дай закурить, все одно — нехорошо. — Петре перешагнул через плетень.

— Так-то. — Захар повалил колесо арбы на землю, подтянул рукав и вытащил из кармана сигарету с золотым ободком.

— И откуда это ты все достаешь?! Удивительный ты человек! — Петре взял сигарету, повертел ее в руке, потом понюхал. — Какой запах! Таковую не захочешь, да выкуришь. Крепкие?

Петре неумело сунул в рот позолоченный мундштук сигареты.

— Дай огня!

— Откуда идешь? — Захар неторопливо протянул свою горящую сигарету.

Петре прикурил.

— Где ты был? — повторил вопрос кузнец.

— Фу ты, что за табак, как труха! Задохнешься от кашля!

— Я научу тебя как лечиться — не кури.

— Ты ведь не можешь без ехидства... Чьи это колеса?

— Если бы ты так не нарядился, помог бы мне, — словно между прочим, проговорил Захар.

— А что?

— Надо шины надеть.

— Да-а? Ну, я пошел! — Петре встал и чуть не ударился головой о притолоку.

— Сиди, не бойся, не заставлю тебя работать! — Захар усмехнулся.

— Я спешу.

— Что так?

— Брат жены должен был приехать. — Петре смял в руке погасшую сигарету и швырнул себе под ноги.

— Поездом? — заинтересовался Захар.

— А то как, пешком что ли?

— Но ведь у Эдуки нет брата, Петре.

— А двоюродный разве не брат?

— А-а, это другое дело.

— Захар, ты должен мне помочь. Сделай доброе дело...

— Чего тебе?

— Когда он нагрянет, даже не знаю. Чинчаладзе — люди свои нравные, сам знаешь. А тут еще, — Петре поднял плечи и посмотрел по сторонам, — придется соседней пригласить. Я ведь тоже человек, Захар. У меня все же есть самолюбие, ты на меня так не смотри!

— Господи! Кто же тебе сказал, что ты не человек? Вина тебе нужно, да?

— Немного...

— Зайди вечером. — Кузнец поднялся и медленно выпрямился.

— Да отблагодарит тебя господь за меня, мой Захар. Я в долгу не останусь! Клянусь жизнью моей Лали, тамадой будешь за моим столом.

— Ладно, ладно. — Захар взялся за колесо и поднял его. — Куда же девался Теофиле? Сказал, сейчас вернусь.

Миротадзе ничего не ответил. Захар обернулся, Петре словно сквозь землю провалился.

«Вот хитрец, улизнул, — пробормотал Захар. — Что нужно было — выпросил и умчался. Гостей ждет! Как же, поверю я ему! И все-таки дам вина, пусть подавится!»

Кузнец уже привык к проделкам Петре. Года не проходило, чтобы в ожидании «гостей» он не просил у соседей вина и мяса в долг. Целую неделю готовился к встрече «дорогих гостей» и только когда дней через десять его спрашивали: «Ну как, Петре, не подвели тебя твои гости?» — Миротадзе ударял себя рукой в грудь и кричал: «Обманули, понимаешь! Иди, уважай после этого таких людей! Введут тебя в расход, причинят беспокойство и — как будто ничего!»

Долгов, Петре, разумеется, никогда не возвращал. Каждому, чьим должником он был, обещал: вскопаю тебе виноградник или вместо тебя отработаю на строительстве дороги, но как только наступало время работать, он либо сказывался больным, либо у него находилось какое-нибудь неотложное дело.

Захар не раз зарекался, что не позволит больше Петре дурачить себя. Другие говорили то же самое, но Петре все-таки ухитрялся находить повод для сбора очередных жертвований, причем каждый раз просил хорошего вина.

— Ну вот, я пришел! — Теофиле, вытирая пот со лба, прошел под навес и прислонил к столбу кизилевую палку, с которой никогда не расставался.

— Милости прошу, — не оборачиваясь, ответил Захар.

— Смерил уже?

Захар сидел на корточках и вертел в руках железный обруч.

— Поистерлось железо-то.

— Да, немало ему пришлось трудиться!

— Берись с этой стороны.

Они приложили шину к ободу колеса.

— Узковат обруч-то, — покачал головой Захар. — Надо будет немного уменьшить обод. Я положил карандаш на полку... постой, вот он здесь... — Захар нашел в кармане огрызок карандаша. — Пойди, принеси маленький молоточек, он лежит на наковальне.

Теофиле принес молоток. Захар на глаз измерял колесо, медленно поворачивая его то в одну, то в другую сторону. Потом взял у Теофиле молоток и слегка ударил по выступающему, как ему показалось, краю сучковатого обода.

Эгнатэ сидел во дворе и прислушивался к ночному безмолвию. Пролетела какая-то птица, испугалась освещенной террасы и, хлопая крыльями, взмыла вверх. Эгнатэ поднял голову и посмотрел на небо. Звезды стали крупнее. Небо цвета купороса было похоже на вымок-

ший под дождем виноградник. Яркие звезды мерцали в вышине, как капли дождя на виноградных листьях.

Эгнатэ вспомнил, сколько таких же погруженных в спокойствие ночей ему пришлось провести в горах, а сколько было ночей, полных тревоги...

Однажды к загону подошли волки. Ночь была такая же светлая, звездная. Пастухи спали в шалаше. Волчий вой поднял всех на ноги. Скот перепугался. Быки и коровы заметались за плетеной изгородью, чуть было животы не вспороли друг другу рогами. У пастухов было только одно ружье, да и то — одноствольное. Что можно было сделать с одним ружьем против целой стаи волков?! Чтобы напугать волков, пастухи стали кричать. От этого скот совершенно обезумел... О, сколько волнений перенес тогда Эгнатэ! О скотине уже не приходилось думать, того и гляди взбесившиеся животные могли растоптать людей!

Волки не уходили до утра. Усевшись под каштаном, они настороженно следили за поднявшейся в загоне кутерьмой. Как только рассвело, хищники повернулись и по одиночке ушли в лес. В ту ночь бык прогнорол бок Теофиле Лабадзе. Да и другим тоже досталось. Эгнатэ потом целый месяц хромал...

Эгнатэ зажег спичку и затянулся цыгаркой. «Интересно, зачем все-таки приходил Миротадзе? — подумал он, вспомнив визит Петре. — Будто бы для того, чтобы пригласить к себе в гости? Как же, поверил я тебе. Ведь если бы Петре ждал гостей, то обязательно попросил бы вина. К Захару, говорит, спешу... Гм, наверно у Захара хочет взять вина. Интересно все-таки, с тех пор, как справили поминки по душе этой собаки Бикенти, в доме Миротадзе стол ни разу не накрывался. Какая муха его сейчас укусила?»

Эгнатэ напряг память, стараясь припомнить каждое слово, сказанное Петре. «Брат жены приезжает, — наконец вспомнил он. — А интересно, про кого он говорил, что некоторые цены, мол, себе не знают? Постой...»

Пепел с цыгарки упал на брюки.

«Какая-то, говорит, замужняя женщина, мать троих детей...»

— Гванца, — крикнул вдруг Эгнатэ так, будто его ударили по голове палкой.

Девочка тотчас же выглянула из комнаты.

— Я скоро приду, ты меня не жди, ложись спать.

— Куда ты, отец? — спросила удивленная Гванца.

Эгнатэ не ответил. Он, как сумасшедший, бросился к калитке.

Гванца не осмелилась его окликнуть. Взволнованная, она стояла у калитки и смотрела вслед отцу, который быстро шагал по каменистой дороге.

«Куда он идет?» — недоумевала Гванца.

Девочка знала, что в последнее время у отца было много неприятностей. Правда, Эгнатэ дома не говорил ни слова, не делился с нею, но она догадывалась, что дела отца идут не так, как прежде. Краем уха она где-то слышала, что Эгнатэ и Борис Лоладзе поссорились и что все, якобы, началось с этой ссоры... Вот уже два дня, как отец спустился с гор и все время чувствует себя беспокойно. Ночью не спит, снова начал курить...

Гванца торопливо заперла двери и выбежала со двора.

«Догоню, он, наверно, недалеко ушел», — думала она.

Эгнатэ стоял под большим дубом у ворот кузнеца Захара. Он ждал Петре Миротадзе. Ждал, хотя и был уверен, что, появившись сейчас

во дворе Петре, он немедленно спрятался бы в тень, чтобы остаться незамеченным. Так какой же смысл был в этом бесплодном ожидании? Эгнатэ не думал об этом. Просто его успокаивало то, что он тут стоял, ждал и слепо надеялся, что эта когда-то бывшая замужем женщина, мать троих детей, о которой говорил Петре, не Хатуна. Усталости он уже не чувствовал... Вдруг горькая усмешка перекосила его лицо.

Эгнатэ смеялся над собой. Действительно, до чего же бессмысленно было стоять тут, у ворот Захара, и чего-то ждать!

Эгнатэ решил уйти. Но куда? Собственный дом казался ему теперь таким опустошенным, словно кто-то вынес оттуда самое дорогое и заветное...

Высокие ивы, как погасшие свечи, тянулись по обеим сторонам дороги. Эгнатэ шел вдоль канавы и прислушивался к шуму воды. Перед ним что-то зашевелилось, подпрыгнуло и шлепнулось в воду. Наверное, лягушка.

Шагах в пяти от себя Эгнатэ различил дощатый забор. За забором, в фруктовом саду, на траве лежали голубоватые блики лунных лучей. Все остальное казалось черным. Эгнатэ обогнул сад и пошел вдоль забора, который довел его почти до Сахато.

В Сахато недавно взошла кукуруза. Эгнатэ перешагнул через тянущуюся от родника канавку и стал подниматься по склону холма. Здесь кукуруза доходила ему до колен.

Вверху, на гребне холма, вырисовывались темные силуэты силосных башен. Эгнатэ поднялся на пригорок, остановился, вытер пот со лба и взглянул туда, где в самом конце кукурузного поля, на окраине села, стоял небольшой одинокий домик.

40

— Мама, кто-то зовет!

Хатуна только уснула. Она нехотя приоткрыла глаза.

— Там кто-то зовет, — повторил Павле и сел на кровати.

Хатуна протянула руку к стоящей на стуле лампе. Когда она поднимала фитиль, раскрытая книга соскользнула со стула и с шумом упала на пол.

Постель Зурии была пуста. «Неужели еще не кончились занятия!»

— Кто там? — крикнула Хатуна.

— Это я, Эгнатэ.

— Кто? — удивилась женщина.

— Дядя Эгнатэ. — У Павле заблестели глаза.

— Эгнатэ... — Хатуна даже растерялась. Она быстро надела платье. — Сейчас... Крикни ему, сынок, я сейчас выйду.

— Сейчас, дядя Эгнатэ!

Хатуна взяла лампу, поставила ее на стол, застелила одеялом кровать и пошла открывать дверь.

— Здравствуй, Хатуна, — поздоровался Эгнатэ с остановившейся на пороге женщиной.

— Здравствуй...

— Как живешь?

Хатуна удивленно посмотрела на гостя. Вопрос Эгнатэ был настолько неожиданным и нелепым, что женщина подумала, не сошел ли он с ума.

— Вижу, что хорошо живешь, нечего тут спрашивать, — проговорил Эгнатэ.

— Заходи, — пригласила женщина.

Эгнатэ смутился.

— У меня небольшое дело, — пробормотал он, опуская глаза.

— Заходи в дом, — еще раз пригласила гостя Хатуна, — скорей. Зуря придет...

— Нет, лучше здесь, накинь на себя что-нибудь, уже прохладно.

— Уж не плохую ли весть ты принес? — встревоженно спросила Хатуна.

— О чем ты? — отвел глаза Эгнатэ.

— Что-нибудь с отцом случилось? — испуганно допытывалась Хатуна.

— Нет...

— Говори правду!

— Да нет же.

— Тогда что тебя привело ко мне среди ночи?

— Разве уже ночь?

Хатуна вышла на террасу и закрыла за собой дверь.

— Говори, что случилось?

— Ничего особенного... просто... — Эгнатэ потупился. — Я не думал, что сейчас так поздно. Который час?

— Ты что-то узнал и не говоришь! — Хатуна все еще не могла успокоиться.

— Да ничего, что я мог узнать... Сегодня с самого утра я в винограднике был, дерево рубил...

— Недавно я на ферму заходила, тебя спрашивала. — Предчувствие чего-то недоброго продолжало мучить Хатуну, и чтобы сказать что-нибудь, она вспомнила старое. — Тебя там не было.

— Ты хотела меня видеть?

— Да, проходила мимо...

— По делу?

— Нет, так просто... — Хатуна слегка улыбнулась. — Помириться хотела.

— Со мной? — Эгнатэ от удивления раскрыл рот, потом неожиданно засмеялся. Смех сменился приступом кашля.

Хатуна удивленно смотрела на него. «А может он действительно не в своём уме?»

Скрипнула дверь. В просвете мелькнула белая рубашка Палико.

— Мама, — слышался шепот.

— Что? — обернулась Хатуна.

— Шалико проснулся.

Увидев Палико, Эгнатэ нахлобучил на голову шапку.

— Уходишь? — растерянно спросила Хатуна.

Эгнатэ пожал плечами и горько усмехнулся.

— Ты, наверно, думаешь, что я сумасшедший? Что ж, вполне возможно, ничего удивительного в этом нет.

— Упаси тебя бог, мой Эгнатэ, с чего бы тебе сходить с ума? В наших краях был наверно, да?

— Хатуна! С открытой душой пришел я к тебе... — неожиданно выпалил Эгнатэ.

— Так зайди же в дом. Почему мы тут стоим? Сейчас не так уж поздно...

— Об одном хотел я тебя спросить, Хатуна... Вернее, не спросить, а сказать...

— Говори.

— Хатуна, — голос Эгнатэ дрогнул. — Ты ведь сама знаешь, я... — он чуть было не сказал, что он друг Шалико, что они вместе вы-

просли и поэтому она может поверить ему, он не пожелает ей плохого, но сдержался. — Ты ведь знаешь...

Хатуна ждала, что, наконец, скажет запутавшийся в своих делах Эгнатэ.

— Хатуна, — снова начал он, мучительно выдавливая из себя слова. — Я... ничуть не лучше других... Правда, я сосед... Но и другие тоже соседи... Например, Захар...

Хатуна подумала, что Эгнатэ где-то выпил лишнего, но все-таки ей стало жаль его.

— Я об одном хотел спросить, — продолжал он. — Только ты не обижайся... Сейчас спрошу...

— Спроси, — тихо сказала женщина. Волнение Эгнатэ передалось и ей.

— Так вот... Ты, Хатуна, никого не ждешь в скором времени? Гостя какого-нибудь?

— Гостя? — она не сразу поняла, о чем ее спрашивают.

— Да. На той неделе... Так, примерно, в понедельник или вторник...

Глаза Хатуны встретились с настороженным взглядом Эгнатэ. Он смотрел на нее так, будто от ее ответа зависела вся его жизнь.

— Нет... — покачала головой женщина, перебирая пальцами пуговицы на воротнике. — Я никого не приглашала...

— Правда? — с облегчением вырвалось у Эгнатэ.

— Правда. А кого я должна была ждать?

— Никого! Пусть все гости к чертям провалятся!! — Эгнатэ от радости сам не понимал, что говорил. — Лишь бы тебе было хорошо, лишь бы ты была счастлива...

— Погоди, куда ты... — остановила его Хатуна.

— Теперь я пойду... Я уже сказал... Спасибо тебе, Хатуна. Дай бог тебе счастья, Хатуна! — Эгнатэ уже нельзя было остановить. Обрадованный, словно помолодевший лет на двадцать, он стремительно бежал с лесенки во двор.

— Эгнатэ!

Но Эгнатэ уже ничего не слышал. Он, не оглядываясь, бежал к калитке.

Поезд уходил вечером, но Серго вышел из дому рано, чтобы, как он обещал, зайти за Хатуной и свести ее в отдел народного образования.

Через час они уже были в Циплискарро. Отдел народного образования размещался в двух маленьких комнатах над почтой. Раньше, когда Серго был еще мальчиком, здесь находилось отделение милиции. Внизу, вместо почты, в комнате с земляным полом, была конюшня, где, уткнувшись мордами в стойла, стояли рыжие милицейские кони...

Серго, войдя в тесно заставленную столами комнату, спросил заведующего. Минуты через две, нахмуренный и расстроенный, Серго вернулся назад. Заведующего не оказалось на месте: вместе с группой школьников-спортсменов он уехал в Тбилиси и его возвращения ожидали только сегодня к вечеру.

— Чужало мое сердце, что не застанем его, — безнадежно махнув рукой, проговорила Хатуна.

— Нужно было позвонить, прежде чем идти. — Серго наклонился и поднял чемодан, стоящий у лестницы.

— Пойду я, здесь уже нечего делать.

— Подожди, который час? — Серго взглянул на наручные часы. — Можешь подождать до вечера?

— Какой в этом смысл?

— Встретим поезд. Если приедет — на вокзале и поговорим с ним.

— Хорошо, подожду, — согласилась Хатуна.

— Только все дело в том, куда нам сейчас пойти? До прихода поезда еще три с половиной часа.

— Я зайду на почту, напишу письма. Приду на вокзал прямо к поезду. Если хочешь, оставь чемодан.

— Зачем тебе таскаться с ним? Чемодан я оставлю здесь, в пекарне... Так, значит, ты к приходу поезда будешь на вокзале?

— Да.

Они расстались. Хатуна зашла на почту.

— Бумагу для писем и один конверт с маркой, пожалуйста, — попросила Хатуна.

Худошавая женщина, которая работала здесь с незапамятных времен, протянула Хатуне через окошко сложенный вдвое лист бумаги и конверт.

За столом, покрытым чернильными пятнами, сидели две женщины в платках. Одна писала, вторая нетерпеливо следила взглядом за ее рукой, старательно выводящей каждое слово.

Стула не оказалось. Женщины сидели на единственной длинной скамье со спинкой из фанеры, в которой были просверлены дырочки.

Хатуна подошла к окну, положила на подоконник конверт и бумагу.

Единственная чернильница стояла на круглом столе.

— Мы сию минуту кончим, милая, — извиняющимся голосом сказала одна из женщин.

— Пишите, пишите. — Хатуна взяла ручку и обмакнула ее в чернильницу. Сначала она решила надписать адрес на конверте. Собственно, на почту она пришла для того, чтобы написать письмо старикам и таким образом скоротать время. Пока она выводила на конверте первое слово — «Зестафони» — чернила на кончике пера высохли и она обернулась, чтобы снова обмакнуть ручку в чернильницу.

Женщины о чем-то перешептывались. Видимо, они не могли договориться о чем писать дальше.

— Извините, — сказала Хатуна и еще раз обмакнула ручку в наполненную до краев чернильницу. Следующее слово адреса — «Калосубани» она так и не написала. Вместо узкой улочки, которая виднелась за окном, ей представлялось сейчас широкое шоссе за железнодорожным полотном и в неумолчном шуме проносающихся машин слышался голос Юрфиле:

«В эту сторону — Кутаиси, в ту — Тбилиси...»

Веселый гомон детей... долговязая девочка Талико...

«Нет, нет!»

Хатуна стиснула ручку и постаралась вывести слово «Калосубани», но смогла вывести лишь первую букву, так как перо успело опять высохнуть. Она вернулась к столу. Женщины уже ушли. На столе валялись клочки бумаги. Хатуна взяла конверт и бумагу и перебралась за стой.

Отложив конверт в сторону, Хатуна принялась за письмо. Но письмо не получалось. Хатуна зачеркнула еще невысохшую строчку и начала письмо заново.

«Дорогие мои отец и мать! Мы живем хорошо. Вы, наверное, получили письма мальчиков. На прошлой неделе они послали вам два

письма. Скоро будем опрыскивать виноградник. А как вы? Как ваши дела? Шалико очень соскучился по вас. Все время вспоминает».

Маленький Шалва редко вспоминал стариков. Эти слова Хатуна написала, чтобы доставить удовольствие отцу.

«Какая глупость», — подумала она и снова зачеркнула написанное. Потом разорвала на кусочки и скомкала перечеркнутое письмо, встала и быстро вышла на улицу.

До прихода поезда оставалось еще много времени. Хатуна не знала, куда себя девать. Она вышла на мост и, облокотившись о перила, посмотрела вниз. Под мостом строили новую дамбу. Каменная стена тянулась от берега наискось почти до середины реки.

«Слава богу, сообразили, — подумала Хатуна. — Как она, окаянная, все-таки разливается весной!»

Как-то весной (Шалико тогда был еще дома) Лухуня вышла из берегов. От рева воды сакаурцы не могли уснуть. Вода залила все вокруг: затопила базар и полотно железной дороги, даже на платформе станции и в ближайших садах стояли огромные лужи. Три дня и три ночи не ходил поезд в Циписцкаро...

Скоро Хатуна оказалась на привокзальной площади.

До прихода поезда оставался еще час. Солнце садилось. Белый каменистый берег Лухунии в лучах заката казался усеянным маками, и сам воздух тоже отливал маковым цветом. И на лицах у гулявших по перрону людей лежал красноватый отблеск вечерней зари.

Куда же девался Серго? Бог с ним, что он заставил ее столько ждать, как бы сам не опоздал на поезд!

Хатуной овладело беспокойство. А может быть, Серго уже пришел и ищет ее? Хатуна вернулась в зал. Там было пусто.

Серго едва успел к самому отходу поезда.

Он еще издали заметил Хатуну.

— Скорей, скорей, где ты был, парень, что случилось?!

Обливающийся потом Серго поставил чемодан и полез в карман за деньгами.

— Пришел?

— Кто?

— Поезд.

— Не только пришел, сейчас уйдет.

— Мамочки, как же это я так?!

— Где ты был?

— Куплю билет и все расскажу. — Серго схватил чемодан и сломя голову помчался к кассе. Хатуна догнала его у окошка.

— И дернул меня черт... думал, что еще рано... — скороговоркой рассказывал Серго, — домой съездил...

Хатуна рассмеялась.

— Наша машина уходила... — оправдывался Серго.

— Но ведь она только что здесь стояла?

— В том-то и дело! Пока я сбегал домой и вернулся в контору, она уже ушла. Не дождал меня чертов шофер. Хатуна, дорогая, прости меня, пожалуйста!

— До отхода поезда осталось десять минут, — словно из подземелья послышался гулкий голос кассирши.

— Хатуна, милая, на этот раз прости. Не мог я иначе. Маквала осталась в таком состоянии... Сердце не выдержало. Во всем она виновата!

— Бери билет!

Серго спохватился. Сгрел в ладонь билет и кучу смятых трехрублевков.

— Как только вернусь... Послезавтра я уже буду здесь. Отсюда прямо пойду в Районо. Только ты не обижайся, очень прошу не обижайся! Да, Хатуна! — Серго уже был в дверях, когда вспомнил о главном. — Зурию я предупредил, что ты запоздаешь...

— Ладно уж, иди! Счастливого пути!

«Как было бы хорошо, если бы земля была населена только такими людьми, как Серго», — думала Хатуна, выходя на привокзальную площадь.

Она пересекла площадь, свернула на мощенную булыжником улицу. С каждым шагом на дороге становилось все темнее и темнее и, наконец, мрак настолько сгустился, что в двух шагах ничего не было видно.

«И как это получилось, — с досадой подумала Хатуна. — А все Серго виноват. Из-за него я так задержалась!»

— Мама! — вдруг послышалось в темноте.

Хатуна остановилась.

— Кто это? — испуганно отозвалась она.

— Это я, мама, Зурия...

— Ой, сынок, дорогой! — воскликнула Хатуна.

Зурия стоял на обочине дороги, поджидая мать.

— Откуда ты узнал, что это я, а? — подбежала к сыну Хатуна и обняла его. — Что это ты держишь?

— Фонарь. Погоди, зажгу.

— Давно ты здесь?

— Только что пришел.

— Дай бог тебе счастья, сынок, как ты меня обрадовал!

— Боишься идти одна?

— Не боюсь, но...

— Чего же ты ждала, поезд ведь давно ушел? — Зурия нагнулся и зажег карбидный фонарь. — Пойдем!

— Он уже гаснет, сынок!

— Ничего. Пойдем быстрее.

— Ладно. — Хатуна ускорила шаги и опередила сына.

— Поговорили с заведующим?

— Нет, он, оказывается, уехал в Тбилиси... Ну как ты там без меня? Никто к нам не приходил?

— Приходила Эленэ Лашхи. Ждала тебя. Принесла конфеты для Павле и Шалико.

— Долго она сидела?

— Когда я ушел, она еще там оставалась. Мама...

Хатуна взглянула на сына.

— Не нравится мне эта женщина...

— Почему же, сынок? — удивилась Хатуна.

— Не знаю. Какая-то она...

— Какая?

— Бог ее знает. Когда она к нам приходит...

— Ты иди вперед, сынок, а то я ничего не вижу, — ласково проговорила женщина. — Как ты сказал: когда она к нам приходит...

Зурия молча пошел рядом, но не ответил.

— Зури, я тебя спрашиваю... — еще ласковее обратилась к сыну Хатуна.

— Она что-то уж очень липнет к Шалико, сынком его называет... пробурчал мальчик.

— Глухой! — Хатуна засмеялась. — Ну, разве не глухой ты, а?

— Я молчал до сих пор, ничего не говорил тебе, а ведь она и тогда приходила...

— Когда? — Хатуна остановилась.

— Ну, вот когда ты там была...

— Где?

— У дедушки...

— Ну и что?

— Таскала подарки Павле и Шалико.

— Зурия... — Хатуна рассердилась, — не будь таким подозрительным... Видно, в своего деда пошел...

— Ах, так... — на глазах у мальчика выступили слезы, но он попытался придать своему голосу твердость, — Шалико маленький, мама, большого ума-то у него нет... а вдруг...

Хатуна замолчала. Она не считала нужным сейчас спорить с сыном. Неприязнь Зурии к Элене она отнесла за счет его чрезмерной подозрительности. Мальчик тоже больше не проронил ни звука. Оставшийся путь они прошли молча, словно поссорившись...

Утомленные ожиданием, Шалико и Павле закрыли дверь на засов и, не раздеваясь, улеглись на кровати.

Зурия задержался во дворе, чтобы погасить взятый у соседей фонарь.

Хатуна смотрела сквозь щель в дверях на спящих детей. Два раза осторожно постучала. Мальчики крепко спали.

Зурия задержался во дворе, чтобы погасить фонарь.

Пока Хатуна будила детей и стелила им постели, Зурия сидел на темной террасе. Полусонные мальчики едва стояли на ногах, сон одолевал их, и как только они оказались в постели, сразу же заснули.

Хатуну тоже клонило ко сну, но она была очень голодна. Переселив усталость, она вышла на террасу, вынула из давилки вчерашнее мчади, кусок сыра, положила все это на тарелку и внесла в комнату.

— Зури, иди есть.

Зурия вошел, снял с себя пояс и бросил его на кровать.

— Садись, — сказала мать.

Зурия пододвинул себе стул, сел напротив матери. Хатуна отломил кусочек мчади, взяла немного сыру, потом встала, чтобы принести воды.

— Я принесу тебе воды.

Зурия схватил глиняный кувшин с высоким горлышком и вышел на террасу. Вернувшись, достал из стенного шкафа стакан, налил матери воды и снова сел на свое место. К еде он не притронулся.

Хатуна съела еще немного, запила водой. Вода была теплая.

— Почему не ложишься, сынок?

— На. — Зурия сунул руку в карман брюк, вытащил оттуда смятый конверт со штемпелем почтового отделения и положил перед матерью.

— Что это? — у Хатуны забилося сердце.

— Посмотри сама.

Словно что-то оборвалось у нее внутри. Она схватила письмо. «Пришло! От него!». На голубоватой бумаге желтели следы размазанного пальцем клея.

Вместо того, чтобы распечатать конверт, Хатуна без единого слова пристально посмотрела сыну в глаза.

Зурия, стараясь избежать взгляда матери, опустил голову.
— Иди, ляг, — тихо сказала Хатуна. В ее голосе звучала мольба.

— От кого письмо? — спросил Зурия.

— От кого бы то ни было... — Хатуна протянула руку к стеклу лампы и, обжегшись, отдернула ее.

— Что ты делаешь! — вырвалось у мальчика.

Хатуна не ответила; она, обжигаясь, сняла с лампы горячее стекло и держала конверт над острым язычком колеблющегося пламени.

— Мама, что ты делаешь? — Зурия схватил мать за руку.

— погоди! — в розоватом свете огня у Хатуны странно блестели остановившиеся зрачки глаз. — Сама знаю, что делаю!

От кончика конверта повалил густой дым, потом бумагу разом охватило пламя. В комнате запахло жженной бумагой.

— Зачем ты его сожгла? — непонятное поведение матери еще больше насторожило Зурию.

— Так надо.

— От кого оно было?

— Все равно.

Старик, одетый, несмотря на жару, в черный полушубок с меховым воротником и низкую папаху, остановился возле кузницы и огляделся. Петре стоял за каменной оградой, увидел путника и стал с любопытством наблюдать за ним. Очевидно, старик был не здешним. Бросалась в глаза его нерешительная походка. Приезжие люди всегда чувствуют себя несколько стесненно на новом месте. Путник тоже заметил стоявшего у ограды человека с ружьем за плечами и направился к нему. Он опирался на толстую суковатую палку и заметно хромал.

Петре перепрыгнул через ограду и пошел навстречу старику.

— Будь добр, сынок, научи, как пройти к дому Миндели?

— К Миндели? — переспросил Петре, сиюсь вспомнить, откуда знакомо ему лицо старика. — Шалико Миндели?

— Да, да. Шалвы Миндели, — оживился пришедший. — Здесь когда-то была калитка, теперь ее, видно, убрали...

Напрягши память, Петре, наконец, узнал старика. Это был Спиридон Канчавели, отец Хатуны.

— Дорога к ним в эту сторону, но... ты разве меня не узнаешь? — С лица старика не сходила улыбка.

— Бикентич я, Миротадзе, — пришел ему на помощь Петре.

Путник прикрыл глаза отекающей, веснушчатой рукой и таким голосом воскликнул «ух», будто после долгой разлуки наконец встретил бог весть сколько лет пропадавшего родственника и, обрадовавшись, досадовал на себя за то, что с первого взгляда не смог узнать дорогого ему человека.

— Как вы здесь живете, у вас все по-старому?

— Живем потихоньку. Надолго к нам? Как Эка себя чувствует?

— Спасибо. Да что о нас спрашивать. Как говорят — одной ногой в могиле стоим. Сейчас вы должны жить хорошо, молодые.

— Хатуна говорила, что ты тяжело болел. Оно и заметно.

- Эх, что поделаешь, милый, такова жизнь. А у тебя сколько детей, дорогой Петре?
- Двое.
- Взрослые?
- Сын взрослый, дочь маленькая. Сюда, сюда!
- Ты что ж, проводить меня хочешь?
- Прошу! — Петре поправил на плече ружейный ремень и пошел рядом со стариком.
- Кузницу недавно построили? — спросил Спиридон.
- Перенесли. Она внизу стояла, там, где Лабадзе живет.
- Кукуруза нынче хорошая.
- Если погода не подведет, ничего! А как у вас дела?
- Дождей мало. Засуха.
- Вот-вот. Нас тоже засуха замучила.
- Ежели вода была бы у вас поближе, лучшего места не найти.
- Да, место хорошее.
- Теперь ты мне вот что скажи, Петре, как все-таки случилось это несчастье с твоим отцом?
- Гм... видишь вон тот орех? — Петре вытянул свою длинную руку по направлению к низине.
- Который?
- А вон там, в Сахато. Упал он с того дерева.
- Да что ты говоришь? — деланно удивился Спиридон, хотя до мелочей знал все об этом случае.
- А как же!
- Вроде бы и не такой он старый был, несчастный?
- Шестьдесят шестой пошел.
- Подумаешь, шестьдесят шесть лет! Пустяки!
- А тебе сколько, дядя Спиридон?
- Мне? — Спиридон улыбнулся, но лицо его почему-то оставалось грустным. — Я тоже примерно в этом возрасте.
- Не бойся, еще столько протянешь.
- Эх, милоч, спасибо на добром слове. И тебе желаю долгих лет. А родник /по-прежнему здесь течет.
- Хочешь пить? — Петре снял ружье, прислонил его к одиноко стоящему дереву и засучил рукава, собираясь мыть руки.
- Нравится мне здешняя вода, — задумчиво проговорил Спиридон, не в силах оторвать взгляда от желоба, по которому стремительно текла прозрачная струя и, падая вниз, разбрасывала во все стороны брызги.
- Холодная? — мечтательным голосом спросил Спиридон.
- Как лед! Родники и у вас хорошие.
- Да, у нас тоже хорошие родники.
- Не выпьешь?
- Нет, нет. Я немного вспотел... А что это там на горе, дом какой-то построили?
- Ферма.
- Много скота?
- Хватит.
- Это хорошо... Спасибо тебе. Дальше я и сам найду дорогу...
- Что ты, подумаешь, какая трудность проводить до самого дома! — Петре засунул в карман мокрый платок и снова поправил ружье.
- Небольшой подъем они прошли молча. Впереди, хромая, шел Спиридон, сзади — Петре. У ворот фермы Спиридон остановился и посмотрел вниз.

В Сахато едва пробивались посаженные квадратами запоздалые всходы кукурузы. Окрестные виноградники, сады и огороды уже оделись в зелень.

— Что может быть лучше весны! — заметил Петре и тоже посмотрел вниз.

— В Сахато раньше росли ольховые леса. Мы рубили деревья и распиливали их на доски для заборов, — в голосе Спиридона слышалась грусть. — Подумать только, вся эта земля принадлежала одному человеку. А сколько у него было еще в других местах! Эх, времена!

— Ты про Лашхи? — спросил Петре.

— И для чего ему надо было столько? — Спиридон продолжал размышлять вслух. — Вот и отобрали.

— А ты бы не хотел, чтобы и у тебя было столько?

— У меня? — Спиридон взглянул на Петре. Он, как видно, не ожидал такого вопроса. — Конечно, кто отказался бы, но...

— Время тогда было такое, — пришел ему на помощь Петре.

— И время было такое, и вообще сердце человека ненасытное. Если сердцу дать волю, оно никогда не скажет: довольно. Ловкий он был человек, вот и приобрел.

— Если на то пошло, чем мы хуже его?

— Сейчас другое время, дорогой Петре!

— Моего несчастного деда он до нитки обобрал, — желчно проговорил Петре.

— Кто?

— Амберки.

— Ты разве помнишь его?

— Помню, конечно, помню!..

— Да-а... — протянул Спиридон, покачав головой. — Он и твой отец были кровными врагами.

— Отец все-таки свернул ему шею!

— Гм... А остался кто-нибудь у Амберки?

— Сын.

— Какой он человек, скажи, пожалуйста.

— Элефтер? Ужас! — Петре даже сам не понял, зачем ему понадобилось врать.

— Что ты говоришь?

— Да, да.

— А кто еще остался живой из моих одногодков?

— Кто? Только Иорам.

— Лабадзе?

— Да. Он здесь на ферме, хочешь позову?

— Нет, нет, не надо. Потом повидеюсь, — отказался Спиридон и ускорила шаг, чтобы не отстать от размашисто шагавшего Петре. — А Алмасхан?

Петре оглянулся.

— Какой Алмасхан — кузнеца Захара отец?

— Да.

— Алмасхан давно умер.

— А Захар что подельывает?

— Ничего, дочку выдал замуж.

— Добро. А Калистрат? — вспомнил Спиридон.

— Жив. Что ему сделается, черту!

— Он, наверное, очень постарел?

— На него ни старость не действует, ни...

— Добро... И здесь тоже неплохая кукуруза.

— Ага, — сразу же согласился Петре и остановился. — Спиридон, знаешь что! Давай-ка я пойду вперед, а ты потихоньку иди следом. Ладно?

— Дошли бы вместе... — Спиридон, разумеется, не мог догадаться, что было у Петре на уме.

— Пойду, сообщу Хатуне, — почти с мольбой в голосе сказал Петре.

— Пожалуйста, Петре, как хочешь. — Спиридон добродушно улыбнулся.

Петре поправил на плече ружейный ремень, быстрыми шагами рванулся вперед и сразу же исчез из глаз.

После истории с письмом, Хатуна и Зурия долго не могли смотреть в глаза друг другу. Оба они вместе и каждый в отдельности были, как переполненные доверху чаши. Для нарушения равновесия достаточно было всего лишь две-три капли.

Хатуна избегала оставаться наедине с сыном. Зурия тоже замкнулся в себе. Он и жалел мать, и не знал, на ком выместить свою досаду за оскорбленное самолюбие.

Младшие братья не замечали напряженных отношений между матерью и сыном, хотя необъяснимое чувство тревоги овладело и ими. К мучениям Хатуны прибавилась еще одна забота: а вдруг письмо Порфиле было предвестником его приезда? Послав письмо и не получив на него ответа, Порфиле мог неожиданно нагрянуть к ним. Когда Хатуна думала об этом, ее охватывало такое смятение, как будто в доме начался пожар и она не знает, как спасти семью. В душе она проклинала себя за непредусмотрительность. Но в ту минуту Хатуна была лишена возможности все продумать. И теперь ей приходилось расплачиваться за свою ошибку. Время, которое прошло со дня ее встречи с Порфиле, постепенно стерло впечатление от объяснения, и теперь все то, что произошло, казалось ей ужасным. Сколько раз она старалась и никак не могла представить себе вместе Порфиле и детей...

«Я погибла, если он не догадается о причине моего молчания и придет!» — думала Хатуна. Но что она могла сделать? Написать ему? Но разве письмо могло передать то, что было у нее на душе, разве письмо смогло бы заменить живые слова!

По утрам она с опаской выходила из дому. Долго смотрела на тропу, затерянную в кукурузе, со страхом ожидая увидеть там кого-нибудь, и только убедившись, что никого нет, с облегчением думала, что до следующего утра она может быть спокойной, так как если он придет, то лишь с утренним поездом.

Накануне Зурия притащил бочку из Гвадилаурского марани и поставил ее в конце виноградника. Утром мальчик принес воду.

— Ты сам будешь опрыскивать? — спросил у Зурии младший брат.

— Нет, ты! — рассердился Зурия, который стоял по колено в воде. — Отойди отсюда.

Павле и Шалико очищали водоем. Хатуна, покончив с домашними делами, вышла во двор посмотреть, что делают дети. В это время у калитки послышался голос Петре.

Хатуна не хотела его видеть. Незаметно обойдя дом, она прошла в виноградник. Сидевшие у водоема мальчики сразу заметили мать.

— Иди-ка сюда! — Хатуна помахала рукой Павле. — Пришел Пет-

ре Миротадзе. Если спросит меня, скажи, что я ушла в Гориджвари.
Зури! — вдруг крикнула Хатуна. — А бочка-то протекает!

Зурия сидел у водоема и смотрел в воду.

— Зури, сынок, — повторила Хатуна, — бочка протекает.

Вода из бочки разливалась по земле...

— Иди, посмотри, бочка наполовину пустая.

Пока Зурия перелезал в виноградник, Хатуна тщательно осмотрела бочку.

— А ну, покажи! — Зурия подошел к ней.

— Это потому, что ты все по-своему хочешь делать, — упрекнула

Хатуна сына. — Теперь все твои труды пропали даром.

— Что же делать? — растерялся Зурия.

— Чего же смотришь, помоги опрокинуть, — сказала Хатуна.

— Вылить хочешь?

— Конечно. Она все равно вытечет. Кто тебе дал бочку?

— Дядя Борис.

— На дворе стояла?

— А что? — Зурия почему-то покраснел.

— Оно и видно. На солнце пересохла. Не видишь, какие щели!

— Давай замажем их.

— Землей нельзя. Нужно сперва хорошенько замочить ее в воде. Если и это не поможет, законопатим щели ватой. Понял, что я говорю?

Иди, помоги опрокинуть.

Бочку осторожно опрокинули на бок. Вода с шумом вылилась на землю, запенилась и поползла под изгородь.

— Отнесем ее к водоему, — сказала Хатуна. — Все это можно было сделать вчера вечером и сейчас не пришлось бы возиться. За всякое дело надо с умом приниматься, сынок. Чего не знаешь, спроси других, ничего в этом постыдного нет.

— Зурия! — крикнул Павле из виноградника. — Где мама?

— Не видишь что ли? — недовольно проворчал Зурия и выпрямился.

— Что тебе? — спросила малышка Хатуна.

— Дядя Петре сказал, чтобы ты сейчас же шла к нему. Говорит, у него срочное дело, его начальство прислало.

— Ой, это, наверно, из отдела образования, — оживилась Хатуна. —

Зури, сынок, оставь это, потом закончим.

Хатуна побежала через виноградник и вскоре очутилась во дворе. Петре сидел у калитки и, положив ружье на колено, показывал Шалико, как спускать курок.

Мальчик не мог оторвать глаз от ружья и патронташа Петре.

— Магарыч будет за хорошее известие? — осклабился Петре.

Хатуну словно окатили холодной водой. Она быстро взглянула на Петре, стараясь догадаться, чем он мог ее обрадовать, и вдруг, испугавшись мелькнувшей в голове догадки, почувствовала, как залилась краской.

— Говори, магарыч будет? — Петре продолжал скалить зубы, часто-часто моргая своими бесцветными ресницами. — Такую новость принес, такую...

— В чем дело, говори... — Хатуне было не до шуток.

— А магарыч?..

— Петре!

— Тогда посмотри сюда, — Миротадзе посторонился и протянул руку по направлению к дороге.

Через кукурузное поле, хромя, шел старик в черном полушубке.

Хатуна растерялась. Она не сразу узнала отца, так как ^{меньше} всего ожидала его появления.

— Ты что же это, родного отца не узнаешь? — громко ^{воскликнул} Петре.

Хатуна, вместо того чтобы выбежать навстречу отцу, повернулась к детям и срывающимся от волнения голосом сказала:

— Дети, смотрите, наш дедушка идет!

45

Весть о приезде Спиридона Канчавели быстро облетела всю деревню. Миротадзе распустил слух: Хатуна выходит замуж, мужа приводит к себе в дом, и Спиридон приехал, чтобы разобраться во всем этом деле. Правды никто не знал.

С дневным поездом приехал Серго, но, задержавшись в Цицлицкаро, добрался до села с опозданием. Проходя мимо дома тестя, он, привстав на цыпочки, заглянул через ограду во двор.

Близнецы возились на кухне: одна, поставив на козлы тазик, сосредоточенно стирала, другая толкла что-то в ступке.

— Эй, чертенята! — закричал Серго.

Услышав знакомый голос, девочки сразу выбежали во двор. Серго поставил свой сохранившийся еще со студенческих времен чемодан около калитки, вошел во двор и обнял прыгающих от радости сестер жены.

— Почему ты опоздал? — в один голос спросили близнецы.

— Разве я не сегодня должен был приехать? — улыбнулся Серго девочкам. — Как Маквала?

— Злитесь на тебя. — Близнецы улыбнулись.

— А где отец?

— В винограднике.

— В каком винограднике? — переспросил Серго, будто ему не все равно было в каком винограднике находился кузнец Захар.

— Наверху, над Сахато.

— Я загляну к нему. Вечером будем ждать вас. Приходите...

Кузнец Захар кончил опрыскивать лозы. Стоя на берегу протекавшего в конце виноградника ручейка, он промывал аппарат.

— Здравствуй, отец! — крикнул Серго.

Захар поставил аппарат на камень и оглянулся.

— Ну и вымазался ты, будто купался в купоросе!

— Ветер виноват. Как бы дождь не пошел. — Захар поглядел на затянутое тучами небо. — Как съездил?

— Так себе...

— Управился с делами?

— Дали ей отпуск на год.

— Вот и хорошо.

Серго хотел было спросить о Маквале, но почему-то постеснялся:

— Запоздал твой поезд, — сказал опять Захар и, подняв аппарат с камня, осторожно прислонил его к дереву.

— Хатуну не встречал? — Серго не терпелось уйти, но он не хотел, чтобы тесть заметил это.

— А что? — спросил Захар.

— Кажется, мне удастся помочь ей. Сегодня видел Иполитэ, заведующего отделом народного образования.

— Ну и что?

— Обещает.

— А про Эленэ он тебе ничего не говорил?

— Какую Эленэ? — Серго не сразу сообразил, о ком идет речь.

— Про жену Элефтера.

— Жена Элефтера? При чем тут жена Элефтера?

— Она для себя просила это место.

— Какое место?

— То самое, о котором мы говорим.

— Эленэ Лашхи просила?

— Да. Сам Элефтер сказал.

— А ты что ответил?

— Что я мог ответить?!

— Ох, вы все — один хуже другого!

— Скажи, пожалуйста, а в чем это мы провинились?

— Да разве так поступают порядочные люди? Вся деревня знает, сколько силы и времени потратила Хатуна на это чертово строительство. Люди о собственном доме так не пекутся. И на тебе! Разве это дело? Борис ей обещал. Я тоже обещал...

— Серго, сынок, ты так говоришь, будто я...

— Где я могу увидеть Элефтера?

— Наверно, в винограднике.

— Тогда я оставлю чемодан здесь. Тебе не трудно будет взять его с собой?

— А ты куда?

— К Элефтеру.

— Спроси сначала Хатуну, может она и сама теперь не очень стремится...

— Еще вчера умоляла меня. А сегодня что же, вдруг и откажется?

— Ты спроси все-таки.

Серго исподлобья окинул взглядом тестя. Видимо, Захар что-то знает.

— Спиридон приехал, отец ее, — таинственно понизив голос, продолжал кузнец. — Возможно, он вовсе заберет ее отсюда. Люди и другое говорят....

Серго насторожился.

— Будто она замуж собирается... — проговорил кузнец.

— Ты шутишь? — Серго не верил своим ушам.

— Отойди, забрызгаю.

Серго взял чемодан и молча ушел.

Тревожно шелестели ивы по краям дороги.

«С утра парило, — подумал Серго и прибавил шагу. — Хоть бы не было дождя. А ветер-то, кажется, в эту сторону гонит тучи».

Крупная капля дождя упала на чемодан. И скоро уже заблестели камни оград, булыжники, валявшиеся на дороге. Заблестели листья ивы, боярышника, шиповника, затоптанная возле калиток трава вдруг ожила, словно умывшись «живой» водой.

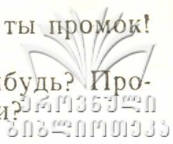
А дождь лил и лил. Туча медленно ползла по небу, постепенно расширяясь и охватывая весь горизонт. Серго решил сократить дорогу и свернул в поле.

Когда он добрался до дому, дождь лил как из ведра.

— Эй, есть там кто-нибудь? — крикнул Серго.

Дверь кухни отворилась, и на пороге показалась Марта.

— Где Маквала? — Серго поставил чемодан у стены и заглянул в кухню.

— Где она может быть, мой мальчик, как не дома. Как ты промок!

— Видишь, какой дождь!

— О господи! Неужели нельзя было переждать где-нибудь? Проходи, проходи, носи вещи. Почему ты в плохом настроении?

Серго снял с себя мокрый пиджак.

— Дай на ноги что-нибудь надеть.

— Хочешь резиновые сапоги?

— Давай.

Пока Марта ходила за сапогами, Серго зашел в кухню. В очаге ярко пылал огонь. Серго засучил мокрые штанины и подошел к огню. Дождь безжалостно хлестал по деревянным стенам кухоньки.

— Мама, кто пришел? — услышал он в шуме дождя голос Маквалы.

Он сразу забыл обо всем. От кухни до дому было около двадцати шагов. Под проливным дождем Серго перебежал двор.

Закутавшись в теплую шаль и все-таки дрожа от холода, в дверях террасы стояла Маквала.

Всю ночь, не переставая, лил дождь. Вода в Лухунии поднялась, и рев реки оглушал окрестности. Дождь перестал только к утру. Как только рассвело, на зубчатый гребень горы Перанги выкатилось огромное красное солнце. В чистом небе не было видно ни облачка.

Спиридон решил пойти с Зурией на Лухунию. После разлива реки на берегу ее обычно оставалось много щепок и веток. Зурия оживился. Ему очень хотелось показать деду свое умение и сноровку в хозяйственных делах. И вот теперь представился случай. Хатуна заикнулась было о том, что небезопасно ходить сейчас на реку, поскольку вода поднялась, но мальчик с такой поспешностью начал готовиться, что она не стала отговаривать его.

— Отец, дорогой, посмотри, пожалуйста, чтобы он в воду не полез, — наказывала старику Хатуна.

Маленький Шалва сидел в темном углу комнаты и хныкал.

— Замолчи! — рассердилась на него мать.

— Я тоже хочу пойти с дедушкой!

— Замолчи, пока не высекла!

— А Зурия ведь пошел?

— Зурия большой. Чего ты с ним равняешься!

— Ты тоже уходишь?

— Да. В Гориджвари мне нужно. Если хочешь, пойдем.

Был уже полдень, когда запыхавшийся Зурия прибежал к матери в Гориджвари. В комнатах детского сада расставляли мебель. Хатуна отдавала какие-то распоряжения столярам, которые втаскивали в помещение старые школьные парты, переоборудованные для детского сада.

— А где дедушка? — встретила сына Хатуна.

— Там остался, на берегу. Я за быками прибежал.

— Собрали что-нибудь?

— Знаешь сколько!

— А в воду ты все-таки влез?

— Влез?! Да я ее вброд перешел.

— О господи! Много воды?

— Нет. Уже вошла в берега. Только мутная. Мы с дедушкой нашли брод.

— А дедушка тоже заходил в воду?

— Нет, только я. Дрова сложили в кучу у дороги.

— Пусть пока лежат там. Дня через два солнце их высушит, да и вода к тому времени спадет.

— Сегодня опять пойдет дождь, мама, — убежденно сказал Зурия, — вода поднимется и унесет все, что мы собрали.

— Тебя не уговоришь! — рассердилась мать. — Попробуй только заболеть!

— Я перевезу дрова на этот берег и все. Ведь не зря мы трудились?

— Что хочешь, то и делай, раз не слушаешь старших...

— Не сердись, мама. Мне ведь дедушка велел, — мальчик не нашел иного выхода, как прибегнуть к помощи непререкаемого дедовского авторитета.

— А ты куда, Шалва?

— Пусть идет. Я его на берегу оставлю, — заступился за брата Зурия.

— Иди сюда, Шало, слышишь!

Огорченный малыш нехотя вернулся обратно и спрятался за дверь, чтобы скрыть слезы от матери.

Хатуна с самого начала не хотела обставлять новое помещение старой мебелью. Но Лолодзе наотрез отказался дать деньги на приобретение новой. Исайе пришлось разобрать старые парты и, насколько было возможно, переделать их для малышей. Парты поставили вдоль стен. Мебель заняла много места, но как ни старалась Хатуна, ничего лучшего она не смогла придумать.

— Мама, Зурия едет! — послышался вдруг голос Шалвы.

Вдали, на гребне холма показалась арба, запряженная быками, которая медленно спускалась к берегу реки.

«Как бы не случилось беды, — забеспокоилась Хатуна, — крикнуть бы ему, чтобы поостерегся». С этим намерением она вышла из дому, но арба уже скрылась с глаз.

— Шало, побудь здесь, сынок, я сию минуту вернусь, — велела сыну Хатуна и пошла напрямик через Сахато к берегу Лухунии.

Как только она поднялась на холм, страх ее усилился: вышедшая из русла река разлилась и мутными языками лизала берег.

— Зурия, сынок! — закричала Хатуна.

В шуме реки никто не расслышал ее срывающегося от страха голоса.

Быки продолжали упрямо двигаться к реке. Перегнувшись вперед, Зурия размахивал длинным прутом.

Хатуне показалось, что вода подхватила арбу и понесла ее по течению. Быки напряглись, неожиданно переменили направление и стали тянуть против течения. Спиридон понукал их. Зурия ожесточенно размахивал прутом, стараясь направить растерявшихся животных к берегу.

Хатуна наконец достигла реки. Медлить было нельзя. Она пробежала оставшееся расстояние и, не отдавая себе отчета, ступила в воду.

С середины реки дед и внук заметили ее. Перепугавшийся насмерть Зурия перестал понукать быков, повернулся всем телом к матери, что-то закричал ей. Вода била женщину по ногам, но она продолжала решительно идти вперед, не чувствуя ни холода, ни страха.

— Мама! Что ты делаешь! Сейчас же иди назад! — услышала она отчаянный крик сына. Вода каждую минуту грозила сбить её с ног. Видя, что мать подвергается опасности, Зурия не выдержал и бросился в воду. Спиридону наконец удалось повернуть быков. Хатуна уже успела дойти почти до середины реки. Зурия схватил мать за руку, и они двинулись к берегу.

Быки ступили на гальку и вытащили арбу. Спиридон оглянулся. Зурия и Хатуна медленно приближались к берегу. Никто из троих не произнес ни слова упрека. Спиридон выпряг быков и отогнал их за кусты.

Зурия нарезал несколько длинных гибких веток. Пока Спиридон и Хатуна нагружали арбу, Зурия очищал ветки от листьев.

— Отец, не надо, не поднимай эту тяжесть, — донесся до него голос Хатуны.

— Давай, давай, берись с той стороны! — ворчал Спиридон.

— Зурия, сынок, иди помоги.

Хатуна и Зурия с трудом оторвали от земли тяжелое корневище. Когда корневище взвалили на арбу, Хатуна заметила, что вода прибывает и арба не переправится обратно.

— Не бойся, мама, — сказал Зурия, — арба нагружена, вода не опрокинет ее.

— Нет, сынок, быкам будет тяжело.

— Что ты, мама, не оставлять же добро?

Хатуна посмотрела на небо. Из-за горы Перанги медленно надвигалась туча, вслед за ней ползла плотная пелена тумана.

— В горах дождь. Вода может еще подняться.

— Дедушка, будет дождь?

Спиридон посмотрел в сторону Перанги и спокойно сказал:

— Пройдет стороной.

— Вот, я ведь сказал! — воскликнул обрадованный Зурия.

— Я не о дожде, о реке говорю. Вода может подняться, — все еще тревожилась Хатуна.

Солнце скрылось за тучами, которые постепенно заволакивали небо.

— Что это? Темнеет что ли? — спросил Зурия.

— Пощевеливайся, сейчас не время разговаривать, — торопил внука Спиридон.

Арбу нагрузили дровами. Зурия прибил заднюю перекладину. Спиридон натянул изготовленную внуком веревку на остальные перекладины.

— Отец, ты тоже хочешь переправляться через реку? — спросила Хатуна, подводя быков к арбе.

Спиридон не ответил.

— Не надо, отец. Мы с Зурией справимся с быками. Ты лучше иди, — робко повторила Хатуна.

— Конечно, разве я сам не справлюсь с быками? — важничал Зурия. — Только у нас, дедушка, цепи нет.

— Надо было взять с собой.

— А что, разве опасно?

— Прямо нельзя идти, левее надо держаться. Там, где мелководье.

— Запрягать?

— Давай, давай. Ну!

— Ты идешь? — Зурия повернулся к матери.

— Провожу вас до середины реки.

Арба со скрипом двинулась.

— Цоб-цобэ, Никора! — кричал Спиридон на быков.

Под колесами с шумом текла вода, перекатываясь через гладкие, как яйцо, булыжники. Арбу трясло, словно в лихорадке.

— Может, мне спереди зайти? — оглянулся на деда немного побледневший Зурия.

— Пожалуй, так будет лучше, постарайся вести их прямо, они сами возьмут левее, — проговорил Спиридон.

Зурия спрыгнул в воду и стегнул быков. Нагруженная дровами арба с шумом и плеском вкатилась в реку.

«Боже, помоги нам, — подумала Хатуна, — хотя бы успели проехать!»

— Гони их, гони! — кричал оставшийся на берегу Спиридон.

Быки дружно шагали по мелководью. Зурия ловко управлял ими, ободряя животных окриками.

У противоположного берега река была глубже. С вкрадчивым шипением несла она свои пенящиеся волны. Главное заключалось в том, чтобы быки не потеряли опору и сами как-нибудь вытянули арбу на берег. Очевидно, Зурия понял это, потому что он остановил арбу и пошел вперед, чтобы отыскать брод.

Хатуна подобрала мокрое платье и тоже стала продвигаться вперед.

Подойдя сбоку, Зурия пытался заставить быков перейти через глубокое место, но животные упрямылись, не желая сделать ни шага.

— Цо-об, Никора! — изо всех сил кричал Зурия.

Быки не двигались с места. Упершись передними ногами в дно реки, они с трудом удерживали напиравшую сзади арбу.

Хатуной овладел страх. А вдруг сломается ярмо?! И стоит ли из-за каких-то щепок так рисковать?!

Волнение матери передалось и сыну. Напрасно он старался криками подбодрить быков. Они стояли неподвижно на том же самом месте, словно прикованные к земле. Тогда Зурия зашел сзади арбы и изо всех сил стал толкать ее.

— Что ты делаешь! — вырвалось у Хатуны.

Но было уже поздно. Быки, сорвавшись с места, с отчаянным мычанием рванулись в быстрину. Вода мигом покрыла их, на поверхности торчали только задранные кверху головы.

Вода со страшной силой напирала на арбу.. Быки направились к берегу и уже совсем вытащили бы арбу из воды, если бы заднее колесо неожиданно не уперлось в подводный камень. Арба накренилась. Зурия начал тянуть к себе ярмо, чтобы сохранить равновесие. Ярмо перекошилось. Шеи быков, уже почти благополучно вышедших на берег, зажалоз занозами.

— Отпусти арбу, спасай быков! — крикнула Хатуна и сама кинулась в быстрину.

Зурия только сейчас заметил опасность и, рванувшись вперед, в два прыжка очутился около быков. Выхватив из-за пояса топор, он хотел перерубить занозы и освободить животных, но испуганные быки метнулись в сторону и опять попали в быстрину. Течение подхватило быков, арбу и понесло их.

— Занозы, занозы переруби! — кричала Хатуна.

Впереди, шагах в ста, река била о скалу, там образовался водоворот, и если не удастся вовремя остановить быков, — все погбло. Хатуна заметно отстала от сына.

— Скорее, мама, скорее, вода поднимается! — кричал Зурия, стараясь добраться до матери.

Они взялись за руки и с большим трудом добрались до обрывистого берега.

— Где отец? — только сейчас Хатуна вспомнила о Спиридоне.

Гладкие, словно вылизанные животные, стояли на берегу, понуро опустив головы. Спиридон все еще находился в воде, у перевернутой тарбы. Вероятно, он перерубил занозы и освободил быков.

Зурия побежал, чтобы помочь старику. Через несколько минут они вдвоем вытащили на берег пустую арбу.

Всю дорогу Спиридон молчал, с трудом волоча отяжелевшие ноги. Как только они вошли в дом, он захотел лечь. Хатуна быстро постелила ему на тахте.

— Он заболел? — шепотом спросил Зурия.

Хатуна, ничего не ответив, собрала мокрую одежду отца и вышла во двор.

— Иди, ты тоже смени одежду, — только и сказала она сыну.

Зурия молча повиновался.

Переодевшись, он на цыпочках вышел на балкон.

— Куда ты идешь? — спросила Хатуна.

— Никуда... вышел просто...

— Отведешь быков?

— Отведу! — Зурия оживился. — Оттуда зайду за Шалико в Гориджвари.

— Скорей возвращайся. Если увидишь Серго, расскажи ему, что с нами случилось.

— Сказать, чтобы пришел?

— Он сам знает. Хотя... Зурия! Подожди, иди сюда.

Уже подошедший к калитке Зурия нехотя вернулся к матери.

— Не ходи никуда. Не надо пока быков отводить. Подождем до вечера, вдруг понадобятся.

Зурия догадался, что подразумевала мать под этим «вдруг» и украдкой посмотрел на открытую дверь дома.

Хатуна вернулась в комнату.

«Ничего не случится с ним, — упрямо думал Зурия, — скоро встанет и будет опять таким же дедушкой, как был!»

Он вошел в комнату. Хатуна, растерянная, сидела у постели Спиридона.

— У него жар? — спросил Зурия.

— Сынок, сходи, пожалуйста, за Серго, — не отвечая на вопрос, сказала Хатуна.

Зурия выбежал во двор.

— Отец, — прошептала Хатуна, — ты ведь не сердись на нас? Слышишь?

— Слышу, — с глубоким вздохом ответил Спиридон.

— Что с тобой, болит где-нибудь?

Спиридон покачал головой и перевернулся на спину.

— Знобит?

— Нет.

— Что же с тобой? — Хатуна едва сдерживала слезы.

— Ничего. Где мальчишки?

— Зурия за врачом пошел, а Павле еще не приходил из школы.
Тебе очень плохо?

— Нет. — Спиридон тяжело дышал.

«Наверное, у него голова болит», — подумала Хатуна и отошла от постели.

— Хатуна, — слышалось в тишине.

— Да, отец.

— Где Шалико?

— Я его в Гориджвари оставила. Привезти?

— Да. И дай знать матери.

— Отец! — Хатуна наклонилась над постелью и обняла завернутого в тонкое одеяло старика.

Спиридону не хватало воздуха. Он громко, отрывисто дышал.

— Успокойся, доктор сейчас придет. Ты, видно, простудился. Хочешь, я натру тебе спину скипидаром?

— Да... немного.

Спиридон, кряхтя, перевернулся. Хатуна налила на ладонь скипидар и стала натирать больного. Спиридон глухо застонал. Хатуна чувствовала — каждое прикосновение причиняло ему невыносимую боль.

— Хватит, — слышался голос старика. — Накрой одеялом, может быть засну.

— Еще немного потерпи, отец, еще немного.

— Больше не могу, дочка.

Дети пришли поздно. Оказалось, что Серго ушел в Циплискарон и Зурия вернулся ни с чем. Марта и Маквала обещали ему, что как только Серго вернется, они тотчас же пришлют его к ним. Хатуна все-таки не вытерпела и к вечеру еще раз послала сына к Лабадзе. Но Серго все еще не возвращался.

«Когда не везет человеку, то не везет, — думала Хатуна, каждые десять минут сменяя мокрую тряпку на лбу больного. — Надо же было Серго именно сейчас исчезнуть куда-то!»

Младшие братья, как совы, сидели весь вечер на террасе. До них никому сейчас не было дела. Зурия вертелся у калитки, каждую минуту ожидая появления Серго. Отчаявшийся мальчик уверял себя, что, дежуря у калитки, он делает какое-то дело. В конце концов ему надоело беспечное ожидание, и он вернулся на террасу.

— Идите-ка спать, — ласково посоветовал он сонным малышам. — От того, что вы будете тут сидеть всю ночь, дедушке лучше не станет!

— А мы не хотим спать, — пробормотал Шалико.

Зурия приоткрыл дверь и заглянул в комнату.

— Кто там? — окликнула его Хатуна. Она сидела у изголовья отца.

— Это я, мама!

— Иди сюда, сынок.

Хатуна пересела на стул, уступив сыну свое место.

Стукнула калитка.

Зурия вышел во двор, чтобы встретить запоздавшего доктора. Но оказалось, что пришли женщины. Зурия с трудом узнал шагавшую впереди Марту Лабадзе. За ней семеняла счетовод Маргарита.

— Как дела, Спиридон? — обратилась Марта к старику. — Что же это ты, а? Явился к нам, чтобы валяться в постели?

— Не слышит он, тетя Марта, — печально проговорила Хатуна.

Спиридон больше не стонал. Старик был в забытьи. Вдруг он зашевелился, заморгал редкими седыми ресницами.

— Он что-то говорит тебе, Хатуна... — так громко шепнула Марта, что даже дети на террасе услышали ее слова и подбежали к дверям.

Во дворе снова стукнула калитка.

— Зури, — крикнула сыну из комнаты Хатуна ослабевшим от плача голосом, — кто это пришел?

— Дядя Захар и Серго, мама.

— Наконец-то! — Марта облегченно вздохнула.

У стены, отвернувшись, плакала Хатуна. Плечи ее судорожно вздрагивали.

— Не плачь, разве можно плакать у постели больного.

— Очень плохо ему, дядя Захар...

— Бог милостив, ничего не случится... — Захар шагнул в комнату и, тяжело ступая, приблизился к потерявшей надежду женщине. — Спит он?

— Нет, — сквозь слезы пробормотала Хатуна, — сознание потерял... Врагу своему не пожелаю...

— Серго!

Молодой врач вошел, вытирая на ходу руки.

Женщины и Захар, затаив дыхание, следили за каждым движением Серго. В углу, у заваленного книгами стола, наклонившись вперед, стоял Зурия и, не отрываясь, смотрел на руки Серго.

Серго долго осматривал больного. Стетоскопа, который врачи всегда носят с собой в кармане, у него при себе не оказалось. Прикладывая ухо к сутулой спине старика, он выслушивал легкие.

Захар не выдержал мучительной тишины и позвал знаком Маргариту.

— Не место здесь детям, — прошептал он ей. — Уведи их отсюда.

— Я и сама так думала, но... — Маргарита умолкла в нерешительности.

— Зурия, — слегка повысил голос кузнец, — слышишь ты, парень? Иди сюда, — Захар поманил его к себе и, когда мальчик подошел и встал рядом, зашептал: — Пусть Маргарита уведет детей. Им уже давно спать пора. — Потом, словно передумав, добавил: — А впрочем, зачем беспокоить Маргариту, отведи-ка ты сам их к нам домой. — Сказав это, Захар вышел на террасу и поднял дремавших на краю давилыни Павле и Шалико. — Фонарь вон там лежит, — повернулся он опять к Зурии, — ну, давай поживее, постарайся скоро убраться. Девочкам скажи, чтобы не беспокоились.

Зурия нехотя подчинился, взял стоявший на подоконнике фонарь и зажег его.

— А маму не предупредить? — пробормотал он вслед кузнецу, но тот уже был в комнате, где Серго, сидя на кровати, заканчивал осмотр больного.

— Зурия, куда идешь? — спросил Павле у брата.

— К дяде Захару.

— И мы?

— Конечно!

— Зачем мы туда идем?

— Объясняй теперь ему все! Потому что так надо.

Мальчики последовали за старшим братом.

— Видите дорогу? — оглянулся Зурия.

— Ой, что это такое?! — вскрикнул Шалико и прижался к Павле.

— Быки. Ты что, быков испугался?!

Лежавшие у дороги быки лениво посмотрели на идущих мимо детей.

Дом Захара, как потонувший корабль, чернел в темноте ночи.

Очевидно, близнецов не было дома, они ночевали у Маквалы.

— Пойдемте! — Зурия опять пошел вперед.

— Куда мы идем, Зурия? — всхлипнув, спросил Шалико.

Вместо ответа Зурия передал фонарь Павле, а сам взял за руку младшего брата.

Они спустились вниз по узкой улочке и остановились у калитки.

— Подождите меня здесь. Я сейчас приду, — сказал Зурия и, оставив детей на дороге, открыл калитку и вошел во двор.

Скоро он показался на террасе, бегом спустился с лестницы.

— Зурия, мы должны здесь остаться? — сдерживая слезы, спросил Палико.

— Да, Палико. А утром я зайду за вами!

48

Зурия ловко пролез через ограду фруктового сада. Внизу, в долине Сахато, царил непроглядная тьма. Дальше, словно в глубине пропасти, светился белый каменистый берег Лухунии. Наверно, река уже угомонилась: едва доносился тихий шум воды.

Зурия пересек кукурузное поле. Он помнил, что где-то ниже растет большой орех, который зимой хотели срубить. Мальчик всматривался в темноту, стараясь разглядеть где-то там, на гребне противоположного холма, свой дом. Правда, отсюда его вряд ли можно было бы увидеть, так как большая слива, растущая у ограды двора, заслоняла его. Но в темноте всегда виднелся мерцающий свет далеких окон. Сейчас света не было, и Зурия встревожился. Сначала он подумал, что сбился с пути, но этого не могло случиться. Ведь он не впервые был в Сахато. Раздвигая стебли кукурузы, мальчик продолжал идти и вскоре заметил справа от себя огромный одинокий орех.

«Может быть они прикрутили фитиль, — стараясь успокоиться, подумал Зурия, — поднимусь повыше и увижу свет».

Но света он не увидал, даже взобравшись на холм. Не на шутку встревоженный, Зурия ускорил шаг. Вскоре он очутился у ограды своего двора.

Да, действительно, в доме было темно.

Зурия погасил фонарь и на цыпочках пошел вдоль ограды. Чего он боялся, почему не решался зайти в собственный двор?

Теперь мальчик оказался за домом. Здесь его никто не увидит. Он осторожно поставил фонарь и попытался взобраться на ограду. Из-под ноги сорвался камень. Зурия едва успел спрыгнуть во двор. Снова стало тихо. Мальчик вспомнил, что он оставил фонарь на ограде, но не вернулся за ним, а подбежая к стене дома и, затаив дыхание, стал прислушиваться.

«Наверное, дедушке лучше, и он спит...»

Мысль эта придала ему смелости. Он поднялся на террасу. Дверь была закрыта на замок. Зурия потрогал замок и некоторое время стоял не двигаясь. Потом вдруг вспомнил о быках: «Мама ведь гово-

рила, что не надо уводить их. что они могут понадобиться...» Он повернулся и опрометью бросился во двор.

Быков не было. Исчезла и арба, на которой они утром переправлялись вброд через реку.

Зурия быстро сообразил в чем дело и, чтобы не терять зря времени, побежал по свежей колее. Проходя мимо фермы, Зурия споткнулся и чуть не упал. «Они не могли уйти далеко. Нагоню их у кузницы или немного дальше, — подумал Зурия и пустился бежать вниз по дороге. Интересно, который теперь час? Надо ж было, чтобы среди ночи такая беда свалилась на нас! Жаль, что меня дома не было, я ни за что не разрешил бы маме увозить дедушку. Разве Серго хуже других врачей? Как будто в Циплискарро врачи знают больше? Может никого и не застанут там! Стой и жди на улице, пока примут в больницу! Кажется, кто-то стоит на дороге!»

Действительно, возле кузницы кто-то стоял.

— Кто там? — крикнул Зурия.

— Эй! — ответили ему. — Это ты, Зурия?

— Я, дядя Эгнатэ.

— Как дела, парень?

— Увезли в Циплискарро.

— Что-то я не слышал, чтобы машина проехала!

— На арбе отвезли. Ты тоже идешь, дядя Эгнатэ?

— Иду, конечно, только чем я могу помочь... А ты беги, беги!

Зурия выбрался на шоссе и побежал. Дорога вела в гору, огибала невысокий холм, где когда-то молотили зерно, потом спускалась прямо вниз по направлению к Циплискарро. Когда Зурия поднялся на холм, Циплискарро, как на ладони, раскинулся перед ним.

Зурии хорошо была видна спускавшаяся вниз лента дороги. В мерцающем свете лампочек она блестела, словно натертая воском, а дальше заворачивала и пропадала в ночной мгле.

«Неужели так быстро ушли быки? — подумал Зурия. — Может они вовсе не в Циплискарро повезли больного, а в Гуделиси?»

В Гуделиси находилась старая больница, в которой лечили известные врачи. Если деду понадобилась срочная операция, мать, несомненно, предпочтет повезти его в Гуделиси.

Эта мысль показалась Зурии убедительной, однако он продолжал идти вперед. Вскоре до его слуха донесся знакомый звук — то ли колесо стукнуло о камень, то ли щелкнул бич. Зурия остановился и вдруг увидел: впереди, шагах в ста от него, со скрипом двигалась арба. Сердце Зурии учащенно забилось. «Они! Кто же может быть другой!»

Арба стояла на дороге возле протекавшего в овраге ручейка. Быки, вытянув шеи, пили воду.

— Осторожно, Захар, ради бога, осторожно на этих камнях, — говорила Хатуна кузнецу, который, держа под мышкой хворостину, проверял у быков ярмо. — Цо-об! — прикрикнула она на животных. — Пошли скорее, чего мы ждем!

— Погоди минутку, Хатуна, иди сюда, встань впереди быков.

Хатуна обошла арбу и приблизилась к Захару.

— Вот хворостина! — Захар протянул палку. — Маргарита!

— Я здесь!

— Будь добра, помоги отодвинуть этот камень.

— Какой камень?

Захар зажег спичку и осветил огромный валун, который загораживал дорогу. Кузнец нагнулся и обхватил камень своими сильными, широкими, как лопата, руками.

— А ну, ловчее берись, не отдави себе пальцы!

— Что делать, с какой стороны взяться... — Худошавая, слабая Маргарита неумело пыталась ухватиться за камень.

— Подождите, кажется, кто-то идет. Эй, кто там? — окликнул Захар.

— Это я, Зури, — слышалось в темноте.

— Мальчик мой, хорошо, что ты догнал нас.

Зурия, перепрыгивая с камня на камень, подбежал к ним и встал рядом с Захаром. Оба с трудом сдвинули с места огромный валун, но совсем убрать его с дороги так и не смогли.

— Ну, теперь поехали. — Захар оправил на себе измятую рубаху и заткнул топор за пояс. — Давай хворостину, Хатуна!

Быки тронулись. Хатуна, Зурия и Маргарита шли рядом с арбой.

— Проголодались, бедные, — сказал Захар, — так и норовят свернуть с дороги.

Никто ему не ответил. Внимание всех было сосредоточено на больном.

Арба двигалась по краю оврага. Захар остановил быков и пошел вперед осмотреть дорогу: не размыл ли вчерашний ливень?

Хатуна стояла возле арбы и терпеливо ожидала Захара. Вдруг она заметила, что край одеяла сполз с арбы и, свесившись, задевал за вымазанное в грязи колесо. Она нагнулась, чтобы поднять его.

Зурии показалось, что мать вскрикнула. Наверно, и Маргарите слышалось то же самое, так как она, опередив мальчика, подбежала к Хатуне. Вдова стояла на коленях возле телеги и беззвучно плакала, закрыв лицо руками. Маргарита приподняла край одеяла, и в ту же минуту раздался страшный крик.

С арбы свисала холодная, как лед, рука Спиридона. Застыв от ужаса на месте, Зурия до крови прикусил губу.

Перепуганный Захар подбежал к арбе.

— В чем дело, что-нибудь случилось?

— Отец, отец... Ничем не смогла тебе помочь, — шептала Хатуна.

Они вывели арбу на открытое место и повернули обратно. Спиридону уже не нужна была больница и вообще ему уже ничего не было нужно.

Счетовод Маргарита, подойдя к калитке, раза два позвала Эдуки Миротадзе. Вся семья сидела за завтраком, и Маргариту не услышали.

— Эдуки! — снова крикнула Маргарита.

— Иди же скорее, посмотри, кого там черт принес, не дадут человеку кусок проглотить! — рассердился Петре.

— Кто там? — выходя на террасу, откликнулась Эдуки.

— Маргарита я, Маргарита, подойди-ка сюда, пожалуйста, если не трудно.

— Входи, дорогая... У нас гости. Брат мой, Порфиле, приехал неожиданно... Я сразу не смогла выйти, — встретила соседку Эдуки.

— Петре дома? — спросила Маргарита.

— Здесь он, непутевый. Заходи и ты. Милости прошу к столу...

— А кто же тогда пошел в Цицлисцкаро за льдом?

— Как за льдом? — Эдуки вздрогнула, так как эти слова показались ей дурным предзнаменованием. Потом она вдруг что-то вспомнила. — О господи! Да я ведь сегодня утром плач слышала. Горе мне, несчастной... Совсем забыла. Уж не умер ли кто, сохрани господи?

ՀԱՅԿԱՅԵԱՆ
ՅԵՐԱԿԱՆԱԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

— Вы разве не знаете ничего? — удивилась Маргарита.
— Кто-нибудь из наших?
— Спиридон умер, бедный Канчавели, отец Хатуны.
— Уй! Что ты мне говоришь! — привычно и без всякого проговорила Эдуки. — Когда и как это случилось?
— Этой ночью.
— Почему же мы ничего не знали! Петре, слышишь? Иди же сюда!

Петре выскочил на террасу.

— Горе ей, горе ей... Вай, бедная Хатуна... Что за черный день настал для нее! — причитала Эдуки.

Петре остолбенел.

— Чего кричишь?

— Как, чего кричу? Несчастный Спиридон умер...

— Умер Канчавели? — Петре не поверил своим ушам. — Кто тебе сказал?

— Маргарита.

— Это правда? — Петре взглянул на стоявшую у калитки женщину. — А тебе кто сказал, Маргарита?

— Кто мне мог сказать? Сама всю ночь простояла у его изголовья.

— Ух! — закричал Петре и ударил себя по лбу. — Порфиле!

На пороге показался бледный Чинчаладзе.

— Представляешь, умер Спиридон...

У Порфиле не дрогнул ни один мускул на лице; он только качнулся и прислонился плечом к выбеленной стене.

— Интересно, еще никто не пошел в Циплисцкаро? — нарушила Маргарита наступившую тишину, с любопытством оглядывая гостя Миротадзе. — Если никто не пошел, может ты пойдешь сейчас, Петре, дорогой, надо бы лед принести.

— Тьфу, вот она, жизнь человеческая! — Петре, искренне расстроенный, потер ладонью подбородок и устался в землю. — Вот оно как... Мучайся, мучайся и — ничего...

— Так я пошла, Петре, — сказала Маргарита, — можно на тебя надеяться?

— Быков взять? — обратился к жене Петре.

— Может, лошадь возьмешь у кого-нибудь, раз такое дело, никто не откажет...

— А ты что будешь делать, Порфиле, останешься здесь?

— Останется, конечно, куда же ему идти сейчас!

Маргарита закрыла за собой калитку.

— Эх, и это называется жизнь! — Петре махнул рукой и пошел в комнату.

— Петре! — окликнула его жена. — Зайди по дороге к Хатуне, может, у нее будет еще какое-нибудь поручение.

— Петре, — шепнул Порфиле, когда Петре вышел на террасу. — Подожди меня... Я пойду с тобой...

Мужчины вышли за калитку.

Уже вечерело, когда соседи, наконец, управились со всеми делами. Еще раз выразив соболезнование Хатуне, они вышли из дома Миндели. Лишь две соседки остались с Хатуной коротать ночь.

Хатуна подошла к Зурии.

— Спать хочешь? — шепотом спросила она сына. — Пойди к мальчишкам, отдохни немного. Завтра много дел.

— А ты? — у Зурии к горлу подступил комок, в то же время он почувствовал прикосновение теплой руки матери.

— Ничего со мной не случится, я ведь не одна.

— Пойдем вместе!

— А дедушка?

— Дедушка мертвый. — У Зурии дрожь прошла по телу. Это были те два слова, которые целый день вертелись у него в голове и которые он только сейчас произнес вслух в присутствии матери.

— Не жалко тебе его? — спросила Хатуна. В словах ее прозвучал упрек, но она обняла сына теплой рукой и прислонилась щекой к его плечу.

— Мне тебя жалко! — Зурия совсем раскис.

— Теперь мой черед, — задумчиво сказала Хатуна. — Придет и мой черед. Ты останешься с мальчишками... Пока дедушка был жив, я ничего не боялась, ни смерти, ни вообще ничего. А сейчас боюсь...

— Ты молодая, мама!

— Когда меня не станет, ты так же испугаешься. До сих пор я не знала, что такое смерть. Теперь знаю.

— А отец? — Зурия повернул голову и коснулся щекой горячего лба матери.

— Отец... — Хатуна шептала, как во сне. — Отца на войне пуля сразила. Он не умер своей смертью. То другая смерть.

— Замолчи, мама, прошу тебя!

— Выгляни, кажется, кто-то пришел, — Хатуна посмотрела на калитку. — Пойди, сынок, видишь, не может отодвинуть щеколду.

Кто-то и в самом деле дергал калитку. Зурия вышел во двор.

— Кто там? — спросила Хатуна сына, когда он снова поднялся на террасу.

— Какой-то мужчина.

По лицу Хатуны пробежала тень, но она не двинулась с места.

«Господи... — мелькнуло у нее в голове, и она чуть не вскрикнула. — Это он!»

Порфиле Чинчаладзе остановился шагах в двух от террасы и, проведя рукой по черным волосам, уставился на женщину. Хатуна не выдержала, закрыла лицо руками. Когда Порфиле поднялся на освещенную террасу, она приглушенно, подавляя рыдания, плакала.

«Наверное, родственник отца», — подумал Зурия.

Порфиле, скрестив на груди руки, стоял, не поднимая глаз. У Хатуны сжалось сердце. До этой минуты она сдерживалась: не проронила ни одной слезинки, но сейчас силы изменили ей, и она громко рыдала, оплакивая неизвестно кого: то ли отца, то ли себя...

— Успокойся, прошу тебя, — с трудом выговорил Порфиле, — что поделаешь...

Искренность и горечь, с которой незнакомец произнес эти слова, сразу подкупили Зурию.

Из комнаты, где лежал покойник, выглянули оставшиеся ночевать соседи. Они вынесли гостю стул. Порфиле сел и, упершись локтями в колени, опустил голову. Хатуна уже не плакала. Она стояла на террасе и уголками черного платка вытирала глаза; потом она вошла в комнату. Зурия и Порфиле остались одни на террасе.

«Наверное, он издалека пришел», — думал Зурия, украдкой оглядывая гостя. — Не будет же он до утра так сидеть».

Вокруг стояла ночная тишина. Зурию, сидевшего на краю тахты,

сморил сон, он уже дремал, когда его разбудило кошачье мяуканье. Зурия вскочил. Мяуканье смолкло. Померещилось ему что ли? Родственник отца, как Зурия про себя определил Порфилю чаладзе, не шевелясь, продолжал сидеть на стуле, упершись локтями в колени и опустив голову.

— Дядя... — Зурия набрался храбрости и обратился к Порфилю. — Может, отдохнуть хотите, дядя, я вас провожу в кузницу Захара.

— Нет, пойду я, — решительно сказал мужчина. И словно только сейчас увидел перед собой мальчика с пробивающимся пушком над верхней губой. — Ты сын Хатуны?

— Да.

Мужчина умолк.

— Здесь негде отдохнуть. А кузнец Захар живет совсем рядом. — Зурии очень захотелось сделать что-нибудь приятное этому человеку. — Мы быстро дойдем.

— Нет. Я уйду, — отказался Порфилю, выпрямившись на стуле.

— Совсем уйдете?

Мужчина встал, взглянул на закрытую дверь и провел тыльной стороной руки по вспотевшему лбу. Из комнаты не доносилось ни звука.

— Вы и на похороны не придете, дядя?

— Может быть, приду, — мужчина по-прежнему не сводил глаз с двери.

— А сейчас куда вы пойдете?

— Пойду куда-нибудь. Если хочешь, проводи до калитки.

— Как же вы в такую тьму? — Зурия вспомнил про фонарь, оставленный прошлой ночью на ограде.

— Ничего, найду дорогу.

Порфилю остановился у калитки и еще раз оглянулся на дом.

Зурия уже не видел его лица, но чувствовал, какая тяжесть сдавливает грудь этого человека.

«Если он дедушкин родственник, — мальчик отбросил свое первоначальное предположение, — то почему не вошел в дом и зачем сейчас идет куда-то?»

— В Калосубани похороните? — неожиданно спросил Порфилю.

— Нет... не знаю, — Зурия растерялся, вопрос застал его врасплох. — Завтра утром приедет дедушка Папуна.

— Если что-нибудь... — тихо проговорил мужчина.

— Я позову маму! — заторопился Зурия и собрался бежать к дому.

— Нет, нет. — Порфилю отыскал в темноте дрожащую руку Зурии и сильно пожал ее. — До свидания!

Мальчик приподнялся на носки и проводил взглядом шагающую через кукурузное поле черную тень. Первое время он слышал шелест стеблей, потом воцарилась могильная тишина. Где-то далеко, кажется, в той стороне, где жили Лабадзе, прокричал петух. Звук этот донесся словно из-под земли. Ночь была глубокой и бескрайней, как море. Потом опять, уже где-то в центре села, прокричал петух. Эти звуки живого мира вселяли в Зурию надежду: наступающее утро казалось той обетованной землей, к которой приближается после долгого блуждания по океану сбившийся с пути корабль.

У лежащего в гробу Спиридона было слегка насмешливое выражение лица. Сквозь неплотно сжатые посиневшие губы проглядывала

узкая полоска серебряных зубов. Грубые шершавые руки его были сложены на груди.

Детей подвели к могиле и в последний раз показали им дедушку. Шалва испугался. Но рядом стояли мать и Зурия, и он прижался к ним. Хатуна обняла сына.

Из толпы, окружавшей могилу, вышел Петре Миротадзе и опустился на одно колено. В руках у него был остро отточенный садовый нож. Хатуна отвернулась и подтолкнула плачущих детей, чтобы они сошли с насыпи.

Петре Миротадзе разрезал голенища новых сапог покойника.

— Что ты делаешь, дядя Петре? — не выдержал едва сдерживающий слезы Зурия, который стоял у изголовья гроба.

— погоди, так надо, — кто-то схватил мальчика за плечо и потянул назад.

Петре спокойно и с чувством достоинства продолжал начатое дело. Наверное, не впервой ему было это. Сапоги, чоха и черный сатиновый архалук, которые несчастная Эка привезла, чтобы надеть на покойного, превратились в клочья. Спиридон, казалось, насмешливо улыбался, прикрыв глаза.

— Зурия, пойдем! — Мальчик почувствовал, что кто-то крепко схватил его за руку. Под ногами осыпалась земля. Зурия чуть не упал.

— Пойдем, здесь больше нельзя оставаться, — опять услышал мальчик, — пойдем, прошу тебя.

У замшелого могильного камня, там, где зеленая трава была смята и на ней виднелись отпечатки вымазанных в желтой глине ног, стояли Хатуна и Шалико. Павле около них не было. Очевидно, он не смог пробраться сквозь толпу.

— Пойдем к маме, — прошептал Зурии на ухо тот же голос.

Мальчик задыхался от слез. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным, как в эту минуту. Перед его глазами неотступно сверкал нож Петре Миротадзе. На любимом дедушке, который никогда в своей жизни ни у кого ничего не отнял, рвали и резали одежду перед тем, как опустить в могилу, а он ничего не мог изменить.

— Пусти! — рванулся он что было силы и прыгнул вперед.

На насыпи тесным кольцом стояли люди.

— Кто еще, кроме него, смог бы таким делом заниматься, — желчно проговорил кто-то.

Зурия не понял смысла этих слов. Он пытался пробиться через сгрудившуюся у могилы толпу.

— Зури, пойдем, прошу тебя, мама зовет. — Гванца схватила мальчика за руку. — Пойдем...

Лицо Гванцы выражало скорбь и мольбу. Зурии показалось, что он видит ее во сне. Мальчик закрыл глаза и доверился руке друга. Среди стольких людей, в такой огромной толпе, они сейчас были совершенно одни и, прислушиваясь к биению своих сердец, словно чего-то ожидали.

Исаия Чубинидзе расправил на земле сложенную вдвое веревку и приподнял гроб с одной стороны. Низкорослый Пармен ловко просунул веревку под гроб как раз посередине. Исаия опустил гроб и выпрямился. За его спиной зияла глубокая могила.

Народ расступился. Принесли свежепокрашенную крышку гроба и накрыли покойника.

— Пойдем, — Гванца опять потянула Зурию.

— Я сам пойду, ты найди Палико. — Зурия хотел остаться один. Раздались отрывистые глухие удары. Столяры заколачивали крышку гроба.

«Прощай, дедушка!» — прошептал мальчик.

Хатуна с покрасневшими, но сухими глазами ждала сыновей у замшелого могильного камня. Когда Зурия подошел к ней, Павле и Гванца уже были рядом.

— Пойдем теперь, — сказала Хатуна.

Могила быстро наполнялась сыпучей землей. Люди понемногу расходились, и кое-где за новыми железными оградами возле свежих могил раздавались громкие всхлипывания.

Сыновья Миндели, шагая рядом с матерью, возвращались домой. Позади них шла Гванца с подобранными, словно у взрослой женщины, волосами. Она несколько раз оборачивалась назад, словно оставила кого-то на кладбище. Вскоре нашла того, кого искала. Маленький, сжавшийся в комок Эгнатэ Сивсивадзе стоял у полуразвалившихся кладбищенских ворот. Когда Миндели проходили мимо, он хотел было подойти к Хатуне, но остался стоять на месте. Миндели его не заметили.

Зурия вдруг оглянулся и увидел Гванцу. Девочка покраснела и, скрывая невольный румянец от отца, опустила голову и взяла его под руку.

Хатуна шла впереди, ведя за собой сыновей. Перед ними простиралась дорога, усыпанная острыми камнями, свалившимися с каменных оград, а позади — вечная обитель ушедших в небытие поколений.

3

Алио МИРЦХУЛАВА

Из цикла

„Дни и годы“

НАСТАНЕТ ДЕНЬ...

Настанет день, когда меня не станет.
А ветер века
Страницы книг моих перелистает;
Сомнет? Состарит?
Зачеркнет? Оставит?
Прошу ответа!
Настанет день, когда меня не станет.
О, как внезапно...
Но ты, строка простая,
Неустанно стремишься в завтра.
Кипеньем бурным начинают реки
Свое течение...
Я лиру в руки
Взял не для утехи,
А для сраженья,
Я не бегу
От слова «нынче»,
Я в нем — по горло.

Пускай строку
Светило нянчит
И ветер горный.
Умрет зерно —
Взойдет оно порою вешней.
Все то, что жизнью рождено,
Да будет вечно!
Настанет день,
Когда в толпе
Меня не будет.
Хотя бы тень
На пир к себе
Примите, люди.
О щедрый мой!
О строгий мой!
Народ великий!
Раскрой
Отцовскою рукою
Сыновьи книги...

Светает. И рассвет, зевая,
Привычным жестом распростер
Крутой, от края и до края
Расшитый золотом шатер.

Трамвай проснется раньше солнца.
(Оно все медлит за горой)
И мост горбатый содрогнется
И выгнет спину над Курой.

Есть у меня одна привычка:
Послушать по такой поре
Созвездий бледных переключку,
Как зов оленей на горе.

К Стожарам птичий гам несется;
Ликует певчий сей народ,
Что где-то на подходе солнце
И что вот-вот оно взойдет.

Подумать страшно, что бы было,
Какое в мир спустилось зло,
Когда б вдруг солнце нас забыло
И как-то утром — не взошло.

Клеймом бы ужас души метил...
Но полно! Что за дикий бред!
Ведь, слава богу, свет — бессмертен,
И непреодолим рассвет.

Какая движущая сила
В комок единый собралась!
Девятиглавое светило
Следит за миром в девять глаз.

Под ним в долинах зреют лозы,
Теплеет море перед ним.
Да! От любой земной угрозы
Мы наше солнце защитим.

Ты можешь быть за нас спокойным!
Простые труженики, мы
Не разрешим багровым войнам
Запеленать тебя в думы.

Лишь по ночам с тобой в разлуке,
Но утром снова ждем к шести!
И рассуждаем так, от скуки:
А что бы случилось, если ты...

Едва лучи в окно ворвутся
И вновь побелят потолок —
Уйдут и больше не вернуться
Ночные призраки тревог.

А на известке потолочной
Тень ветки скажется, дрожа.
Как будто дождик краткосрочный,
Иссякнет песенка чижа.

Рассвет удался нам на славу!
Весь — как стихи! И потому
Я день начавшийся по праву
Днем стихотворства назову.

В простор гляжу, как в том раскрытый;
Пускай кружится голова!
Я возле солнца на орбите
Литые выведу слова.

Перевод с грузинского В. Тура

ПЕРО

Оно со мной приветствует восход,
Живое, чуткое, под солнцем серебрится,
В чернила погружает клюв и пьет —
Пьет, точно птица!

Порой раскинет светлое крыло,
Становится на кречета похожим,
А я сижу за письменным столом,
И легкий клекот сердце мне тревожит.

Стараясь не сворачивать с пути,
Перо за строчкой движется проворно
И тонким клювом силится найти
В чернильной гуще золотые зерна.

Держу его в руке — и каждый раз
Мне слышится стиха сердцебиенье.
Час поисков, неповторимый час —
Взлет мыслей, трепет вдохновенья!

Ищу я жемчуг, что на дне морском
Скрывается за бездною глубокой;
Ищу звезду, меж бледных облаков
Мерцающую блестящей одинокой.

Поэзия неслышно входит в дом
С весенним ветром, с запахом сирени,
И старый стол мне кажется гнездом
Неоперившихся еще стихотворений.

Перевод с грузинского Г. Павловской

Творчество А. Мирцхулава

К 60-летию со дня рождения

«Источником моего поэтического увлечения и вдохновения была та новая и кипучая жизнь, которая началась в Грузии 25 февраля 1921 года. Я горжусь, что мужал вместе с новой жизнью, что моя биография неразрывно связана с жизнью Советской Грузии...»

Все мое поэтическое творчество — это прославление новых идей».

Из автобиографии поэта

Ощущение современности, боевой дух, идейно-тематическая актуальность, политическая острота, оптимизм, художественное мастерство делают одним из примечательных явлений грузинской советской литературы поэзию Алио Мирцхулава. В ней со всей отчетливостью проявились дыхание эпохи, беспощадные классовые битвы, социальные сдвиги и величественные исторические преобразования, происшедшие в нашей стране.

Как поэт Алио Мирцхулава родился вместе с Великой Октябрьской революцией. Но первое его стихотворение «Песня» было опубликовано в 1921 году, когда в Грузии была установлена Советская власть.

Алио Мирцхулава (Машашвили) — поэт своего времени, глашатай идей рабочего класса.

К вам иду я, бойцы-синеглазники,
Революции мысли отдавшие,
Тесно в клетке межреберной узенькой
Сердцу, тысячи раз восставшему.

В первые годы творчества в лирике А. Мирцхулава отчетливо проступает его субъективное «я»: лирический герой поэта — непримиримый борец со всем враждебным ему в старом мире. В стихах А. Мирцхулава, представителя победившего класса, чрезвычайно сильны оптимистическое настроение и вера в будущее.

Поэтическое кредо А. Мирцхулава выражено в стихотворениях «Поэт-капитан» (1926 г.) и «Главная тема моей жизни» (1927 г.). По мысли поэта, художник обязан выражать интересы народа, быть организатором и руководителем его духовной жизни, «должен возглавлять движение масс». А. Мирцхулава твердо верит, что писатель — это кровь от крови и плоть от плоти своего народа.

Стихотворения «Инцидент на собра-

нии ячейки», «Приговор» и «Ответ воспоминанию» — лучшие образцы политической лирики, звучание и пафос которых были особенно характерны для 20-х годов нашего века, для той эпохи, когда еще шла ожесточенная классовая борьба.

Поэт с большим подъемом воспел революционный рабочий класс, Великий Октябрь, победу пролетарской революции в Грузии:

Я, Машашвили? С громом и гулом
Волна новой жизни несет меня.
Я песни слагаю новым людям —
Песни Октябrego огня!..

В 1922 году А. Мирцхулава создает поэму «Кровавые дни». В грузинской советской поэзии это первое произведение лирико-эпического жанра на тему об Октябрьской революции. В нем автор ярко отобразил революционный процесс и, заглядывая в будущее, воспел то время, когда наступит полное равенство между людьми, откроется широкий простор для человеческого разума и его творческих способностей и мир преобразится.

Стихи того периода — «Горящий светильник», «Грядущее», «Красноармейцы», «Песня бойцов», «Огненная стрела», «Грузия» и другие — это поэзия, рожденная Октябрьской революцией.

В поэзии А. Мирцхулава тема революции проникнута пролетарским интернационализмом.

Еще в 20-е годы А. Мирцхулава создает образы новых людей, представителей трудящихся классов. Его рабочий — полноправный член нового общества. Интересно стихотворение «Пролетарка», в котором автор первым в грузинской поэзии рисует портрет труженицы-революционерки, выражает ее думы и стремления.

А. Мирцхулава воспитан Ленинским комсомолом. И понятно, что он отобразил героические дела комсомольцев, их трудовые подвиги и горячий энтузиазм в строительстве социалистического общества в нашей стране.

Одно из первых стихотворений поэта, посвященное комсомолу, датируется 1923 годом. В нем поэт воспекает величественные цели комсомола, его негнibeаемый дух, оптимизм:

Мы разлились потоками большими,
Враг не согнет полотен наших юных;
Нам Комсомол — фамилия и имя,
А наша цель — труд, счастье и коммуна.

В предвоенные годы в поэзии А. Мирцхулава ведущее место по-прежнему занимает тема советской молодежи и комсомола. В стихах «Ленинскому комсомолу», «Юноши и девушки нашей страны» автор говорит о роли нашей героической молодежи в строительстве Советской страны. Голос поэта созвучен боевому духу комсомольцев:

И, как прежде, песня льется,
Как набат, мой стих гудит,
Хоть седею, сердце бьется
Комсомольское в груди!

В 1938—1940 годах А. Мирцхулава пишет поэтические произведения малой формы, всего в четырех строках, выражающие взгляды автора на различные явления жизни.

Один из основных мотивов творчества Алю Мирцхулава — любовь к социалистической Родине. «О, если б не любил я Грузию, — я разве смог бы стать поэтом?» — пишет он.

Его поэтические творения военных лет проникнуты высокими гражданскими чувствами. Особенно ярким в этом отношении является стихотворение «Сила песни», где в каждой строке звучит голос истинного патриота, гражданина своей Родины.

Напряженный ритм стиха, строго отобранная мужественная образная лексика, четкие поэтические образы, чеканная строка делают произведение динамичным, впечатляющим:

Пуškai острее с каждым новым днем
Мое перо в бою злодеев ранит.
Пуškai горят, взрываются огнем
Мои слова в проклятом вражьем стане!
Дар песенный, любовь и жизнь мою
Отчизне и народу отдаю!..

В годы Великой Отечественной войны А. Мирцхулава обращается к традициям грузинской классической патриотической лирики. Поэта интересует не только возрождение поэтических традиций прошлого, но и героические подвиги предков («Мать и сын»).

Поэт сознает «неодолимость мгновен-

ности», быстротечности человеческой жизни, но он верит в то, что подлинный герой обретает бессмертие в сердцах потомков.

Далеким прошлым станут наши дни,
Но не умрут героев имена, —
В грядущем будут вновь греметь они:
И смертью будет слава рождена!

В этих строках выражена вся суть оптимистической философии действия и борьбы, которая вдохновляет нас на героизм и самопожертвование во имя народа.

Поэтом создано много интересных стихотворений об отважных советских воинах и городах-героях Великой Отечественной войны. Многие из его произведений приобрели большую популярность.

* * *

После окончания Великой Отечественной войны в творчестве Алю Мирцхулава начинается новый этап. Ведущее место в его лирике по-прежнему занимает тема Родины, однако теперь она обогащается новыми мыслями и настроениями.

Нежным лиризмом, поэтической ясностью и глубокими патриотическими настроениями выделяется стихотворение «Тополь», в котором гражданские идеалы поэта выражены в форме аллегии.

Тополь в одноименном стихотворении, написанном о Советской Грузии, прошедшей сквозь тяжкие испытания Отечественной войны, один из интереснейших образов грузинской патриотической лирики. Символично это стихотворение воплощает в себе также судьбы многострадального, но залечившего раны грузинского народа.

В послевоенной лирике А. Мирцхулава со всей силой звучит голос поэта — борца за мир. Его стихи «Мир», «Голос Грузии», «Желание» и «Я возвышаю голос», проникнутые гуманизмом, написанные с позиций передового советского человека, являют собой прекрасные образцы современной патриотической лирики. В них автор гневно обличает поджигателей войны и выражает твердую уверенность в торжестве идей мира и прогресса.

Стихотворения «Песнь победы труда», «Труд и любовь», «Во дворе фермы», «Песня комбайнера» и другие, посвященные социалистическому труду, отличаются оригинальным осмыслением темы, образностью, афористичностью, меткостью и лаконизмом.

Одним из первых в грузинской советской поэзии А. Мирцхулава предпринял попытку возрождения и дальнейшего

развития классического эпоса, этого чрезвычайно сложного литературного жанра.

Еще в 1925 году А. Мирцхулава написал поэмы «Урмули» и «Я и Бараташвили». В первой из них раскрывается духовное обновление крестьянина в условиях новой исторической эпохи.

Художественно отобразить облик нового Тбилиси поэт попытался в поэме «Я и Бараташвили», в которой задался целью противопоставить новую действительность старой, дореволюционной Грузии. Пламенный пафос поэмы и множество ярких поэтических деталей сделали это произведение значительным явлением в грузинской поэзии двадцатых годов. Индустриальный и электрифицированный Тбилиси представлен в поэме по-новому. Автор восторженно воспевает «рассвет и солнце Грузии», изображает триумф самоотверженного труда советского человека.

Однако в поэме отчетливо проявляются индивидуалистические бунтарские настроения. Литературная критика и читательская общественность не согласились с некоторыми неверными взглядами поэта.

Стихотворение «Вот человек» вошло в историю грузинской советской поэзии как одно из самых ранних эпико-сатирических произведений. В нем высмеиваются обыватели и мещане, носители чуждой советскому обществу психологии. Главному герою вовсе не свойственны общественные интересы, но по какому-то недоразумению он занимает высокий пост.

Сатирическими красками рисует поэт и свою героиню — мещанку, которую не занимает ничего, кроме тряпок и развлечений. Стихотворение «Вот человек» и сегодня не утратило своей обличительной силы.

В 1934—1936 гг. А. Мирцхулава в эпической форме пробует разрешить проблему взаимоотношений личности и общества в период социалистического строительства.

Вопрос взаимоотношений личности и общества для художественной литературы не нов. Однако эта проблема, в отличие от классической литературы прошлого, в нашу эпоху приобретает совершенно новое звучание.

В этом смысле привлекает к себе внимание поэма Алио Мирцхулава «Ингури». Одним из главных мотивов этого произведения является борьба человека со стихийными силами природы. Действие поэмы разворачивается на фоне

строительства Ингурского бумажного комбината. Главный ее герой — Буцаев Шелия — один из положительных героев грузинской литературы 30-х годов. Это собирательный образ строителя социализма. Писатель через своего героя хочет показать «стремление человека к высшему счастью, к свободе, вопреки всем объективным преградам».

В 1951 году А. Мирцхулава создает поэму «Рустави», отображающую роль грузинской советской интеллигенции в строительстве индустриального города.

* * *

Ранние пьесы Алио Мирцхулава — «В ожидании революции» и другие, написанные в 1921—1923 годы, интересны не только актуальностью тематики, но и своими сценическими достоинствами. Они явились несомненным приобретением для молодой в ту пору грузинской советской драматургии и театра.

В 1931 году А. Мирцхулава создает пьесу «Тревога», поставленную на сцене театра имени Руставели выдающимся грузинским режиссером Сандро Ахметели. Она явилась одним из первых значительных произведений в нашей литературе о колхозном строительстве. Писатель попытался в сложнейшем литературном жанре изобразить те гигантские социальные сдвиги, перегруппировку сил и классовую борьбу, которые имели место в период великого перелома.

Зорким глазом художника драматург увидел жизнь села и создал образы, характерные для тогдашней действительности.

Сандро Ахметели писал о «Тревоге»: «У этой пьесы есть одна весьма характерная особенность: она от начала до конца идет под настроением энтузиазма и радости. Даже в драматических и трагических моментах ощущается радость и подъем».

На сцене театра имени Руставели мы впервые ставим произведение грузинского пролетарского писателя и, думается, оно останется в первых рядах лучших постановок нашего театра».

В 1959 году были опубликованы драматические поэмы А. Мирцхулава «Кувшин разбился» и «Девушка из деревни».

Весь творческий путь поэта тесно связан с современностью. В его поэзии социалистическая действительность нашла свое отражение в новых художественных формах. И это — заслуга Алио Мирцхулава как художника.

Нараман КИКВИДЗЕ

Чудесный день

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Л. Александровской

— До свидания, дядя Дато! — попрощался я с вахтером в проходной.

— Что, что? — не расслышал он. — Хотели что-нибудь?

— Да нет, ничего, просто «до свидания» говорю.

— Всего доброго, сынок, будь счастлив, — напутствовал он, но, тут же сам себя вслух спросил: это еще кто?

В том, что он не сумел меня припомнить, нет ничего мудреного: только что окончился самый первый в моей жизни рабочий день.

А ты молодец, дядя Дато, знаешь, что сказать на прощание: будь счастлив! Ведь это самые обыкновенные слова, которые люди произносят не задумываясь. А прозвучали они так, будто старик произнес волшебное заклинание, которое непременно сбудется.

— Танана, а ты почему здесь, зачем пришла?

— Мне нужно... — она еще две-три минуты придумывала, что же ей было нужно, но взглянув на меня, поняла, что это бессмысленно и решительно отрезала: — Я просто захотела прийти и пришла.

— Чудачка, ну и чудачка... — Я взял ее под руку, и мы пошли.

— Ты думаешь, без тебя я бы дорогу домой не нашел, — снова начал ворчать я. Но она так на меня посмотрела, что у меня вдруг пересохло во рту, стали ватными руки, ноги. И если бы не это ужасное ощущение, я бы непременно тут же, прямо на улице, на виду у всех, крепко ее поцеловал.

Теплый, тихий весенний вечер брел с нами в обнимку.

Мне было очень приятно идти рядом с Тананой, приятно было разглядывать ее — то украдкой, то совсем откровенно, — разглядывать лицо, завитки волос, переливающиеся в красных отсветах заходящего солнца, и какая-то огромная волна, ласковая и тревожащая, срывала меня с твердой почвы и несла куда-то, куда-то...

— Ну, чего молчишь? — Танана оборвала мои мысли.

— Я могу сейчас сказать тебе только...

- Что ты меня любишь, — закончила за меня Танана.
- Вовсе не это я собирался тебе сказать.
- Не верится что-то. Да и как бы ты посмел сейчас сказать что-то другое? погоди, придем домой, — лукаво пригрозила Танана.
- Я был бы не прочь сейчас оказаться дома.
- Ты устал?
- Кто-то толкнул меня и тут же, вежливо извинившись, прошел мимо. Мне стало смешно.
- Не понимаю, чему ты вдруг обрадовался, — удивленно пожал плечами Танана.
- Видала, как он на тебя загляделся? Чуть с ног меня не сбил.
- Тебе-то что за радость?
- Приятно, когда ты нравишься.
- А если кому-нибудь захочется за мной поухаживать, тебе тоже будет приятно?
- Это уж мое дело.
- Мне просто хотелось бы знать...
- Если ты сейчас же не замолчишь, я тебя поцелую.
- Только, пожалуйста, дома.
- Скорей бы попасть домой...
- А что тебе делать дома?
- Я возьму тебя на руки...
- Потом?
- Буду носить тебя долго-долго, наверное, всю жизнь.
- Гела!
- Да?
- Нам всегда будет так хорошо?
- Да.
- Но ведь у других, ну, у тех, кто уже давно женат, все со временем проходит...
- У нас будет, как у всех...
- Ты чудовище! — воскликнула Танана.
- Как я могу сейчас знать, что будет потом?..
- А я знаю. Потом у нас будет сын.
- Мы еще долго шли пешком, пока добрались до нашей улочки. Узенькая, крутая, она змейкой убегала в гору, подальше от шумных проспектов, больших улиц. Тротуар на ней был так узок, что напоминал лесную тропку. Местами он совсем обрывался, и мы шли по мостовой. На нашей улице все ходят по мостовой.
- Только когда раздается шум мотора, прохожие торопятся отойти в сторону. И долго потом не могут выбраться из пыльной метели, которую подняла проехавшая машина.
- Я смотрю на синюю табличку, где обозначен номер дома. До нашего — еще девять домов.
- Наконец, Танана вставляет ключ в замочную скважину и, распахнув дверь, торжественно приглашает меня:
- Пожалуйста!
- Вот я сейчас покажу тебе «пожалуйста!» — Я схватил ее в охапку и поднял на руки. Танана забилась в руках, как форель. И мне было приятно, что она так крепко бьется в моих руках, моя жизнь, моя Танана.
- Пусти меня, Гела! — взмолилась Танана. — У меня ведь уйма дел, обедать давно пора...
- Я следил, как она хлопотала у стола, носилась на кухню, прибега-

да оттуда с горячей кастрюлькой или сковородкой. Она обжигала пальцы и подносила их к моим губам: «подуй!».

На столе появилась бутылка с вином. Танана еще раз внимательно осмотрела накрытый стол и, видимо, осталась довольна.

— А я, кажется, неплохая хозяйка. Как ты находишь, а? Ну скорей садись к столу, а то все остынет.

— Ты прекрасная хозяйка, Танана. Но мне сейчас почему-то совсем не хочется есть. Давай лучше посидим немножко на диване.

Танана молча села на диван, а я лег, положив голову ей на колени.

— Сегодня был чудесный день, — сказал я. — Только больше не нужно приходить меня встречать. Неудобно как-то... Да и ты устала...

— Конечно, — сразу согласилась она. — Больше я уже не приду за тобой... сегодня. А завтра посмотрим.

Я рассказывал ей о работе, о людях, с которыми сегодня познакомился. Потом мы обедали. А я все думал о том, как завтра пойду на работу и, выходя из проходной, увижу Танану, и мы вместе пойдем домой...

Георгий ЛОМИДЗЕ

Время и человек

Необъятны истоки богатства и разнообразия характеров. Характер — понятие конкретно-историческое. Своими корнями он связан с временем, с различными социально-нравственными силами, которые определяют эстетическое содержание характера. Разумеется, нет и не может быть элементарной зависимости характера от обстоятельств. Одни и те же обстоятельства, если под обстоятельствами понимать не локальные бытовые условия, а широкие общественные и исторические связи, **вырабатывают** различные взгляды, различные эстетические представления и нравственные качества. Важно видеть сложную, диалектическую связь человека и обстоятельств, меру, содержание зависимости человека от общественных условий, окружающих его.

Говорят о том, что в классической литературе человек, как существо общественное, всегда оставался «продуктом развития» общества. А что значит быть «продуктом развития общества»? Предполагает ли это неперенную гармонию «продукта» с теми социальными отношениями, в которых созревала его личность, его мировоззрение? Нет, не всегда. Являясь «продуктом» общественного развития, человек часто поднимался над временем, его породившим. Мировая литература знает образы непокорных борцов, бросающих вызов небу и земле.

Проблема активного человека не родилась только сегодня. Она была близкой и для классической литературы. Безусловно, различны мера, интенсив-

В основу статьи положен доклад, прочитанный в Праге в Чехословацкой академии наук 18 февраля 1963 года на совместной конференции советских и чехословацких ученых.

ность, исторический смысл активности, но нельзя отнять ее у классики. Это было бы несправедливо. Активность современного социалистического человека основывается на единстве объективного и субъективного факторов. Отсюда не следует, будто сняты все противоречия с пути человека и он от этой слитности с социалистической действительностью стал проще, одностороннее. Абсолютно совершенного героя в Чехословакии иронически называют «вешалкой для идей». Хотя, возможно, надо было сказать и о следующем: абсолютно совершенный герой становится вешалкой для идей не потому, что он совершенен. Суть вопроса, по всей вероятности, в другом: в неумении превратить идею в деятельно пульсирующую и развивающуюся человеческую мысль. Идея должна быть выражена во всем том, что делает, думает, совершает человек, быть его материальным еством, а не маской. Тогда герой не покажется нам схемой, вешалкой для идей.

В статье «На пути к свершениям» чешский критик Иржи Гаек писал: «Произведениям, уделяющим главное внимание раскрытию психологии, часто не хватает силы общественного звучания. А те, кто пытается это общественное начало углубить и расширить, большей частью не выявляют психологии своих героев, не раскрывают во всей полноте их внутреннюю жизнь. Пока мало таких, кто смог бы решить эту задачу».

Самоценность психологического анализа, отрешение психических импульсов от общественного бытия превращает человека в абстрактное, вневременное существо. Углубление же общественного начала без выявления эмоциональной жизни омертвляет и схематизирует лич-

ность. Неизвестно, что хуже: психология без социального действия, являющегося главной сферой проявления психологии, или действие вне психологии, представляющей единственную сферу для свершения действия. Могущество реалистического художника не в том, что он деформирует материал жизни и из ясного, доступного комбинирует сложное. Реализм безусловно не аналог действительности, не повторение того, что есть и было в жизни. Реализм — прозрение и эстетическое закрепление существенного в существующем и возможном. Э. Хэмингуэй как-то говорил о процессе творчества, о формах воспроизведения художником действительности. Он говорил так: из того, что на самом деле было, и из того, что есть как оно есть, и из всего, что знаешь, и из всего, чего знать не можешь, создаешь силой вымысла не изображение, а нечто совсем новое, более истинное, чем все истинно сущее! Мысль Хэмингуэя не требует изгнания понятия изображения. Но изображение действительности — не пассивный акт. В самом изображении присутствует момент преобразования изображаемого, выделение его наиболее важных сторон.

Поток современной действительности чрезвычайно многообразен, стремителен, переменчив. Как уловить его течение, какими художественными средствами возможно его освоение? Существуют различные толкования, концепции. Вот одна из них. В статье «Писать правду» чехословацкий писатель Иржи Штола отстаивает любопытные мысли. Интересно ознакомиться с его аргументацией. Он пишет: «Читателя, привыкшего слушать по радио джаз, ходить на соревнования по хоккею, путешествовать самолетом, читать в газетах статьи о кибернетике и Гагарине, вряд ли сможет убедить в современности своего произведения поэт, который (несмотря на то, что в «частной жизни» он тоже ходит на хоккей, слушает джаз и летает самолетом) облакает свое творение в старомодный фрак, вкладывает в руку герою золотую лилию и заставляет ходить на котурнах деревянной риторики или усаживает в пропыленные кожаные кресла и заставляет прятать на веретене какую-то нудную, длинную серую нить, в то время, как в небе летают искусственные спутники и люди на улицах останавливают такси, чтобы поспеть за неуклонно ускоряющимся бурным темпом жизни». Как видим, здесь взяты две крайности: необычайно динамичный темп современной жизни и статичные, окаменевшие эстетические формы его изображения. Совместимы ли они? Не совместимы.

Однако это еще не есть решение вопроса. Если отжившие художественные средства и аксессуары старого литера-

турного опыта не согласуются со стилем современной жизни, то необходимо ли искать только новое соответствие, и отказываться от всего старого? Наверняка. Да, в эпоху космических полетов человек предстает в своих новых действиях. Меняется масштабность его мысли, возрастает его способность проникать в неизведанные дотолы тайны мироздания. Перед человеком социалистического мира открываются необозримые просторы для деяния, для творчества. Его эмоции становятся тоньше, сложнее, многозвучнее. Все это верно. Но существуют определенные сферы человеческих чувств и сознания, не подверженные столь же стремительному внешнему преобразованию. Они словно не подвластны времени. И как бы ни развивалась история, они не меняют своей формы, казавшейся нам примитивной. Что я имею в виду? Позволю прибегнуть к помощи молодого чешского писателя Яна Прохázky. Случилось так, что юный герой его повести «Зеленые дали» Ондрей влюбился в чудесную девушку Марту. Влюбленному молодому человеку, почти ослепленному проснувшейся благородной страстью, мерещится: он стоит на открытой площадке, и состав, громыхая, пронсится по длинному тоннелю, и все звуки — грохот колес, скрежет тормозов, шипение пара и свист ветра в окна — врываются в голову под давлением в восемь тысяч атмосфер и, очевидно, еще немного и череп лопнет. Так ощущает Ондрей любовь, внезапно обрушившуюся на него. Писатель, явно беря на прицел некоторых теоретиков, требующих полнейшего обновления ритма и характера чувств современного героя, с улыбкой замечает: «Все это (то есть состояние влюбленного Ондрея) было старо, как мир, отнюдь не в духе современности, и лишний раз доказывало, что мир чувств, несмотря на всю механизацию и автоматизацию, в этом отношении серьезно хромает и остается чрезвычайно примитивным». Сказано хорошо. Мы иногда чрезмерно увлекаемся всякими новшествами, упрощенно понимая соотношение между психикой человека и между темпами, сущностью современной цивилизации. Человек всегда останется человеком. Он всегда будет любить и ненавидеть, радоваться и горевать, дружить и отвергать. Внешне проявления этих состояний, сколько бы ни прошло времени, не могут меняться коренным образом. Разве современность любви наших современников должна измеряться тем, что они ускоренными темпами проходят стадии созревания их чувств, сближения или размолвки? С развитием техники, усовершенствованием социалистических общественных отношений человек становится еще более человеческим; и — я не побоюсь этого сло-

ва — еще более чувствительным. Он по-прежнему будет нуждаться в ласке, тепле, любви. И золотая лилия в его руках, показавшаяся уважаемому Ирки Шоголе столь старомодной, кто знает, быть может, и не будет коробить нас в каких-то случаях. Все красивое останется, очищаясь, совершенствуясь, развиваясь. Поэтому нам необходим опыт литературы прошлого, если, конечно, в старом искать непреходящие ценности, а не то, что и тогда было старым и малозастегичным.

Споры о современном стиле в искусстве и литературе, об изображении характера человека нашей эпохи имели место и на страницах советской печати. В этих спорах приняли участие и писатели и теоретики: Ю. Нагибин, Г. Гуля, А. Гастев, В. Турбин и другие. Один из участников спора утверждал, будто мир, окружающий нас и движущийся со стремительной скоростью, необходимо рассмотреть из кабины мчащегося автомобиля. Высказывалось мнение, согласно которому стиль современного искусства должен характеризоваться и другими внешне выразительными свойствами, соответствующими ритму и движению нашего времени. Художественные формы изображения действительности находятся в вечном преобразовании и обновлении. Иначе было бы невозможно развитие и движение человеческой истории. Но крайне наивно предполагать, будто характер, конкретные исторически неповторимые черты нашего века можно передать лишь с помощью определенного комплекса изобразительно-формальных средств. Главное в искусстве всегда было и есть — мысль и талант, глубина, многообъемность чувств и раздумий художника, его верность правде. Новаторство формы вне новаторства содержания, вне преобразующей и движущей мир вперед мысли человека обречено на бесплодие. Соответствие требованиям эпохи измеряется всей суммой идейно-художественных достоинств произведения, а не особенностями формы.

Для социалистического искусства характерна слитность социалистического и национального. Социалистический образ жизни рождает и выявляет в человеке его лучшие свойства. Гармония социалистического с национальным возвышает национальное, способствует гуманистическому цветению и полноте всех деятельных сторон национального бытия. Интернационализм и патриотизм образуют единый сплав. Чувство любви к собственной земле, к тому краю, где человек впервые открыл глаза и увидел небо над собой, усиливается тем, что земля эта стала колыбелью новых идей, новой морали, родины свободного и великого, нового социалистического человека. Об этом написано много ве-

ликолепных произведений. Только стихи советских поэтов составили бы несколько десятков томов.

В их произведениях мощно звучит идея интернационализма, идея беспредельной любви к своей родине. Это чувство национальной гордости тем краем, где родился и вырос поэт, гордости той родиной, которую играет его родина в движении прогрессивного человечества.

Хочется отметить одну из примечательных черт многих произведений советской литературы — многонациональный состав действующих в них героев. Как будто в этом нет ничего особенного. И у классиков, у Шекспира, Байрона, Шиллера, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого можно встретить представителей различных народов мира — итальянцев, греков, поляков, испанцев, болгар, дагестанцев.

Но весьма примечательно: представители других народов появляются преимущественно в тех произведениях классиков, которые специально посвящены им. Многонациональный состав действующих лиц, живущих и общающихся между собой в пределах одной страны, одной местности, почти незнаком литературе прошлого. Само содержание, характер жизни не давал материала для создания произведений такого типа.

Многонациональный состав действующих лиц в произведениях советской литературы обусловлен прежде всего особенностями самой действительности, тем, что в Советской стране окончательно сломлены национальные перегородки, национальная отчужденность.

Возникают такие жизненные обстоятельства, в которые естественно и закономерно вовлечены люди разных судеб, разной национальной принадлежности. В произведениях художественной литературы, посвященных темам подобного рода, многонациональный состав действующих лиц продиктован требованием правдивого освещения того, что и как происходит в действительности. Интернационализм, воплощенный в содержании произведения, выражает интернационализм отношений, сложившийся между народами и ставший нормой их поведения, их нравственной сущности. Таковы произведения русского писателя А. Фадеева «Молодая гвардия», туркменского — Б. Кербабаева «Небит-Даг», белорусского — П. Бровки «Когда сливаются реки», азербайджанского — М. Гусейна «Черные скалы», грузинского — Л. Киачели «Человек гор», казахского — М. Ауэзова «Абай», армянского — Р. Кочара «Дети большого дома», татарского — А. Абсалымова «Орлята» и немало других. В этих произведениях с большой любовью изображены представители различных народов, живущих и

борющихся вместе. Каждый из них остается самим собой, не утрачивая своего национального первородства. Вместе с тем люди разных наций чувствуют сердечную потребность быть рядом. Они богаче, сильнее, непобедимее от ощущения этого единства и добровольной взаимной зависимости друг от друга. Интернационализм советской литературы — всеобъемлющее нравственно-идейное качество. Он — в самом способе восприятия и познания действительности. Эти проблемы — соотношение интернационального и национального, их диалектика и взаимная связь актуальны и для чехословацкой литературы.

Величайшие перемены, социалистические преобразования в жизни чехословацкого народа были продиктованы неотвратимой волей истории. То, что произошло и происходит, полностью совпадает с тем, чего хотел и куда стремился народ Чехословакии. Поэтому народ принял социализм как свое родное, близкое, давно знакомое. Представители класса буржуазии, у которых социализм выбил почву из-под ног, селятся представить дело иначе. Вот Альфред Фишар — один из героев романа Богуслава Бржезовского «Железный потолок». Фишар — богат, аристократ, коллаборационист. Он всем существом своим восстает против новой революционной Чехословакии. Он уверен, что нация — продукт всего происходящего; революция — продукт экспорта, и ее никто не примет. Фишар поначалу с готовностью признает категорию нации, апеллирует к ее разуму и чувству. Он надеется, что нация отвернется от революции, от социалистических преобразований страны, вернется на тот путь, по которому вели ее такие же, как он, верные слуги капитала. Судьба нации не занимала и не тревожила его. И лишь очутившись у пропасти, он вспоминает о нации, как о единственной надежде на спасение. Но нация отворачивается от Фишаров. И Фишар, убедившись в бесплодности своей мечты уцепиться за фалды нации, возвращается к той философии космополитизма, на которой был воспитан с детства. Он восстает против нации, народа, посылая им слова проклятия: «Что такое народ? — спрашивает он. — Это фраза! А фразами никогда, ничего не завоевывали. А что делают коммунисты? Насилуют человеческую натуру. Создали фантомы: народ, нация, классы! Ничего этого в действительности нет!».

Другой циник и космополит Краммер мечтает об избавлении от мозга и сердца. «В условиях нашей цивилизации, — говорит он, — они только мешают человеку, это безнадежно устаревшая, почти допотопная аппаратура! Если не будет мозга, направляющего и формирующего поступки человека, если

не будет сердца, контролирующего работу чувств, тогда во много раз проще предавать все и вся, не быть привязанным ни к чему, не думать ни о чем, не отвечать ни перед кем». Знаменательно, что к этим же выводам приходит Лемнитцкий из романа Владимира Минача «Ветер в лицо». По-видимому, на заре юности, когда нация и Лемнитцкому представлялась легко управляемой, покорной силой, он был непрочь прикритично защитником нации. «У них, — пишет Минач, — было несколько слов — спасительное убежище из слов, таких, как бог, церковь, нация, судьба нации — в общем, несколько совершенно пустых, стертых слов, но они представляли собой превосходное убежище от мыслей». Да, они этими стертыми словами прикрывали свою нечистую совесть, за этими словами укрывались, как жители городов укрываются в бомбоубежища. Но вот настала суровейшая пора испытаний национальных ценностей, национального чувства. Чехословацкий народ сказал веское слово о том, куда, с кем и во имя чего он хочет идти. И мгновенно развеялась национальная мишура Фишаров и Лемнитцких. И те, кто в начале лицемерно клялся в любви к нации, глубоко разочаровавшись в ее побуждениях, отшатнулся от нации. Задыхаясь от злости, Лемнитцкий цедит сквозь зубы: «И бог — ложь, и нация — ложь, и вождь — ложь». Крайне примечательно: люди типа Фишара и Лемнитцкого поносят нацию, признают ее ложью, фикцией тогда, когда нация демонстрирует свою подлинную могущественную силу, когда она безоговорочно избирает путь, ведущий к счастью, будущему, социализму. В этом сказывается действие логики истории. Но есть лжепатриоты другого типа, менее активные, менее решительные в своем отрицании. Таков пан Кроуна из романтического произведения Ладислава Мнячка «Смерть зовется Энгельхен». Он жалок и коварен, он ниц по сравнению с борцами против фашизма — словаком Володей, русским Николаем, немцем Вилли и другими. Те кровью своей пишат патриотические страницы истории Словакии, сражаясь с врагом в неимоверно тяжелых условиях. А пан Кроуна покупает себе удостоверение в патриотизме за бутылку «Генниси». Он даже запасаается справкой о том, что помогал партизанам еще в 1808 году, когда Наполеон напал на Испанию.

В произведениях чехословацких писателей явственно выражена важнейшая мысль: надо быть вместе с народом, делить с ним радость и печаль, победы и неудачи, приносить на алтарь свободы частичку своей мысли, своей энергии, своего труда. Человек силен не сам по себе. Он силен силой людей, силой того большого, величественного

дела, сотворцом которого он выступает. Рвутся связи, соединяющие человека с народом, и он чахнет, как растение без воды. В нем начинают возблудать инстинкты, подтачивающие и разрушающие его личность. Вацлав Юрен и Ярда — герои романа Зденека Плугаржа «Если покинешь меня» бежали из Чехословакии в Западную Германию. Им кажется: здесь, в Чехословакии им не представится возможности в полную меру вывить свою самостоятельность, свое я. Зденек Плугарж с большой художественной силой запечатлевает крах эфемерных иллюзий молодых искателей. Жизнь немилосердно наказывает их. Мираж, созданный их наивной фантазией, мгновенно исчезает. Остаются лишь жалкие и горестные обломки разрушившихся мечтаний. Корни, питавшиеся соком родной почвы, перерублены, их больше нет, а Вацлав и Ярда все еще чувствуют их, как инвалид ощущает ампутированную ногу. Они уподобились ветке, отрезанной от родного ствола. Им казалось, на этом клочке земли Западной Германии собралась лучшая часть чехословацкого народа, «очищенная от плевел, от ничтожных трусов, не способных дать отпор коммунистам. Здесь формируются настоящие борцы: шлак, отбросы, согбенные спины остались в порабощенной стране за пограничными горами». Так казалось на первый взгляд. Действительность производит жесточайшую проверку человеческих качеств, побуждений, идеалов, стремлений и выясняется: между чехами, собравшимися в Западной Германии, нет ничего общего. Одинаково печальная участь не сплывает их, а разъединяет, взаимно противопоставляет друг другу. Хотя все они чехи, каждый говорит на своем языке, каждым руководит эгоизм. Вспыхивают скандальные споры между чехами и словаками, завершающиеся взаимными личными оскорблениями. У них нет идеала, ничего святого, что могло бы воодушевить, зажечь огнем творчества и созидания. Черты национальной и вообще человеческой психологии, отчужденные от почвы, питавшей их, лишены всяких моральных истоков, деформируются, гибнут. В человеке берет верх низменное, ничтожное. В романе Карела Птачки «Год рождения 1921» есть сюжетная ситуация, отдаленно напоминающая то, с чем мы столкнулись у Плугаржа. Группа молодых чехов, насильственно отторгнутая от родины, работает вдали от своей земли — в Германии, Берлине. Происходит действие во время второй мировой войны. Кто они? Это Карел, Кованда, Гонзик, Пелик и другие. Они сделаны из другого человеческого материала. Они плоть от плоти своего народа, своей нации. Когда у кого-нибудь из них опускались руки и на ду-

ше становилось грустно, «вот тогда каждый ощущал, что он совсем не одинок, что он живет в многолюдном, ершистом коллективе, который не позволит ему пасть духом». «Многолюдный коллектив» — понятие символическое в романе Птачки. Ощущение множественности коллектива создавалось спаянностью людей, их высокой человеческой ценностью. Если провести параллель, получится любопытная психологическая картина. У Плугаржа чем больше чехов-беженцев, собравшихся в Западной Германии, тем словно меньше их как людей, тем большее чувство одиночества переживают они. А здесь поредение маленькой группы делает ее сильнее, умножает ее моральный потенциал.

Нельзя не вспомнить Андрея Соколова из рассказа М. Шолохова «Судьба человека». Он стоит один, беззащитный, безоружный против своры гитлеровских офицеров. Но он — сын русского народа — нес в себе частичку народной энергии, стойкости, доблести, непокорности. И он победил нравственно своих противников, возвысился над ними. Могущество отдельного человека измеряется могуществом его веры, революционностью его идеала, согласием этого идеала с идеалами народа. Новый социалистический человек чувствует себя не только частью своего народа, но и человечества в целом. Он, говоря словами А. Твардовского, «в ответе за все». Безразличие к происходящему, желание укрыться в свою скорлупу от гроз и штормовых ветров времени, дорого обошлось многим. Вот Зденек — артист по профессии, рафинированный интеллигент из романа Норберта Фрида «Картотека живых». Он хотел жить для себя. Он любил повторять: эгоизм или не эгоизм — не все ли равно, я хочу жить в себе и для себя. Зденек знал «что происходило в мире», но старался спокойно относиться к этому, он умел выслушивать новости о Германии и как-то не слышать их. Концлагери, пытки, расстрелы, конечно, ему известно об этом, и он считал все это варварством... Но ведь это там, в Германии, а мы живем в Праге, и у нас есть собственные заботы. Так он думал раньше и был уверен, что думает правильно. Но жизнь опрокинула все вверх дном. Неумолимый поток истории размыл ненадежные берега его воображаемого счастья. Он стал пленником фашистов, жалким и несчастным существом. Он мог стать борцом, мог остановить фашистское варварство, если бы тогда, в дни испанской трагедии, когда многие ушли защищать республику, не сидел бы дома. Он не видел необходимости своего участия в развернувшейся битве за будущее человечества. Ему думалось: кто-то другой

должен строить его счастье. И он ошибся. Без борьбы позволил отнять у себя родину, будущее, мать, любимую женщину — Ганку. Его мысль после того, как Эденек прошел все круги фашистского ада, неизбежно и несладко возвращается к испанским событиям: вот когда надо было активно действовать. Быть может, стоило тогда взяться за оружие, и не было бы теперь этого страшного кошмара и унижения. Проблема, поставленная в романе Фрида, необыкновенно актуальна и современна. Внутренний человеческий смысл, звучание этой проблемы перекликаются с знаменитым призывом Юлиуса Фучика: «Люди! Я любил вас, будьте бдительны!» Да, в наше время нельзя быть индивидуалистом, думать только о себе. Неисчислимы нити соединяют наше «я» с другими людьми, с событиями, творящимися в мире. От поведения каждого зависит то, как будет вертеться колесо истории. Поэтому надо быть деятельным борцом за созидание и за защиту создаваемого, а не пассивным самовлюбленным созерцателем.

Рост личности зависит от общества, от развития его экономических и духовных основ. Не случайно в творчестве многих молодых писателей стран социализма все рельефнее выступает субъективное начало, ясно выраженное стремление самому разобраться во всем том, что происходит вокруг и происходит с ним. Повествование от первого лица встречаем в повести киргизского писателя Ч. Айтматова «Джамля», в романе узбекского прозаика Ш. Рашидова «Сильнее бури», в повести литовского писателя Ю. Марцинкявичюса «Сосна, которая смеялась», в произведениях молодых грузинских беллетристов О. Иоселнани «Звездопад» и Н. Думбадзе «Я вижу солнце», в произведении армянского писателя Б. Улубабяна «Повесть о моем друге», в рассказах чехословацких писателей В. Пшибского, Я. Прохазки и других.

К этой форме повествования прибегают и представители так называемого

«потерянного поколения». Устами «потерянного поколения» произносится горький приговор жизни. Лицо, взявшее в свои руки нить повествования, делится с миром своим разочарованием, болью, страданием, полнейшей духовной апатией. Повествование от первого лица у молодых писателей стран социализма порождено абсолютно противоположными причинами. Важную роль играет новое соответствие личного, субъективного выстраданного и познанного к тому, что и как делается в мире. Неизмеримо возросшая активность сознания нового человека, желание самому вмешаться в ход событий, понять людские страсти, борьбу, противоречия, этому помочь, тому помешать — вот отсюда исходит усиление субъективного начала, — от зрелости молодой мысли, от остроты восприятия. Несомненно, повествование от первого лица нельзя признавать той дорогой, по которой только и надо идти. Но эту одну из характерных черт современной литературы следует выделить.

Французский писатель Арман Лану как-то сказал о роли писателя: «Писатель — это тот, кто непрестанно создает и вносит все новые и новые штрихи в некий вечно изменяющийся синтетический образ человека. Место писателя в обществе есть место свидетеля, непрерывно дающего показания о внутренней сущности человека и окружающим его мире». В эту интересную мысль надо было бы внести некоторые коррективы. Социалистическая жизнь не только дополняет новыми штрихами вечно изменяющийся синтетический образ человека, но и способствует формированию более высокого, совершенного человеческого типа. Быть свидетелем, дающим показания об этих изменениях в человеке в условиях социалистического и коммунистического общества, и одновременно одним из духовных творцов этих изменений — высший долг художественной литературы.

Карло Каладзе

Можно долго, увлекательно и вполне безрезультатно спорить о поэзии, о ее таинственном происхождении и еще более таинственном предназначении; можно даже сомневаться в этой таинственности, можно, наконец, совсем не интересоваться этой сложной проблематикой и свести ее к чисто литературоведческим определениям. Все это повторялось не однажды и будет еще повторяться в жизни каждого, кто кровно заинтересован в искусстве.

Однако достаточно вплотную соприкоснуться с таким явлением, как поэт, и пристальнее в него всмотреться — и сразу загадка поэзии проясняется. Она предстает перед нами «весомо, грубо, зримо», приобретает живые и рельефные очертания: в ней проступает житейская проза. И право же, поэзия ничего не проигрывает от такого близкого знакомства!

Поэт Карло Каладзе представляется мне в этом отношении образцовым примером. Я бы даже сказал — примером разительным по наглядности. Это человек пятидесяти с небольшим лет, среднего роста, плотный, даже полный, сангвинического, общительного темперамента, балагур и остряк. Он любит застольную беседу, затянувшуюся далеко за полночь, иступленно любит все дары земли, всю разноцветную, освещенную как бы изнутри щедрость человеческого полдня.

Но от этого фламандски живописного, жизнелюбивого облика, от живого человека среднего роста и прочих паспортных примет — решительно рукой подать до обуревающей его с юности творческой стихии. Она легко определяема. Ибо в лучших, наиболее сильных и характерных своих стихах Карло Каладзе удивительно верен себе, своему лейтмотиву: мажорным тактам боевой трубы. Можно почти наудачу раскрыть его сборники, чтобы сразу наткнуться на этот лейтмотив.

Но мажор Каладзе — это не бездумный оптимизм, не натюрморты и вакханалии в духе Рубенса и вообще не «фламандской школы пестрый сор», как можно было бы предполагать, а нечто гораздо более свое-

образное. Жизнь прошла не даром для этого счастливо одаренного человека.

Речь идет о феномене искусства. Откуда оно взялось в человеческой жизни? Как возникло это украшающее нас и неизбежное для нас благо? Почему абхазский горец-охотник, будучи смертельно раненным, вместо того, чтобы позвать на помощь, затягивает песню и песней дает знать землякам о своей беде, уже непоправимой? Почему в майский полдень жаворонок взвизгивает ввысь и там в небесной синеве поет гимн солнцу и гибнет, когда его маленькое сердце не выдержало сладостного упоения и разорвалось? Почему, обугливаясь в каминном огне, сердце тысячелетнего дуба тем самым уподоблено сердцу художника? Для чего существует горная порода, как не затем, чтобы сквозь тысячелетия народной жизни рассказать поколениям о мастерстве ваятеля, резчика на камне, а то и первобытного охотника, высекавшего на скале оленей в неповторимых позах, в движении? А может быть и сама природа — лучшая из всех художниц мира, — и она тоже в неисчерпном порыве создает свои бесчисленные формы соцветий, кристаллов, узоров?..

Право, я не подбирал специально все эти образы в стихах Каладзе, они сами бросились мне в глаза. Запас их далеко не исчерпан, он только разворошен и растревожен. Ведь сюда же, в эту рубрику, должны быть отнесены все стихи Каладзе о роскошестве грузинской природы, о судьбах излюбленных им горных рек: Иори, Кодори, Ингури, Дзирула, Ксани, — каждая из них изображена, как живое существо со своей биографией, со своим характером. Все это этюды и наброски, импровизации и прелюдии к одной мощной симфонии, все они говорят об одном: о произвольном творчестве природы. А если попытаться уточнить термин: о мифотворстве природы, как о некоей первоначальной стихии, дающей знать о себе каждому, кто смотрит на природу внимательно и влюбленными глазами. А именно это и требуется от поэта.

Карло Каладзе последовательно демонстрирует свою верность и свою приверженность народному преданию. Если в его ранних стихах это было бесхитрым и добросовестным перенесением в стихи фольклорных мотивов, если когда-то у него Черное море нело для земли хоровую песню «Хасанбегура», то сегодня эта верность приобрела черты продуманной концепции, если угодно, черты философские.

Задача поэта в том, чтобы утвердить жизненность, живучесть, неизбежность, необходимость сказочных образов. Амირани у Каладзе — это не только незапамятно давний, дохристианский миф, общий для многих народов, но только образ, в котором можно проследить связь с античным мифом и античной культурой, это не только «Прометей Кавказа». Нет, это нечто совсем иное, Амირани по-иному входит в мир советского поэта. Следы благородного труда и подвига Амირани существуют рядом с нами; его огнем гудят горы и дома грузинских металлургов; он одушевляет сны грузинских школьников о полете к звездам.

Так происходит в творчестве нашего современника этот своеобразный синтез: поиски первоисточников и корней в явлениях сегодняшней действительности, в труде и борьбе наших современников. Иначе говоря: поиски в прошлом — будущего. Они продиктованы живым чувством родной истории и неизбежны для настоящего поэта. Работа во всяком случае плодотворная, хотя могут представить и усмешку читателя и косою его взгляд: дескать нужна ли ему, читателю, такая арханка, не туманит ли она его зорких глаз?

Так нет же, заранее отведем эти недоумения! Дело в том, что наш реализм часто подменялся ползучей эмпирикой, плоской констатацией факта, который и без того был виден невооруженным глазом, из которого (из факта, а не из глаза!) улетучивалась, как эфирное масло, душа. Было бы неуместно анализировать здесь этот процесс, уточнять где, как и почему он происходил, — ведь он у многих в памяти.

Хотя Карло Каладзе давно уже вышел из того возраста, когда сказка была его единственным чтением, хотя он наверняка прочел все сорок тысяч томов материалистической энциклопедии, он все же смело утверждает:

Так сказка людям говорит,
А сказке надо верить.

Поэт не только имеет право отстаивать и защищать сказку. По сути дела это его долг, а не право, — это назначение. На то он и поэт! Он не собирается вторгаться в

лаборатории точных наук, ему не надо разбивать колбы химиков и рефрактометры астрономов. Он не враждебен этой драгоценной аппаратуре. Но пускай это живое воображение служит необходимым дополнительным инструментом в созидательной работе человечества. Сказка — лучшая подруга таблицы логарифмов. Карло Каладзе весьма своевременно напоминает о том, что каждая гипотеза ученого была когда-то сказкой.

...А я помню этого поэта едва ли не двадцатилетним стройным юношей, когда он числился в «начинающих». Это была середина тридцатых годов.

В те времена Карло Каладзе — равно как Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Константин Лордкипанидзе — были новой волной в поэзии. Они были значительно ближе к жизни, острее и непосредственнее воспринимали любую новизну. Они и сами были такой новизной. У них не было созерцательности голубороговцев, но было в избытке нечто обратное: боевой задор комсомольского воспитания, привычка к газетной, обнаженно публицистической речи, учеба у Маяковского.

Ранняя поэма Каладзе «Учардиони» с резкой яростью, открыто и страстно повествовала о классовой борьбе в грузинской деревне в годы коллективизации. С такой же резкостью она была осуждена тогда критикой, — едва ли эта критика была дальновидна и справедлива! Я сужу об этом по одному отрывку из «Учардиони», переведенному Сергеем Спасским. Фигура комсомольца-героя Гульды, погибшего от рук кулачка, обрисована сурово, в простой и рельефной лепке.

Мне кажется, что эта поэма является самым значительным этапом в идейном развитии Карло Каладзе. Но она останется и как поэтический документ эпохи. Думается, что наш читатель — и в Грузии и в России одинаково — еще должен вернуться к этому произведению, многое почерпнуть в нем и заново оценить.

С той поры прошли многие и долгие годы. Годы мира и годы войны. Многие ушли навсегда с той поры, ушли молодыми. Сегодня Карло Каладзе намного старше, чем были тогда голубороговцы, чем был тогда пишущий эти строки, принадлежащий к тому же поколению, что и голубороговцы.

Последнее обстоятельство дает мне право на нечто казавшее бы опасное, но неизбежное: я осмеливаюсь говорить от их имени.

Снова рог грузинской лирики полон до краев благородным и веселящим душу вином. Когда прикасается к нему наш милый младший товарищ Каладзе, он осушает этот рог единым духом — по праву сильного и равного.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

Книга об историческом романе Новикова

Тема Пушкина в советской литературе — одна из вечных. И по мере обогащения нашего пушкиноведения новыми данными, писатели получали все более доброкачественный исследовательский материал и все больше возможностей для создания образа Пушкина в художественных произведениях. В своем труде «Образ поэта. Пушкин в историческом романе И. А. Новикова»¹ молодой литературовед Т. М. Яковлева прослеживает развитие пушкинской темы в нашей литературе с первых дней Октября и до настоящего времени, анализирует множество произведений на эту тему и делает следующий вывод: романы Ю. Тынянова «Пушкин» и И. Новикова «Пушкин в изгнании» являются высшим достижением данного жанра.

В центре внимания исследователя стоит роман И. Новикова. Выявляя знание большого числа источников, Т. Яковлева путем сопоставления художественного текста с историческими материалами раскрывает творческие принципы И. Новикова, своеобразие созданного им образа поэта.

Заслуживает внимания стремление Т. Яковлевой показать принципы работы писателя с источниками, определить роль художественной фантазии в использовании исторических данных. Т. Яковлева разграничивает понятия вымысла и домысла, правда, не указывая, что это различные проявления писательской фантазии. Думается, здесь же следовало перечислить такие художественные приемы, как «распаковка», косвенная цитация и другие, и указать, что они тем действительнее, чем ярче фантазия художника. В книге Яковлевой говорится и о пределах авторской свободы в исторических произведениях. Все это, несомненно, является достоинством рассматриваемой нами работы.

Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1962.

Попутно хочется остановиться на некоторых недостатках книги. Так сама постановка проблемы, с моей точки зрения, исключает выборочный подход к теме. Напротив, объектом исследования должны стать по возможности все произведения о Пушкине. Между тем в данной работе не говорится ни о «Северном сиянии» М. Марича, ни о печально-известном в свое время «Сальто мортале...» Г. Чулкова и др. Их следовало хотя бы назвать. Даже больше, хорошо было бы несколько расширить историко-литературный фон исследования перечислением художественных произведений о других писателях (упомянуты только «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара»). Это, не влияя на объем, расширило бы рамки исследования.

Анализируя «Невесту Пушкина» С. Сергеева-Ценского, автор книги упоминает о «холерной проповеди» Пушкина, которую считает «заведомо вымышленной». Есть основание предполагать, что поэт произнес эту проповедь. Он писал Плетневу: «...я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер...» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 6-ти тт. ГИХЛ, М., 1938, т. 6, стр. 232). Но поэт не переслал проповеди, и она не сохранилась (там же, стр. 517). О проповеди мы узнаем и из рассказа губернаторши Бутурлиной, которая так же подчеркивала ее шуточный характер (См. А. С. Пушкин. Письма, т. 2. Под ред. и с прим. В. Л. Модзалевского. Госиздат, М.—Л., 1928, стр. 468). Но в работе Т. Яковлевой есть свидетельство, которое кажется маловероятным: письмо М. Ф. Орлова А. И. Раевскому с «вещими словами», опубликованное М. Гершензоном (стр. 63). Оно напоминает мистификацию, подобную предсказанию Казотта.

Наиболее интересна та часть книги, где автор последовательно рассказывает о событиях, лицах, фактах, изображенных в романе, перечисляет источники, которые легли в его основу, знакомит с методами их претворения в различные элементы

произведения. Менее интересна, на мой взгляд, глава, в которой анализируется что изображается в новиковском Пушкине. По существу это перечисление черт характера поэта. Следовало избежать этого, и часть материалов, касающихся образа Пушкина, из второй главы перенести в третью, что помогло бы, как мне кажется, продемонстрировать художественный слав документальности и вымысла, преобразование жизненного материала на основе творческой фантазии, — ведь именно это и обусловило удачу И. Новикова в создании образа Пушкина.

Т. Яковлева говорит о необходимости исторического подхода к произведениям о Пушкине (стр. 23—33 и др.) и сама руководствуется этим принципом. Однако ее оценки порою слишком резки. Ведь других произведений о поэте не было, создавались они на уровне тогдашнего состояния пушкиноведения и следовательно имели определенное значение. Сказанное касается и некоторой недооценки популярной в свое время книги В. Вересаева «Пушкин в жизни».

Приводя свидетельство лиц, соприкасавшихся с поэтом, автор книги дает им свои характеристики. С некоторыми из них, пожалуй, можно поспорить. И. П. Липранди обрисован Яковлевой вполне доброже-

лательно. Между тем, есть свидетельства, что он являлся царским соглядатаем (Н. Н. Фатов. Пушкинская документация. Черновицы, 1959, стр. 31). Говоря о Н. Лернере, следует отметить, что он был плохим писателем, он являлся прекрасным библиографом. Ему принадлежит летопись жизни поэта — знаменитые «Труды и дни Пушкина», — в которой указано, где он бывал, с кем встречался, кому писал, какие произведения и когда написал.

Возражение вызывает также отсутствие истории вопроса или хотя бы краткой методики исследования.

Поэтому следовало бы предпослать труду краткий очерк, отражающий сегодняшнее научное состояние данного вопроса. Это дало бы возможность судить о степени самостоятельности автора рецензируемой книги. Правда, такая глава могла бы заинтересовать узкий круг специалистов. Но книга в целом привлечет внимание широкого круга читателей, которые получают в ней обстоятельный ответ на многие вопросы, связанные с созданием образа великого русского поэта в романе И. Новикова «Пушкин в изгнании». Автор исследования добился поставленной цели — привлек внимание к интересной и малоизученной теме и внес свой вклад в ее разработку.

Алексей БЕКАУРИ,
секретарь партийного комитета Тетрицкаройского колхозно-совхозного производственного управления,
депутат Верховного Совета СССР.

Битва за урожай

Слова «битва за урожай» стали уже привычными, но тем не менее они лучше всего определяют, что происходит сегодня на селе. Именно здесь сейчас проходит передовая линия жарких боев за достаток и изобилие, которые так необходимы советским людям, строящим в своей стране коммунизм.

Решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС, в частности, внесли большие изменения в жизнь двух районов нашей республики — Тетрицкаройского и Цалкского. Отныне многонациональное, трудолюбивое население этих двух районов, укрупненных в один — Тетрицкаройский, будет жить и трудиться вместе, внося свой вклад в экономику и культурное строительство республики.

Уже на первой партийной конференции коммунистов этого района проявилось полное единодушие и взаимопонимание в стремлении досрочно выполнить задания пятого года семилетки.

Как отмечает товарищ Н. С. Хрущев, реорганизация партийного руководства — это не цель, а средство улучшения руководства, в частности, сельским хозяйством, улучшения использования основного богатства — земли, повышения производства сельскохозяйственных продуктов и роста благосостояния советских людей.

Для успешного выполнения намеченных задач вновь организованному партийному комитету Тетрицкаройского колхозно-совхозного производственного управления необходимо было в соответствии с решениями ноябрьского Пленума ЦК КПСС провести реорганизацию

партийного руководства. Мы уделили особое внимание правильному подбору и расстановке кадров, направили на производство лучших, опытных работников. Это нашло горячий отклик у партийного актива нашего района.

Желание пойти на производство изъявили работники райкома, заведующие отделами исполкома и другие.

Для работы в партийном аппарате подобраны опытные партийные и хозяйственные работники, специалисты сельского хозяйства. Зоны обслуживания разделены между инспекторами-парторганизаторами, и они повседневно оказывают помощь колхозам и совхозам в решении партийных и хозяйственных вопросов. Так, например, инспектор-парторганизатор Г. Гаврилов помог Триалетскому совхозу в увеличении производства продуктов животноводства, предназначенных для продажи государству. Вместе с дирекцией и партийным руководством совхоза он организовал отбор и интенсивный откорм скота. В результате правильной организации откорма скота совхоз добился больших успехов. План первого квартала по продаже государству мяса хозяйство выполнило еще в январе. Было продано 900 центнеров мяса.

В тесной связи с партийными организациями колхозов и совхозов инспектора-парторганизаторы решают многие конкретные вопросы развития их экономики. Они стали ведущими фигурами в перестройке партийного руководства, занимаются работой школ передового

опыта в сельском хозяйстве, помогают партийным организациям в широком развертывании социалистического соревнования, глубоко вникают в причины все еще имеющихся недостатков, намечают конкретные пути их искоренения.

В настоящее время в колхозах, совхозах, на предприятиях и в учреждениях района массовой-политической работа приобрела большой размах. Достаточно сказать, что в агитационную и пропагандистскую работу вовлечено 1.500 человек, которые знакомят каждого труженика с решениями партии. На своих собраниях коммунисты с большим энтузиазмом обсуждали решения Пленума, вносили коррективы в производственные планы. Всей этой работой руководят партийные организации.

Следует отметить решение коммунистов, принятое на первой конференции, — не проводить никаких мероприятий без участия первичных партийных организаций, без участия коммунистов. Это еще больше повышает роль и ответственность руководителей колхозов и совхозов.

Партийный комитет Тетрицкаройского производственного управления руководит 33 колхозами и 7 совхозами.

Основной, ведущей отраслью в колхозах и совхозах Тетрицкаройского производственного управления является животноводство.

В этом году мы должны продать государству 31.000 центнеров мяса, 120.000 центнеров молока и много других продуктов. Эти показатели значительно выше прошлогодних.

Крупный рогатый скот — для нашего района самая характерная отрасль животноводства, однако мы имеем все условия для развития такой высокопродуктивной отрасли, как свиноводство. Сейчас за нее взялись все колхозы и совхозы района.

В прошлом году хороших показателей в этой отрасли достигли колхозники села Ирага. Свое обязательство продать государству столько свиней, сколько у колхоза гектаров пахотной земли — ирагцы почти выполнили. Колхоз располагает 680 гектарами пахотной земли, государству было продано 613 свиней.

В этом году колхозы сел Асурети и Джорджиашвили, следуя почину джапаридзевских животноводов, решили откормить и продать государству по одной свинье на каждые 2 гектара пашни.

Хозяйства нашего управления имеют большие возможности и для расширения овцеводства. Поэтому партийный комитет уделяет большое внимание дальнейшему развитию этой отрасли животноводства.

В овцеводство широко внедряется прогрессивный метод — ранний окот. Как показывает опыт нескольких лет,

этот прием дает хорошие результаты. Вот почему овцеводы колхозов и совхозов управления берутся за это дело очень охотно.

В результате успешного проведения раннего окота в декабре и январе получено более 11.000 ягнят. Уже несколько лет отличных результатов добивается овцеводческая бригада колхоза имени Ш. Руставели села Асурети, руководимая Сулико Сулханишвили. Внедрив ранний окот, эта бригада вот уже два года подряд получает от каждых 100 овцематок по 126 ягнят. Хорошие показатели у овцеводов колхозов сел Кода и Дурнуки.

Наши колхозы и совхозы могут дать Родине гораздо больше сельскохозяйственных продуктов, чем сейчас, если будут орошаться засушливые, но очень богатые земли района. Трудно назвать другой такой район республики, уголья которого так нуждались бы в орошении, как в Тетрицкаройском. Здесь протекают реки Храми, Алгети, Торнисхеви, Асуретисхеви и другие. Большие возможности имеются и для обводнения Цалкской зоны. Остается только привести в действие все эти резервы...

Подъему хозяйства колхозов нашего района будет способствовать Телетская оросительная система, которая обводнит земли колхозов сел Кода, Борбало и частично Асурети.

Большие перспективы открывает перед колхозами и совхозами района сооружение оросительной системы Тбиси-Кумиси. Проектные работы уже закончены, сейчас необходимо своевременно приступить к строительству этой крайне нужной системы и всячески форсировать его.

Колхозники и работники совхозов решили освоить такой резерв, как восстановление ранее списанных земель. Ведь при осуществлении ряда агромероприятий, такие ранее непригодные земли могут быть приведены в порядок и их вполне можно ввести в сельскохозяйственный оборот. В ближайшие годы у нас будут восстановлены 5-6 тысяч гектаров земель. А в нынешнем году мы должны освоить 1.500 гектаров. К восстановлению списанных угодий приступили колхозы сел Борбало, Асурети, Цинцкаро и Ирага.

Повышение культуры земледелия, урожайности растений является основой дальнейших успехов развития всех других отраслей сельского хозяйства и зажиточной жизни колхозников. Партийные организации нашего управления уделяют этому первостепенное значение.

Совместно с руководством колхозов и совхозов партийные организации управления ведут большую работу по развитию таких высокопродуктивных отраслей сельского хозяйства, как бахчеводство,

садоводство, виноградарство. В минувшем году, например, было заложено 175 гектаров садов и виноградников. В нынешнем — будет заложено еще 510 гектаров.

Как показал опыт прошлого года, в наших условиях возможно получение хороших урожаев зеленой массы кукурузы, сахарной свеклы, гороха. Кукурузовод Чалкского совхоза Георгий Мурадов, например, получил в прошлом году 300 центнеров зеленой массы кукурузы с гектара.

Некоторые бригады и отдельные свекловоды вырастили высокий урожай сахарной свеклы. А хороший урожай гороха — по 17 центнеров зерна — получила 12-я бригада Триалетского совхоза. Преподаватель Джанийской средней школы А. Булудов закрепил за собой в прошлом году 0,84 гектара посевов сахарной свеклы и в результате хорошего ухода получил 680 центнеров этой культуры, что в пересчете на гектар составляет 810 центнеров.

В нынешнем году в хозяйствах управления решили расширить посевы кукурузы, сахарной свеклы и гороха. Это значительно укрепит кормовую базу общественного стада и будет способствовать увеличению производства продуктов животноводства.

Всеми успехами, которые достигнуты колхозами и совхозами управления, они обязаны нашим замечательным труженикам. У нас много передовиков, которые своим самоотверженным трудом стали широко известны не только в районе, но и за его пределами.

Уже несколько лет славится своими достижениями виноградарь асуретского колхоза Павел Цулукидзе. В прошлом году бригада, руководимая им, вырастила в среднем по 118 центнеров винограда вместо 75 по плану. Сам П. Цулукидзе с 0,7 гектара виноградника получил в пересчете на гектар 212 центнеров ягод. Только в виде дополнительной оплаты труда виноградарь получил 4 тысячи рублей.

В колхозах и совхозах управления работает много доярков, которые ежегодно намного перевыполняют плановые задания. Например, в прошлом году С. Макарова из колхоза села Эдикилиса, А. Гнетова из села Алгети, С. Дурахова из колхоза села Ливанди и другие надоили от каждой коровы по 2.500 килограммов молока.

Как указывается в Программе КПСС, мы должны создать обилие дешевых и высококачественных продуктов. Достичь этого возможно путем максимального внедрения механизации в производство. Наши колхозы и совхозы располагают достаточным количеством техники, но испытывают нехватку в кадрах механизаторов. Поэтому партийный комитет решил организовать краткосрочные курсы трактористов, работников механизированных ферм и других специальностей на базе районного отделения «Грузсельхозтехники». Эти школы уже работают. Они помогут механизаторам полностью освоить машины и оборудование и будут содействовать взаимному обмену накопленным опытом.

В пятом году семилетки мы уделяем особое внимание механизации трудоемких процессов в животноводческих помещениях. Решено механизировать 5 животноводческих ферм. А это значительно снизит себестоимость животноводческих продуктов.

В ответ на обращение трудящихся Усть-Лабинского производственного управления Краснодарского края и обязательства, взятые ими, мы широко развернули социалистическое соревнование за резкое увеличение производства зерна и продуктов животноводства.

Труженики колхозов и совхозов Тетрицкаройского производственного управления сделают все, чтобы успешно выполнить те грандиозные задачи, которые партия и правительство поставили перед нами.

М. КАРДАНЕЛИ

О новых грузинских фильмах

Новый фильм режиссера Р. Чхеидзе «Морская тропа» (авторы сценария А. Салуквадзе и Р. Ченшвили), подобно кораблю, совершившему недолгое, но трудное плавание, уже успел обрасти ракушками и водорослями критических рецензий и статей. Одни критики хвалят картину, другие — ругают, но обе стороны сходятся на том, что новая работа Р. Чхеидзе — произведение спорное, что «Морская тропа», первый грузинский широкоэкранный фильм, в какой-то мере является творческим экспериментом талантливого режиссера.

В отличие от специалистов, тбилисские кинозрители довольно единодушно перешли от любопытства к разочарованию, и уже через несколько дней после того, как картина появилась на экранах, огромные очереди у касс стали заметно редеть и таять.

Чем объяснить это обстоятельство?

Может быть необычностью талантливого режиссерского поиска? Или невыразительностью литературной основы фильма — сценария?

Об этом, то есть о достоинствах и недостатках фильма, мне и хотелось бы поговорить.

История, рассказанная в «Морской тропе», начинается с того, что старый моряк, оставшись наедине с собой, предаётся горестным размышлениям о своей быстро пролетевшей молодости.

Ход мыслей старика примерно таков: когда-то он был молод и силен, тогда все его знали и уважали за храбрость и мужество, называли «морским львом»; не раз в единоборстве с морской стихией выходил он победителем, а теперь... пришла старость, а вместе с ней и немощь, и бессилие, и люди уже говорят о человеке в прошедшем времени: «помнишь...», — говорят они, — ты был... ты мог... тебя знали... о тебе говорили...».

Больно сознавать старику свою ничтожность, свой «выход из игры»... Мысль о том, что он уже ни к чему не пригоден, доводит его до слез, и вот, не находя себе места от отчаяния, старик выходит из дому и бредет по улицам родного города. Все, что в этот день попадаетея ему на глаза, наводит на печальные раздумья о безвозвратно ушедшей молодости, о собственной непригодности для жизни, для счастья, для живого дела... Их, этих элементов «напоминания», много: тут и красота девичьих тел, вращающихся на «гигантских шагах», и бодрая поступь юного поколения нахимовцев, и даже призрак собственной молодости, зовущей старика в неоглядные морские дали...

Случайное обстоятельство — появление молодых людей на берегу моря — положило начало новому, очень короткому, но — увы! — последнему дню жизни героя. Движимый благородным стремлением спасти утопающего юношу, который, понадеявшись на свои силы, решил совершить неслыханный по дальности заплыв, старик погибает. Юноша благополучно выбирается на берег. В этом эпизоде олицетворена основная идея произведения — всемогущая, умудренная опытом старость вершит свое последнее земное «дело» — ценою жизни своей спасает отважную, хотя и безрассудную молодость, спасает Будущее.

Эта основная идея «Морской тропы», пройдя все стадии своего воплощения — от сценария до фильма, — к сожалению, выражена в фильме далеко не полностью и не совсем точно.

Кинофильм, как известно, коллективное произведение, и поэтому достоинства и недостатки «Морской тропы» являются успехом или неуспехом каждого, кто вложил свою долю труда в создание этого фильма.

А фильм — трудный, необычный, не

похожий на развращающие зрителя сюжетно-увлекательные безделушки типа американской «Оклахомы» или наших, отечественных «Кубанских казаков», потребительская популярность которых до сих пор еще позволяет некоторым деятелям от искусства делать ошибочные выводы относительно народности и демократичности подобных творений искусства.

«Морская тропа» задумана как поэма о мужестве человека, не желающего складывать оружия перед лицом надвигающейся старости и смерти; это философское раздумье о долге и самоотверженности, о человеческой жизни, в которой поколение отцов подобно эстафете передает идущему ему на смену поколению сыновей свои силы, свои знания и свой опыт.

Именно эту идею, идею преемственности поколений, постарались подчеркнуть в своем фильме авторы сценария и режиссер. В этом же направлении шли и усилия актера С. Закариадзе, исполняющего роль старика.

Но то ли сценарный материал не был достаточно организован, то ли режиссер и актер по ходу съемок увлеклись чрезмерной импровизацией и отклонились от главного, так или иначе авторам «Морской тропы» до конца не удалось «вытянуть» идею замысла, художественно убедительно (а это значит и **увлекательно**) рассказать о незаметном, «бытовом» подвиге старого моряка.

Прежде всего фильм очень растянут. Недостаток этот, как говорится, лежит на поверхности, и его трудно не заметить. Дело не в том, что кинокартина сделана в стиле неторопливого рассказа «с подробностями», с любовным обыгрыванием деталей. (Этот прием сам по себе довольно интересен и выразителен.) Дело в том, что затянутому, медленному развитию событий в фильме не хватает драматургии. От длительного прохода героя по улицам и набережным города, от его долгого сидения в сквере (все это сопровождается дикторским текстом, передающим ход мыслей старика), печаль старика, его скорбь об утраченной молодости не становится более понятной и волнующей. Я понимаю: как видно авторы и актер хотели показать человека, который в смятении не находит себе места; но поскольку у героя нет никакого действия, а дикторский текст (ход его мыслей) довольно односложен («как грустно, как плохо быть стариком!»), создается впечатление, будто актер любитесь собой, режиссер — актером, а зритель предлагает лицезреть «голый» изобразительный материал, лишенный какого-либо содержания, ибо душевное состояние старика становится ясным уже с первых же кадров. Не спасают положение ни удачные

композиции планов, ни яркое музыкальное сопровождение, ни цветочные и световые эффекты. Становится просто скучно. Чтобы избежать этой скуки, авторы фильма должны были либо прибегнуть к дикторскому тексту, сделав его более многоплановым и динамичным, либо насытить «проходы» старика какими-то событиями, «работающими» на раскрытие его душевного состояния. Тогда, кстати, стала бы более понятной и драма героя — о чем, собственно, он тоскует и убивается?

Преклонный возраст человека сам по себе вряд ли может служить достаточно убедительным поводом для безысходного отчаяния и скорби. Очевидно, тут не хватает какой-то конкретной жизненной мотивировки.

Досадная растянутость, голый, лишенный внутреннего содержания показ чисто «изобразительного» материала преобладает и во второй половине фильма. «Проходы» героя по улицам сменяет его бесконечно долгий морской «заплыв». И там и здесь эти «проходы» и «заплывы» нарушают ритм фильма, охлаждают интерес зрителя.

Они, эти длинноты, похожи на бесплодные пустоши среди цветущей долины. Едва успев как следует «включиться в игру», зритель, наткнувшись на такие «пустоши», перестает быть соучастником происходящего на экране действия, начинает скучать, «переживает», делает, как говорится, «вынужденную остановку». После этого не так уж легко снова «включиться в игру». Если даже это и происходит, все равно — цепь разорвана, целостное впечатление разрушено.

Я сознательно останавливаюсь на этом весьма существенном недостатке «Морской тропы», ибо твердо убежден, что, сократив фильм, можно было бы добиться большей его выразительности и целостности.

«Морская тропа» — полнометражный фильм, однако, несмотря на это, эпизодов в нем немного. Наряду с отлично поставленными сценами (например, эпизод одинокого раздумья старика в самом начале картины, встреча героя с нахимовцами или с молодежью на берегу моря) есть эпизоды, вызывающие недоумение, дающие повод для неверного толкования образа старика или того, что происходит на экране. Упрек этот прежде всего относится к эпизоду встречи старика с призраком своей молодости.

Момент очень важный для раскрытия душевного состояния героя. Однако, вопреки воле авторов, фигура призрака — молодого моряка — производит комический эффект. Нелепо и странно выплывающая, словно паря в воздухе, она лишает всю эту сцену столь необходимой ей суровой эмоциональной окраски.

Недостаточно ясны мотивы, побудившие старика войти в воду и плыть вслед за юношами.

Что толкнуло его? То ли тревога за жизнь ребят, то ли желание покрасоваться, тряхнуть, как говорится, стариной перед одной из представительниц прекрасного пола, которая явно не скрывает к нему своего почтительного расположения; это так и остается неизвестным.

Складывается впечатление, будто герой вдруг решил потягаться силами с молодежью. Однако, трудно поверить в то, что старый опытный моряк, всю жизнь прослуживший во флоте, мог бы столь легкомысленно ввязаться в игру с веселящимися шалопаями, совершающими к тому же явно безрассудный поступок. Скорее всего старик одернул бы их, заставил бы вернуться на берег, не доводя дела до трагической развязки.

* * *

Экранизация самостоятельного литературного произведения, которое благодаря своим художественным достоинствам сумело снискать себе любовь и популярность среди читателей, всегда сопряжена с определенными трудностями. Зритель невольно сравнивает прочитанную книгу с тем, что он видит на экране.

И это непрерывное «сравнение» мешает ему выработать правильное суждение о кинокартине, как о независимом, самостоятельном художественном произведении, имеющем свои эстетические законы, свою, как говорится, специфику.

Так произошло с фильмом «Я, бабушка, Илико и Илларион» (режиссер Т. Абуладзе, сценарий Т. Абуладзе и Н. Думбадзе). Разговор о нем, в основном, свелся к тому, что лучше: фильм или известная всем одноименная повесть Н. Думбадзе?

Из многих упреков, высказываемых в адрес режиссера, чаще всего приходится слышать упрек в том, что в фильме, дескать, мало юмора, того самого искрящегося весельем гурийского юмора, которым от начала до конца пронизана повесть Н. Думбадзе.

Что ж, с этим трудно не согласиться. Действительно, юмора в фильме меньше, чем в повести. Упрекают Т. Абуладзе и в том, что богатая и цветущая, ярко блестящая красками природа Гурии в фильме представлена бледно и скупо, что пейзаж, показанный в фильме, не соответствует пейзажу, описанному в повести. С этим упреком тоже нельзя не согласиться: в Гурии действительно природа гораздо богаче и пышнее. Но дело в том, что режиссер Т. Абуладзе по-

своему прочел произведение Н. Думбадзе, что фильм «Я, бабушка, Илико и Илларион» самостоятельное художественное произведение, имеющее свое, независимое от повести, художественное значение.

Т. Абуладзе сознательно ушел от чрезмерного, искрящегося весельем юмора Н. Думбадзе (кстати, в повести иногда быющего на внешний эффект), сознательно «приглушил» «баррокальную» пышность пейзажа, на фоне которого живут и действуют герои, выдвинув на первый план суровый драматизм и жизненную достоверность событий, связанных с самым тяжелым периодом в жизни нашего народа — с годами Великой Отечественной войны.

В своем фильме авторы (в данном случае я имею в виду весь творческий коллектив) рассказали о простых людях — тружениках села, об их повседневной жизни, о человеке, воспитанном нашей действительностью: трудолюбивом и честном, веселом и добром, любящем свою Родину и семью, готовом в любую минуту прийти на помощь ближнему и перенести любые лишения во имя торжества общего дела; такой человек — бессмертен!

Поэтому упрекать Т. Абуладзе в том, что он недостаточно отразил «этнографические» (если здесь уместно употребить этот термин) особенности повести «Я, бабушка, Илико и Илларион», значит не понять задачи, которую ставил перед собой постановщик фильма.

В кинокартине много отлично снятых эпизодов, но среди них особо хочется выделить кадры, заключающие сцену отправки новобранцев на войну оркестрантов, вдруг начинает звучать торжественная мелодия известной всему миру песни «Идет война народная...». Здесь полностью проявилось высокое мастерство создателей фильма — режиссера, оператора, художника и композитора.

Большое впечатление оставляют также оба «прохода» в школу и из школы (бабушка, Зурикела, Мзия), сцена в школе, заключительный эпизод — смерть бабушки (ее замечательно играет Ц. Такашвили) и многие другие.

Менее удачны такие эпизоды, как охота на зайца (с налетом эксцентрики), приезд Илико в Тбилиси (образец безвкусного штампа) или сцена на вокзале (Зурикела, Цира)... Эти эпизоды, нарушающие общий ансамбль фильма, вызывают досаду.

Однако, это все-таки частности. Есть в фильме более существенный недостаток, относящийся к его драматургии.

Я имею в виду «городские» сцены и

все, что связано с ними. Сам по себе город показан великолепно — свежо и с большим вкусом. Но то, что здесь происходит, уж очень схематично и невыразительно: и бугафорская фигура Илико, который с хурджином за плечами шагает по центральному улицам города и с наивностью чеховского Ваньки Жукова (с его письмом «на деревню дедушке»), спрашивает случайных встречных, не видели ли они Зурикелу, и вся история «любви» Циры к Зурикеле, не только не способствующая более глубокому раскрытию образа юноши, а наоборот, обедняющая его (сама Цира только намечена общими, довольно туманными штрихами). Все это, подобно «пустошам среди цветущей долины» (о чем мы говорили выше), работает «вхолостую», расхолаживает зрителя, нарушает его контакт с экраном, так умело налаженный с начала фильма.

* * *

В фильме режиссера М. Кокочашвили «Каникулы» (сценарий Р. Инанишвили) ничего необычного не происходит.

Обремененный семейными заботами отец привозит на летний отдых в родную деревню дочь и сына.

Мальши только что закончили учебу, у них начались каникулы и теперь им хочется бегать и веселиться, полностью насладиться всеми прелестями заслуженного отдыха. Но отец имеет на этот счет свое особое мнение. Человек, лишенный фантазии, хмурый и прозаический (по профессии бухгалтер), он и в деревне продолжает щелкать на своих счетах, заниматься своим «дебетом» и «кредитом» и требует от детей, чтобы они с утра до вечера занимались скучными, неинтересными делами: мальчик — повторял пройденный в школе материал, а девочка — упражнялась на виолончели.

Вместе с тем отец запрещает детям выходить за пределы двора, а также заводить дружбу с деревенскими ребятами, от которых, по его мнению, «ничему хорошему нельзя научиться».

Скрепя сердце, дети вынуждены подчиниться приказу сурового родителя, но при первом же удобном случае они вырываются из-под его опеки и заставляют отца отступить перед их непреклонной волей к свободе и самостоятельности. Написав это, я представил себе строгое лицо какого-нибудь не в меру принципиального, ретивого последователя Гогобашвили и Ушинского, и мне стало немножко не по себе. Как? Чтобы дети шли наперекор родителям? Что вы пропагандируете?! Успокойтесь, не надо

бить тревогу. Ничего нет страшного в том, что юное поколение — дети — пытается утвердить свое право на человеческое достоинство, что в силу своей естественной любознательности они стремятся вырваться из тесного семейного мира на широкий простор жизни, чтобы самостоятельно соприкоснуться со сложной, но бесконечно интересной живой действительностью.

Об этом и рассказывает молодой, талантливый режиссер М. Кокочашвили в своем фильме. Рассказывает просто и сдержанно, с большой теплотой и задушевностью, избегая внешних эффектов и ложной многозначительности.

Главная заслуга авторов фильма в том, что простой будничный факт, частный случай из жизни простых, ничем не примечательных людей, поднят ими до большого, обобщающего звучания: нельзя посягать на законные права человека (пусть даже этому «человеку» 10—12 лет от роду!), нельзя подавлять инициативу человека, его стремление к свободе и самостоятельности.

Очень интересна работа актера Г. Гегечкори, исполняющего роль отца. Психологическая достоверность созданного им характера настолько захватывает, что зритель невольно становится соучастником всех злоключений героя, связанных с его нелегкой отцовской долей.

Естественно и непринужденно держатся дети, в особенности Ростия.

На всем протяжении фильм — со всеми частностями и деталями — удивительно ритмичен, т. е. собран в одно целое и поэтому смотрится с непрерывным интересом. Авторы можно было бы упрекнуть только за один эпизод, который выпадает из общего ритма картины.

Я имею в виду монолог старика (актер М. Гегечкори) и его «спор» с землей.

Есть что-то шутовское, «театральное» во всем облике — в голосе и в движениях — этого персонажа. Если, показывая его, авторы рассчитывали на комический эффект, то надо сказать, что смеха старик не вызывает, скорей наоборот — становится скучно и досадно от того, что актер так неестественно «играет» (именно «играет») в немножко чудаковатого от старости, словоохотливого человека (ведь его, очевидно, таким и мыслили авторы!).

Можно только приветствовать молодого режиссера, начавшего свою творческую биографию таким отличным фильмом. Но, очевидно, это свойство многих первых фильмов, что, к сожалению, не всегда скажешь о вторых и третьих.

Новое о М. Горьком

Зимой этого года мне довелось побывать у жены и друга Алексея Максимовича Горького Екатерины Павловны Пешковой. Она великолепно помнит множество событий, дат, фамилий... Каждая вещь, находящаяся в ее комнате, имеет свою историю, связана с каким-либо памятным событием в жизни Алексея Максимовича.

Вот, например, у стены, поблескивая красным деревом, стоит высокий узкий старинный комод. Екатерина Павловна рассказывает о том, как его покупал Алексей Максимович на свой первый крупный литературный заработок...

— Взгляните на это, — улыбаясь, говорит Екатерина Павловна, протягивая мне небольшой сверток из какой-то плотной ткани.

Я разворачиваю его и вижу хурджин тонкой ручной работы с характерным грузинским орнаментом.

— С этим хурджином, — говорит Екатерина Павловна, — тоже связана целая история. Алексей Максимович привез его из Тбилиси в 1898 году...

Вспомнив историю хурджина, Екатерина Павловна рассказала мне также и некоторые другие эпизоды из жизни Алексея Максимовича Горького, в той или иной степени связанные с Грузией.

Первый отрывок, записанный мною, относится к истории ареста Алексея Максимовича в ночь на 6 мая 1898 года. Этот эпизод связан с раскрытием в Тбилиси марксистской нелегальной организации, во главе которой стоял друг Горького — рабочий Федор Афанасьев; с ним он познакомился и сблизился во время своего первого пребывания в Тбилиси в 1891—1892 гг. В связи с делом об Афанасьеве и был арестован Горький. После утомительного путешествия в сопровождении двух жандармов по железной дороге, а затем по Военно-Грузинской дороге 13 мая 1898 года Горький был доставлен в Тбилиси, в Метехский тюремный замок, а 28 мая того же года после ряда допросов был освобожден.

Несмотря на то, что история ареста Горького в 1898 году более или менее изучена, она требует специального исследования.

Воспоминания Е. П. Пешковой ярко характеризуют ряд новых и еще неизвестных в литературе деталей, связанных с этим арестом.

Вторая часть воспоминаний Е. П. Пешковой относится к 1903 году. Как известно, в 1903 году Алексей Максимович вместе с Екатериной Павловной и издателем К. П. Пятницким в четвертый раз в своей жизни приехал в Грузию.

Частично воспоминания Е. П. Пешковой о 1903 годе были опубликованы в 1951 году в газете «Индустриалури Кутаиси» в переводе на грузинский язык. Ныне они вновь были записаны мною из уст самой Екатерины Павловны и потому, естественно, отличаются от первого варианта.

Записав воспоминания Екатерины Павловны, я попросил ее пересмотреть их и править, что она с присущей ей любезностью и сделала.

Думается, что публикуемый ниже отрывок из воспоминаний Е. П. Пешковой предстает большой интерес не только для специалистов, но и для всех, кто любит А. М. Горького, помнит о его сердечной привязанности к Грузии.

Борис ПИРАДОВ.

Из воспоминаний Екатерины Пешковой

В «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» (Вып. I, М., 1958, стр. 208, согласно «Красного архива», стр. 32) сообщается, что 29 апреля 1898 года Алексей Максимович выехал из

Нижнего-Новгорода в Сызрань. Это, очевидно, ошибка следивших за ним филеров. Ошибку эту, опираясь на архивные документы, повторили в «Летописи». Горький уехал не в Сызрань, а

на дачу к нашим друзьям Щербаковым¹.

Возвратился Алексей Максимович от Щербаковых через два дня и сразу зашел за работу.

Очевидно, филеры увидели его только 5 мая и сообщили об этом по начальству.

Жили мы в это время в Н.-Новгороде на Ильинке (ныне Краснофлотская улица) в доме Большакова.

Квартира эта очень нравилась Алексею Максимовичу. Дом стоял в глубине двора и уличный шум не долетал до нас.

За домом был сад, переходящий в глубокий, заросший деревьями, овраг, тянувшийся к Лыковой дамбе.

С квартирой на Ильинке связаны большие события в жизни Горького, несмотря на то, что прожили мы с ним в этой квартире недолго.

30 марта (ст. ст.) 1898 года вышли в свет два тома его очерков и рассказов, изданных Чарушниковым и Дороватовским.

Книги были горячо встречены читателями и литературной критикой. Спрос на них был так велик, что весь тираж разошелся в несколько недель. В том же году издатели приступили к выпуску второго издания.

В это время Алексей Максимович работал над повестью «Фома Гордеев», которую задумал еще летом 1897 года в Мануйловке. Одновременно он собирал материалы по Василию Буслаеву.

Работа эта была неожиданно прервана...

В ночь с 6 на 7 мая 1898 года Алексей Максимович писал за своим письменным столом у открытого окна в кабинете. Было тихо-тихо, лишь иногда до меня доносилось его глухое покашливание.

Уложив спать Максима, которому еще не было года, и поговорив со старушкой няней, я, чтобы не мешать Алексею Максимовичу, ушла в спальню читать.

Часы пробили одиннадцать. А вскоре во входную дверь передней громко застучали.

— Телеграмма, — послышался голос за дверью.

В квартиру, топя сапогами, побрякивая шапками, вошли жандармы и понятые. Начался обыск, казавшийся мне бесконечным. Это был первый в

моей жизни обыск, на котором я присутствовала. Я не растерялась и не волновалась.

Жандармы хотели обыскать все четыре комнаты нашей квартиры: столовую, кабинет, спальню и детскую. Но в детскую я их не пустила, чтобы не напугать ребенка. Как это ни странно, жандармы не стали настаивать, ограничившись обыском остальных трех комнат.

Вообще обыск был довольно поверхностным. В основном жандармы интересовались перепиской и рукописями Алексея Максимовича. В кабинете они перерыли все. Рукописями и письмами они набили целый чемодан. Попала туда и рукопись начатой повести «Фома Гордеев».

Алексею Максимовичу предложили одеться и увести его.

Лишь на другой день, придя в Нижегородское жандармское управление, я узнала, что обыск и арест произведены по требованию Тифлисского губернского жандармского управления.

М. Горький с сыном Максимом.

Было тяжело. Я осталась одна с маленьким ребенком. Денег в тот день у нас в доме не было. Алексей Максимович ушел с несколькими копейками в кармане.

Через день после ареста ко мне пришла наша знакомая — Вера Казанцева — и передала мне от имени нелегальной организации «Красного Креста» по оказанию помощи политическим заключенным, каторжанам и ссыльным сорок рублей.

¹ Щербаков Сергей Васильевич — нижегородец, знакомый Алексея Максимовича, с которым он особенно сблизился с 1896 г. Сергей Васильевич был председателем «Кружка любителей физики и астрономии», выпустившим «Астрономический календарь». Он был в это время и преподавателем Реального училища в Н.-Новгороде. — Б. П.

Двадцать пять рублей из них я послала Алексею Максимовичу в Тбилиси, адресуя в жандармское управление; пятнадцать рублей оставила себе с сынишкой.

Тогда я впервые узнала о существовании подпольной организации «Красного Креста», а оказанная мне помощь была не только своевременной, но и произвела на меня глубокое впечатление.

С 1902 года я сама стала членом нелегальной организации «Красного Креста» по оказанию помощи политическим заключенным, каторжанам и ссыльным.

Из Метехского замка в Тбилиси, где был заключен Алексей Максимович, я получила от него пять писем и открытку из Москвы от 8 мая по пути в Тбилиси. Они опубликованы в V томе «Архива Горького» в 1955 году.

После отъезда Алексея Максимовича я с сыном уехала в Самару, куда после освобождения из заключения в Метехском замке 28 мая 1898 года он приехал к нам.

Алексей Максимович был очень истощен и слаб. Процесс в легких возобновился. Температура поднималась до 40°. Появилось кровохарканье.

Мы сразу уехали за город. Сняли две комнаты на берегу Волги, на даче Постникова, близ Самары. Там же помещалось и кумысолечебное заведение.

Алексей Максимович решил лечиться кумысом. Он пил его регулярно 2-3 раза в день. Организм у него был крепкий и недели через две кровохарканье прекратилось, — он быстро стал поправляться.

Несмотря на болезнь, он возобновил работу над «Фомой Гордеевым» и написал очерк «Праздник шнитов», напечатанный в «Нижегородском листке». Этот праздник он наблюдал из окна своей камеры в Метехском замке.

Из Тбилиси Алексей Максимович привез хурджин, который купил по выходе из Метехского тюремного замка, — мне в подарок.

В 1962 году я передала его Б. А. Пирадову, как память об интересе М. Горького к быту Грузии.

В последних числах июля мы вернулись в Нижний Новгород.

* * *

Прошел ряд лет и событий.

В первых числах июня 1903 года Алексей Максимович со мной, К. П. Пятницким и И. А. Тихомировым отправились в путешествие на Кавказ, о котором он всегда с увлечением рассказывал, но осуществить поездку нам все не удавалось.

Из Нижнего-Новгорода мы пароходом общества «Самолет» плыли до Царицына. Затем поездом проехали до

Владикавказ. Здесь пересели в экипаж и по Военно-Грузинской дороге, направляясь в Тбилиси, остановились на станции Казбеги, ночевали там. Ранним утром следующего дня поднялись на Малый Казбек и поздним вечером приехали в Тбилиси. Остановились в гостинице «Лондон». Прожили в Тбилиси несколько дней.

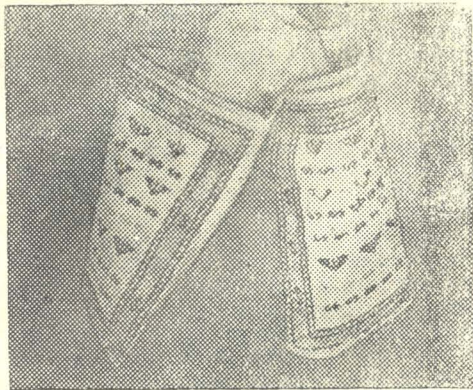
В первую очередь навестили семью Александра Мефодьевича Калюжного, в квартире которого в 1891 году Алексей Максимович написал свой рассказ «Макар Чудра», напечатанный вскоре в газете «Кавказ» 12 сентября 1892 года. С этого дня фактически началась литературная деятельность М. Горького.

Дни проходили в осмотре города. С высоты горы Давида мы любовались видом на город, осмотрели чудесный ботанический сад; Алексей Максимович показал нам с противоположного берега Куры Метехский тюремный замок, в котором он сидел в 1898 году. Теперь этот корпус разрушен.

Из Тбилиси мы направились в Батуми. Осмотрели город, осмотрели Ботанический сад Смецкого. Осмотрели Чакву с ее чайными плантациями и вернулись в Тбилиси, а на другой день выехали в Боржоми, на «кукушке» поднялись в Вакуриани, где на железнодорожной станции работал старый знакомый Алексей Максимовича по Нижнему-Новгороду — А. В. Чекин. Мы встретились и на память снялись вместе с ним.

Из Боржоми направились в Абастумани.

В это время там жил и работал над реставрацией росписи храма известный художник Михаил Васильевич Нестеров. Заехали к нему. Нестеров устроил для нас завтрак на веранде дома, где он жил. Местная молодежь узнала о приезде Алексея Максимовича. У дома собралась толпа, преимущественно из молодежи. Всю веранду забросали розами.

Хурджин, приобретенный М. Горьким в Тбилиси в 1898 году.

Алексей Максимович был смущен такой бурной встречей, а потом шутливо сказал: «Все розы да розы, уже лучше бы кто-нибудь догадался пучек редиски бросить».

М. В. Нестеров, не поняв шутки, рас-

Лишь много лет спустя, познакомившись с Людмилой Владимировной Маяковской — сестрой Маяковского Владимира Владимировича — я рассказывала ей об этой встрече и узнала, что этим «занятым лесником» был их отец.

Редкий снимок, сделанный сыном М. Горького Максимом летом 1930 года на даче великого писателя в Сорренто, где в то время гостили писатель Федор Гладков и приехавший по специальному приглашению Алексея Максимовича председатель Совнаркома Грузии Шалва Элиава с женой Анной Николаевной.

На снимке: (слева направо) Ф. Гладков, Ш. Элиава, М. Горький и А. Элиава.

терянно сказал: «Жаль, что я не знал, что вы любите редиску... Мы бы достали...»

Попрощавшись с Нестеровым, мы спустились в Боржоми, а потом верхом, через Зекарский перевал, по пути в Кутаиси заехали в Багдади и остановились там отдохнуть...

Но неутомимый ходок Алексей Максимович сразу пошел по окрестностям Багдади. Он попал в лес. Здесь он встретил лесничего в сопровождении объездчика, у которого в руках была кошелка с черенками.

Алексей Максимович заинтересовался их работой и спросил лесничего: «Что вы делаете с черенками?». Тот сказал, что он делает опыт прививки фруктовых деревьев диким лесным деревьям. Если опыт удастся, приятно будет сорвать в лесу грушу или яблоко.

Возвратившись, Алексей Максимович рассказал нам об этом, добавив: «Занятого лесника я встретил...» Имени его он не спросил.

Владимир Константинович, служивший там лесничим.

Владимир Константинович сразу тогда узнал Горького, известного ему по портретам, и, вернувшись домой, рассказал о неожиданной встрече с ним.

* * *

Из Багдади, наняв экипаж, мы к вечеру приехали в Кутаиси. На утро, отдохнув, отправились осматривать город. Побывали в знаменитом Гелатском монастыре, любовались замечательной мозаикой храма и широкими видами, которые открывались в пролетах арок монастыря.

Когда мы вернулись в город, нас ждала телеграмма из Нижнего-Новгорода с сообщением, что заболела наша дочь Катюша. Ей тогда было два года. Она и наш пятилетний сын Максим оставались на попечении бабушки — моей матери, жившей с нами. В то лето мы сняли дачу, домик в лесу, на станции Горбатовна близ Нижнего.

Я решила вернуться домой. До Сухуми, а затем пароходом до Новороссийска меня провожали Алексей Максимович и наши спутники. Посадив меня на поезд, они вновь возвратились в Кутаиси. Когда я приехала домой, девочка была уже здорова, о чем я известила Алексея Максимовича.

В Кутаиси Алексей Максимович и спутники осмотрели развалины храма Баграта и другие исторические места: Алексей Максимович познакомился с педагогом и общественным деятелем Ясоном Николаишвили, в доме которого провел дня два. Дом Я. Николаишвили в Кутаиси сохранился и поныне и расположен на углу улиц Кирова и Цхакая. Вместо садика сбоку к дому сделана пристройка.

Николаишвили устроил в честь Горького торжественный прием.

На этом банкете Алексей Максимович познакомился с представителями передовой местной интеллигенции. Среди приглашенных был выдающийся грузинский поэт Акакий Церетели, к творчеству которого Алексей Максимович проявлял большой интерес.

Акакий Церетели прочитал Алексею Максимовичу несколько своих стихотворений на грузинском языке. Во время чтения Алексей Максимович внимательно слушал его и отбивал рукой ритм стиха.

Оживленная беседа по вопросам раз-

вития современной русской и грузинской литературы, по вопросам политическим, возникшая за столом, затянулась чуть ли не до самого утра.

Алексей Максимович вместе со всеми провозглашал тосты, и ему пришлось выпить не один рог вина.

Обо всем этом мне рассказала дочь Николаишвили — Елена Ясоновна Иоселиани, с которой я встретила в Цхалдубо в 1951 или в 1952 году.

* * *

Алексей Максимович вообще любил Грузию и проявлял большой интерес к жизни грузинского народа, его обычаям и правам, к народному творчеству, литературе и искусству. Его интересовали вопросы революционного движения в Грузии, вопросы национально-освободительной борьбы.

Все услышанное, отдельные эпизоды и встречи он хранил в своей необычайной памяти.

Из этой поездки он привез мне в подарок «тавсакрави», «лечани» и другие вещи грузинского быта, часть которых ему подарили, а часть он приобрел сам.

На обратном пути Алексей Максимович, Пятницкий и Тихомиров возвращались через Тбилиси, где был устроен банкет в честь Горького.

Автандил ГОГОБЕРИДЗЕ

На стадионах мира

«С мячом за тридевять земель». Так будет называться выходящая в ближайшее время на грузинском языке книга заслуженного мастера спорта Автандила Гогоберидзе. Книга эта — дневники одного из популярнейших советских футболистов, которые он вел во время зарубежных поездок тбилисского «Динамо».

Мы публикуем одну из глав книги Гогоберидзе, рассказывающую о матчах с футболистами Бельгии, Люксембурга, Франции.

8 ноября 1959 года после продолжительного и трудного сезона нам предстояло вылететь из Москвы в турне по Бельгии (а как позже выяснилось, еще по Люксембургу и Франции).

Наше посещение Бельгии — ответный визит, организованный нашими недавними гостями, клубом «Ля Гантуаз». Напомню, что менее полугода назад, точнее 22 мая, гантуазцы выступали в Тбилиси и проиграли нам 1 : 2. Теперь у себя дома, в родном Генте, они надеялись на реванш, тем более, что по возвращении из Советского Союза руководители команды не очень высоко оценили наш коллектив и уровень его класса. Такое заявление еще больше настраивало нас на боевой лад. Выиграть во что бы то ни стало — таково было единодушное мнение.

В делегацию входили игроки: С. Котрикадзе, Чохели, Торадзе, Хочолава, Яманидзе, Зеинклишвили, Мелашвили, Баркая, Калоев, Гогоберидзе, Месхи, Квачадзе, Элошвили, А. Котрикадзе, Чанчалеишвили, Хеладзе, Куртанидзе, Л. Жордания, тренеры: А. Д. Жордания и Н. И. Чхатарашвили, врач З. Телия. Руководил делегацией Г. В. Сихарулидзе.

...Получасовая остановка в Амстерда-

ме, перелет в Брюссель, а отсюда, уже на автобусе — в Гент, к месту нашего бельгийского дебюта. Первое же впечатление от города, одного из крупнейших в стране, было чисто «футбольное» и очень удивившее нас. В вестибюле гостиницы, где нам предстояло жить, сразу бросился в глаза огромный стенд с фотографиями многих известнейших футболистов мира. Оказывается, владелец гостиницы, большой любитель футбола, по давню установившейся здесь традиции, принимает в своем отеле футболистов и делает все от него зависящее, чтобы гости остались довольны. По традиции же гости «обязаны» сфотографироваться с хозяином отеля на память, если, разумеется, они получают приглашение к этому. И если уж фотоаппарат сработал, быть новому кадру на стенде.

Первый наш соперник — местный клуб «Ля Гантуаз». Пока только по этому коллективу мы можем судить о бельгийском футболе — других не видели, хотя знаем, что на одном уровне с гантуазцами, если даже не выше, стоят брюссельский «Андерлехт» и льежский «Стандарт». Вообще же в Бельгии футбол очень популярен — 25.000 клубных команд объединяют около трехсот тысяч футболистов. Это очень много, если

вспомнить, что живет в стране всего 8 миллионов человек.

Слава бельгийского футбола родилась еще в 1920 году, когда сборная страны стала Олимпийским чемпионом. И позднее сильнее клубные и сборная Бельгии добивались успехов во многих международных соревнованиях. В последние годы эти успехи стали, правда, скромнее. В частности, бельгийская сборная проиграла недели за три до нашего приезда сборной Швеции первый отборочный матч первенства мира 1962 года со счетом 0 : 2, а вскоре и швейцарцам — 2 : 4.

По случайному стечению обстоятельств наш матч в Генте совпал с днем, традиционно чтимым во всей Бельгии, — днем памяти павших в годы первой и второй мировых войн. И перед матчем мы посетили кладбище, где возложили венок на братскую могилу воинов.

А спустя несколько часов выходили уже на поле стадиона, принадлежавшего клубу «Ля Гантуаз». Обстановка сразу же сложилась не в пользу хозяев, — мы, правда, довольно долго «пристреливались», но затем один за другим забил три мяча: два — Калоев с подачи Барка и Мелашвили, один — я с хорошего прострела Мелашвили.

После перерыва у нас на поле вместо Хочолава вышел Чанчалеишвили. Начался сильный дождь. Изменилась не только погода, но и наше настроение. На смену былому боевому накалу, стремлению наказать бельгийцев за ничем не объяснимое бахвальство, пришли самоуспокоенность, пренебрежение к сопернику, недооценка его сил. Матч считался уже выигранным. Насколько ошибочным было наше предположение хозяева доказали во вторые 45 минут, отквитав все три мяча. Первый «бельгийский» блин вышел комом.

День после матча мы провели в Генте, осмотрели город, его многочисленные спиритивные сооружения. Побывали и на велотреке, где стали свидетелями очень необычной и, по своей изнурительной продолжительности, просто нечеловеческой гонки. Два велосипедиста, составляющие одну команду, на протяжении шести дней, сменяя друг друга, непрерывно ведут гонку, соревнуясь с такими же командами. Страшно смотреть на гонщика, только что «открутившего» свои несколько часов и отдыхающего в ожидании следующего «сеанса». Круглые сутки идут соревнования, круглые сутки находятся люди на полотне трека и на... трибунах. В помещении велотрека всегда шумно, накурено, идет бойкая торговля. А бедные гонщики в поте лица бесконечно крутят педали...

Прежде чем приехать в Льеж — к месту своей второй встречи — мы попали в Антверпен: здесь в очередном ка-

лендарном матче чемпионата страны выступал наш будущий соперник «Стандарт». Один из сильнейших бельгийских клубов, «Стандарт» успешно стартовал в первенстве и шел первым местом. Признаться, игра нам понравилась — предполагали увидеть техничный, если можно так выразиться, спокойный футбол, а увидели столкновение двух грубых команд, не стеснявшихся в выборе средств для ведения борьбы. Да и судья был не на высоте — распустил игроков и вообще был пристрастен к местной команде.

Когда 17 ноября «Стандарт» вышел на матч с нами, мы не узнали в нем, по крайней мере, половину игроков. Оказалось, они «взяты» из других клубов.

Я мог бы описать весь ход матча со «Стандартом» сам, но лучше приведу выдержку из отчета, опубликованного в газете «Советский спорт». Мое мнение, мнение игрока команды, может показаться пристрастным, поэтому представлю слово журналисту: «Силы противников были примерно равны. Острая атака хозяев поля сменялась быстрым наступлением гостей. Однако на 16 минуте досадное недоразумение искажило ход матча. Мяч на штрафной площадке тбилисцев. Нападающий «Стандарта» овладел им и вышел на ворота. Но получил он мяч, находясь в положении «вне игры». Это ясно видели защитники «Динамо» и боковой судья, давший отмашку. Свистка все же не последовало, и бельгиец беспрепятственно открыл счет.

На 51 минуте Калоев забил ответный гол. Казалось, встреча закончится ничью. Но за восемь минут до финального свистка полностью повторилось «недоразумение» первого тайма. «Стандарт» повел — 2:1. Игра резко обострилась, но атаки «Динамо» успеха не имели. После матча руководство бельгийского клуба принесло извинение за слабое судейство встречи, но, разумеется, результат ее это не могло изменить...»

Добавить к цитате, мне кажется, нечего. Разве что расшифровать слова об усилвшихся наших атаках. Михаил Месхи, хорошо проведший всю игру, в последние минуты был особенно опасен. Несколько раз, пройдя по краю, он сделал превосходные прострельные передачи, после которых мяч достаточно было лишь подцепить ногой, но использовать их ребята не сумели.

Теперь оставалась единственная возможность отыграться на лидере первенства Бельгии и чемпионе страны — «Андерлехте». Но по приезде в Брюссель узнаем об изменении в плане нашего турне. С «Андерлехтом» играть нам не дают (этот «корректив» внесен

бельгийцами), команда едет дальше — в Люксембург и Францию.

Я уже рассказал о доброй традиции Бельгии чтить память героев и о поразившем нас необычным велосипедом «сверхмарафоне». Накануне нашего прощания со страной мы стали свидетелями одного странного явления. За дни пребывания в Бельгии мы привыкли к тихой, спокойной, размеренной жизни, не нарушаемой ни драками, ни выкриками, пьяных хулиганов, — мы их не видели ни разу. А тут оказалось, что по крайней мере половина города пережилась и сделала это только для того, чтобы нарушить установленный порядок. Присмотревшись, нетрудно было заметить, что молодые люди группами и в одиночку позволяют себе буквально все — и задевать девушек, и переворачивать автомобили, — не встречая при этом никакого сопротивления ни со стороны прохожих, ни со стороны полиции. Нас поспешили успокоить и объяснили, что ежегодно 19 ноября объявляется «днем единственных сыновей». Если ты один сын у матери — делай что хочешь, в этот день законы для тебя не существуют. По меньшей мере странная традиция...

В Люксембурге нашим противником была объявлена сборная страны. Но раньше, чем выйти на стадион, мы убедились, что есть у нас и другой противник, действующий запрещенными приемами. Это — католическая церковь, которая вдруг решила отговаривать жителей города от посещения «пропагандистского футбольного выступления команды красных». Насколько смехотворны оказались потуги святых отцов мы убедились, приехав в день матча на стадион, — он был переполнен, что называется, до краев.

Сборная Люксембурга — довольно слабый противник, и нет ничего удивительного, что игра шла в основном на половине поля хозяев. Преимущество наше было полным, а вот забить хотя бы один гол мы так и не сумели. Матч закончился безрезультатно — 0:0. Мы были огорчены тем, что так ни разу и не сыграли в полную меру своих возможностей. А ведь предстояли самые ответственные игры со знаменитыми французскими клубами. И в первую очередь — с «Реймсом», совсем недавно гостившим в Советском Союзе.

Среди 16 футболистов «Реймса», приехавших в нашу страну, было шесть игроков национальной сборной страны, участников первенства мира 1958 года — вратарь Доминик Колона, защитник Робер Жюнкэ, полузащитник Арман Панверн, нападающие Жюст Фонтэн, Роже Пьянтони и Жан Венсан. К тому же тренер «Реймса», Альбер Батте является одновременно и старшим тренером сборной Франции. Июнь-

ская поездка в Советский Союз была для «Реймса» неудачной — французы проиграли все три матча: в Ленинграде «Зениту» — 0:3, в Москве ЦСФА — 0:3 и в Тбилиси нам — 2:5. Естественно, дома хотелось бы отыграться сразу за все неудачи. Тем более, что на родине клуб этот пользуется наибольшей популярностью за последние 12 лет. Футболисты Шампани трижды были чемпионами Франции, дважды вторыми призерами, четыре раза — третьими. А в сезоне 1957 — 58 годов (во Франции, как впрочем и во многих странах европейского континента, сезон начинают осенью и после зимних каникул, отводимых на кубковые матчи, возобновляют весной и завершают в июне) «Реймс» добился дубля — выиграл и чемпионат и Кубок. Причем превосходство победителя над остальными было настолько очевидным, что выразилось в отрыве на 7 очков. Такого не было за всю историю чемпионатов Франции. «Реймс» — один из будущих наших соперников. Первый же — парижский «Рэсинг»...

Нам повезло: отель находился в самом центре Парижа, прямо напротив знаменитого Лувра, в котором мы не преминули побывать по нескольку раз и в роскошном парке которого каждое утро проводили зарядку. Париж — один из красивейших городов мира, здесь есть что посмотреть. Буквально любой квартал, район, улица связаны с интересными событиями. Все наши ребята впервые здесь, один только я бывал в Париже и теперь в случае необходимости могу сойти за гида.

Париж — столица Франции, ее политический и культурный центр, по отнюдь не футбольная ее столица. Из сорока профессиональных клубов (в стране насчитывается около полумиллиона футболистов, из них только тысяча профессиональных) лишь четыре находятся в Париже, причем три выступают по второй группе и единственный «Рэсинг» — по первой, да и то не блестяще. Достаточно сказать, что парижане никогда еще не были чемпионами Франции.

На парижский стадион «Парк де Пренс» приезжаем незадолго перед матчем и обращаем внимание на голубые трибуны. Ну, думаем, время еще есть, зрители подойдут, вероятно, к самому началу. Но вот вышли мы на разминку, а народу чуть больше половины. Позже нам объяснили, что это последствия наших неудач в Бельгии и Люксембурге. Французские любители футбола решили, видимо, что вряд ли стоит смотреть матчи «Рэсинга», «Реймса» и «Нима» — этих китов сегодняшнего французского футбола, с командой, которая не сумела обыграть футболистов Люксембурга. Правда, малочисленность зрителей объяснили еще и не-

благоприятной погодой, но нас это не успокоило. Надо было реабилитировать себя в глазах французов, доказать им, что умеем играть посильнее, чем в Бельгии и Люксембурге. Мы играли в стране, давшей футболному миру таких мастеров, как Раймон Копа и Жюст Фонтэн, в стране, национальная команда которой стала вторым призером шведского чемпионата мира. Об этом нельзя было забывать.

Помнили об этом, мне думается, и наши тренеры, которые предложили начать матч с «Рэсингом» сугубо защитным вариантом: не продолжать же в самом деле цепь неудач, начавшихся еще по пути во Францию. Это был, мне кажется, не просто тактический, но и тонкий психологический ход: нужно было создать перелом в настроении ребят, заставить их поверить в реальность побед над сильнейшими клубами Франции. И первое средство к этому — обеспечение неприкосновенности собственных ворот. Заглядывая чуточку вперед скажу, что ход был выбран настолько верный, что мы даже не заметили, как на протяжении матча сами отказались от защитного варианта, как забил сначала один, а вскоре и второй мяч.

Мы не знали по предыдущим встречам особенности французского футбола, одного из самых технических и красивых в Европе. Еще накануне чемпионата мира 1958 года французы показали, что умеют играть не только красиво, но и мощно. Именно это сочетание техники и мощи принесло им второе место в мировой классификации того периода. И хотя наш визит состоялся всего через год с небольшим после триумфа французского футбола в Швеции, мы, признаюсь, этой мощи в игре сильнейших клубов страны не увидели. Французы оказались не так грозны, как мы ожидали.

Преславный «Рэсинг» из последних сил держался немногим более получаса. Затем Калоев, а через три минуты Шаповалов дали нам возможность повести 2:0. За полминуты до перерыва Этт забил ответный гол, но общей картины это не изменило — «Рэсинг» был подавлен и повержен. Нет, мы не думали, что он прекратит сопротивление, а нам останется только забивать голы. Наоборот, всей командой готовились встретить стартовый штурм противника в начале второго тайма. Надо было отбить его, а затем снова атаковать самим. Так оно и вышло бы, если б Калоев не «нарушил» планов хозяев поля: уже на третьей минуте он увеличил счет и соответственно уменьшил шансы «Рэсинга» отыграться. Весь второй тайм проходил при полном превосходстве «Динамо». Яманидзе, Месхи и снова Калоев, ставший буквально героем матча, забили еще три мяча, на которые французы сумели ответить лишь од-

ним. С крупным счетом 6:2 мы одержали первую победу во Франции.

Ну, а теперь что скажут французские болельщики? И дальше собираются игнорировать наши выступления? Ответ на второй вопрос для каждого из нас был заранее известен. Нетрудно было понять, что разгром «Рэсинга» (как об этом писали парижские газеты) заставил изменить мнение о футболистах из Тбилиси. «Динамо» доказали, что в Советском Союзе есть быстрые, решительные, инициативные футболисты, обладающие высокой техникой — таково было осторожное резюме газеты «Фигаро». А вот «Пари-жур» высказалась конкретнее, отметив, что парижане были удивлены быстротой технических динамовцев и тем, что «их энергия равна их виртуозности».

«Ле паризьен либере»: «Тысячи зрителей, которые вчера вечером, несмотря на холодную погоду, собрались в Парк де Пренс, не пожалели об этом. Футболисты тбилисского «Динамо» дали настоящий сольный концерт групповой, хорошо организованной игры».

«Франс-суар»: «Тбилисское «Динамо», игравшее на протяжении последней недели в Бельгии и Люксембурге, словно переродилось. Советские футболисты прекрасно провели игру с «Рэсингом». Они показали себя подвижными, ловкими и в то же время грозными снайперами».

Наконец, **«Экип»** — крупнейшая спортивная газета Франции: «Тбилисское «Динамо» не было бы советской командой, если бы физическая кондиция ее игроков не стояла так высоко. Она и позволяет игрокам непрерывно находиться в движении, почти всегда поспевать к мячу первым, растягиваться по полю или группироваться, в зависимости от того, нужно ли атаковать или защищаться».

Советская команда отличилась также большой тонкостью своих игроков, которые больше работают с мячом, чем бьют, и особенно, коллективной игрой. Оборона весьма выразительно концентрируется вокруг центрального защитника Торадзе: во всех случаях подстраховка прекрасная. Нападение действует слаженно благодаря разумной игре Гогоберидзе. Вратарь Котрикадзе — эффектный игрок. Это ловкий человек и, когда нависает опасность, он, не колеблясь, выходит иногда довольно далеко вперед».

Теперь мысленно мы уже в Реймсе — футбольной столице Франции.

Отель «Золотой лев», в котором мы разместились, сразу стал магнитным полюсом, притянувшим к себе местных болельщиков. Стадион в Реймсе невелик — всего на 20 тысяч мест, — так что каждый, кто потерял надежду попасть на игру, тешил себя надеждой

увидеть нас на улице. Ребятам досталось столько букетов, сколько выпадает обычно на долю популярных певцов и кинозвезд.

В игру против нас «Стад де Реймс» вывел лучший состав, в котором отсутствовал лишь Раймон Копа, получивший травму в последнем матче чемпионата. Обидно, что этот популярнейший футболист Франции, пользующийся буквально фантастической известностью, не выйдет на поле. Без него «Реймс» выглядит так: Колона, Вендлинг, Жонкэ, Родзик, Леблон, Сятка, Дюбаэль, Мюллер (Баратто), Фонтэн, Пьянтони, Венсан. Наш состав тот же, что и в матче с «Расингом», только по ходу матча Шаповалова сменил Мелашвили.

Французы очень уверенно начали встречу и без обиняков заявили о своем намерении взять реванш за поражение в Тбилиси. И хотя голевых моментов у хозяев было не больше, чем у нас, один из них нападающие «Реймса» сумели все же использовать. На 25 минуте Фонтэн хорошо отпасовал мяч Дюбаэлю, тот стремительно продвинулся вперед и из положения, когда удар нельзя было отбить, сильно послал мяч в угол ворот.

Мы успели приоровиться к игре хозяев и поняли, что нашим главным оружием должен стать высокий, непосильный для соперников темп. Понял это, к сожалению, и... судья Дебан. Он не упустил ни одного случая дать свисток (если он был даже явно на руку провинившимся) и делал это только с целью сбить нас на неторопливую, губительную для нас, игру. Тем не менее в непосредственной близости от ворот «Реймса» разворачиваются опасные ситуации. Выгодные моменты для взятия ворот предоставляются Калоеву, Яманидзе, Месхи. Кажется, просто невозможно не забить такой мяч. Но один раз удар отражает штанга, а дважды мячи летят мимо ворот.

Второй тайм оказался для нас еще более сложным. Мы по-прежнему находимся на положении отыгрывающихся, и именно нам нужно стремиться к обострению событий. Ну, а какая же острота может рождаться в игре, лишенной самого главного, самого «обостряющего» компонента — скорости. Арбитр очень опытен и одновременно очень хитер. К нему не придерешься, не назовешь его действия необъективными, пристрастными, хотя на деле это самый натуральный «зажим», тщательно подгримированный и завуалированный. Как ни старался Дебан, мы вполне могли рассчитывать по крайней мере на ничью, однако Калоев умудрился еще раз из выгоднейшего положения послать мяч рядом со штангой на свободный.

Так гол Дюбаэля оказался единственным в матче и принес победу «Реймсу».

Мы, как это принято, первыми поздравили победителей и от них же услышали сетования на слабое судейство. Позже это же самое отметили многие французские газеты, а представители Французской Федерации футбола принесли руководству нашей делегации извинения по поводу неудачного судейства, повлиявшего, по их мнению, на ход и исход матча.

Город Реймс — один из крупнейших винодельческих центров Франции, страны, чья вина и шампанское получили всемирное признание. Среди иных достопримечательностей города нам показали, разумеется, и предприятия, производящие шампанское и другие вина. Доброе вино составляет предмет законной гордости местных жителей, отлично знающих в нем толк. Нам дали попробовать различные сорта вин и винных материалов, и мы не могли не восхититься их превосходным ароматом и вкусовыми качествами. Но у нас были специально прихваченные с собой бутылочки наших «Тетра» и «Твиши». Угостили ими хозяев и уже по тому, как они многозначительно переглянулись, как закивали головами, поняли, что и наши вина они оценили по достоинству.

В своем родном городе, на правах радужного и гостеприимного хозяина нас встречал старый знакомый Жюст Фонтэн. Вечера он проводил с нами в вестибюле отеля, рассказывал забавные истории, играл на фортепьяно и напевал любимые песни. Как-то раз, когда Жюст сидел за инструментом, к нему подсел Джемал Зейнклишвили и, подхватив мелодию, стал подсвистывать Фонтэну. Тот сразу оживился, стал исполнять одну за другой популярные мелодии, требуя, чтобы Джемал «помогал» ему. «Международный» дуэт сработался быстро и к всеобщему удовольствию дал импровизированный концерт.

К концу турне отношение к нам явно изменилось, потеплело. Никто уже не вспоминал неудач в Бельгии и Люксембурге — их заслонили наши выступления в Париже и Реймсе. Вряд ли кто взял бы на себя смелость предсказать заранее исход матча «Динамо» — «Ним Олимпик», команды, незадолго перед этим обыгравшей чемпионку страны. Он расцененный уже как поединок равных и достойных соперников. Несмотря на ненастную погоду (в Париже с утра шел дождь), трибуны стадиона «Парк де Пренс» были полны. Мы играли своим обычным «французским» составом, хорошо зарекомендовавшим себя в предыдущих матчах. В рядах «Нима» были: Розак, Бетташ, Шарль Альфред, Вентури, Бэрлаге, Бандера, Салабер, Акесби, Скиба, Швагер, Рахис.

Как ни трудно играть на раскисшем поле, мы вскоре перехватываем инициативу и на 12-ой минуте Калоев, за-

вершая комбинацию, забивает первый гол.

Атаки наши продолжаются. Французы оттягивают в оборону не только полузащитников, но и полусредних. На собственной штрафной площадке их моментами собирается семь-восемь человек. Но и атакует «Ним» так же массивно, удивительно быстро и как-то незаметно подтягивая тылы. Все попытки парижан отквитаться желаемого результата не приносят. Тайм за нами — 1:0.

После десятиминутной передышки французы бросаются в решительный штурм. Теперь уже нам приходится оттянуться назад. В частности, я подолгу задерживаюсь глубоко сзади, ожидая момента для начала контратаки. Несколько исключительно трудных мячей берет Котрикадзе. И вот перед самым концом матча, когда оставалось около восьми минут, Михаил Месхи, успевший стать любимцем парижан, элегантно (другого слова здесь и не подберешь) обойдя нескольких защитников, забил гол. Финальный свисток судьи Девильера зафиксировал нашу победу со счетом 2:0.

Покидали мы поле довольные и взволнованные — приятно сознавать, что наиболее ответственные матчи турне проведены на хорошем уровне, что взыскательные французские болельщики так тепло принимали нас, не стесняясь в выражении чувств. Реакция трибун на происходящее на поле поразительна — ни один финт, ни один

грамотный пас, ни один удар не остались без аплодисментов, независимо от того, кем они были выполнены. Что же касается прессы, то и она в восторженном тоне оценивала наши выступления. Приведу лишь некоторые выдержки из отчетов, опубликованных в газетах.

«Либерасон»: «Индивидуальная техника грузин, точность их пасировки были одновременно и неожиданностью и удовольствием для публики. Удивительна игра тбилисцев!»

«Пари-жур»: «В противоположность многим советским командам, которые характеризуются методической, несколько медлительной игрой, грузинские футболисты показали исключительную быстроту в комбинациях, которая является характерной чертой южного темперамента. Их быстрый бег, их дриблинг, живой и ловкий, удивил парижан. Игроки каждый в отдельности обладают полным техническим багажом».

...Мы покидали Париж в сырое, туманное декабрьское утро. Через несколько часов полета наш лайнер ТУ-104 подруливал уже к аэровокзалу во Внуково. Несмотря на тридцатиградусный мороз, встречать нас собралось несколько сот человек — представители Всесоюзного комитета, Федерации футбола, Центрального Совета «Динамо», знакомые, друзья. Теплота и задушевность встречи нас растрогала. Мы еще не подозревали, какая встреча ждет нас дома, в Тбилиси...

Литературная запись Г. Акопова.

Роберт МДИВАНИ

Что такое „математическая лингвистика“?

Рассказ об одной новой науке

Еще лет двадцать назад само сочетание слов «математическая лингвистика» многим казалось кощунственным. Сейчас положение изменилось, и новое направление, родившееся из синтеза двух древнейших наук, не только завоевало право на жизнь, но и доказало свою жизнеспособность.

Хотя математическая лингвистика — один из разделов языковедения, инициативу в новом подходе к фактам языка первыми проявили не лингвисты, а инженеры связи, психологи и статистики. Они ставили такие вопросы о языке, на которые лингвистика дать ответа не могла. Лингвисты даже не предполагали, что можно поставить такого рода вопросы по отношению к языку, и тем более не представляли, какие математические методы исследования могут открыться в языке новые, до сих пор не изученные стороны. Инженеры связи, например, рассматривают язык как особый код, которым «зашифрована» мысль, поскольку одну и ту же мысль можно выражать на разных языках с помощью разных наборов звуков. Тогда интересно выяснить, насколько экономно языки передают мысли (т. е. какой язык использует меньше своих единиц, чтобы передать то или иное сообщение). Конечно, Шота Руставели был далек от таких сравнений языков, но это не помешало ему в пределах грузинской поэтической метрики найти нечто подобное и отметить информационную экономичность шаири по сравнению с другими формами стиха.

На качестве первых работ математиков в этом направлении сказались недостатки в их языковедческой подготовке, хотя сами они этого и не чувст-

вовали. В то же время результаты, полученные математиками и кибернетиками, а также широкие возможности кибернетических машин в области перевода вызвали интерес у представителей гуманитарных наук.

Таким образом, творческое сотрудничество математиков и лингвистов и изучение последними основ математики привели к созданию новой области языкознания.

Под общим названием «математическая лингвистика» обычно объединяют несколько взаимосвязанных разделов. Сюда входят «прикладная лингвистика», изучающая проблемы автоматического перевода, обработку и хранение информации и т. п., а также собственно математическое языкознание. Об этом я и попытаюсь рассказать в общих чертах.

Человеческий разум развивается настолько быстро, что новые открытия, которые являются значительным шагом в науке и на первых порах воспринимаются как фантастически смелые, через некоторое время перестают удивлять даже далеких от научного мира людей.

Трудно поверить, но в 1947 году сам «отец кибернетики» профессор Норберт Винер считал, что нельзя ставить вопрос об автоматическом переводе с одного языка на другой.

Однако, несмотря на скептицизм Винера, еще в конце сороковых годов началась работа в области автоматического перевода, и в настоящее время она успешно продолжается. Положительное решение задачи зависит не только от развития кибернетических машин, но и от лингвистов, перед которыми машинный перевод ставит много сложных про-

блем. Кибернетические машины в настоящее время работают по строго заданной программе. Поэтому она должна учитывать все возможности, какие могут встретиться в переводимом тексте, иначе перевод получится неправильным. Как это делается технически — здесь рассказать невозможно, достаточно сказать, что помимо «словаря», в котором дан перевод смысловых значений слов, есть еще «словарь» грамматически значимых элементов, где указаны синтаксические связи, а также какие приставки, окончания и т. д. встречаются в одном языке и какие грамматические элементы соответствуют им в другом. Дело в том, что «само по себе», без грамматического оформления, «слово» не существует, кроме того, оно обычно находится только в контексте, в окружении других слов, которые при переводе тоже влияют на уточнение смысла и грамматической формы. К примеру, рассмотрим, что получится, если при переводе фразы «*მეზღადა ხუთი კაცი*» на русский язык, переводить каждое слово отдельно, не учитывая остальных: *მეზღადა* — пришел; *ხუთი* — пять; *კაცი* — мужчина; «пришел пять мужчина». Значит, для правильного перевода в программе надо указать, что при сочетании числительного (кроме «один») с существительным, это последнее надо записать не в именительном падеже единственного числа, как в грузинском, а в родительном множественного, а затем соответственно изменить форму глагола. Тогда на русском языке мы получим правильную фразу: «пришли пять мужчин». Таким образом, при записи всего предложения пришлось расширить и учесть информацию о слове «пять». Фактически же в программе перевода приходится учитывать гораздо более сложные связи между словами. Конечно, в настоящее время трудно ожидать, что в программе перевода (так называемом алгоритме) удастся учесть все стилистические нюансы и богатое разнообразие значений каждого отдельного слова; поэтому еще долго нельзя будет говорить о возможности качественного перевода литературного текста. Но в области перевода научной литературы, где каждое слово обычно имеет одно и то же строго определенное значение, машина может оказать неоценимую помощь и в колоссальных размерах сэкономить человеческий труд, средства и время. Кроме того, совершенно очевидно, какое значение имеет для развития науки своевременное получение переводной информации.

Помимо перевода, проблема научной информации имеет и другую, не менее важную сторону, тесно связанную с целым рядом языковых проблем. Это так называемая документалистика, изучаю-

щая методы обработки и хранения научной информации.

В настоящее время поиск нужной информации в библиотеках происходит вручную, кустарно. Такой способ можно назвать средневековым. А между тем со времени средних веков неизмеримо возросло количество каталогов, указателей, соответствующих огромному числу публикаций. И потому сейчас гораздо труднее, чем в средние века, когда ученый легко хранил в собственной голове все сведения по своей отрасли науки, найти в литературе нужную справку. В настоящее время многие ученые, в том числе и лингвисты, ищут пути к решению этого вопроса. Уже доказана принципиальная возможность создания программы для «конспектирующих» машин на основе изучения частностей и информационной нагрузки слов в научных текстах. Связь между частотой употребления слова и информацией можно приблизительно объяснить так: чем реже встречается слово, тем больше оно содержит полезной информации; чем чаще употребляется слово, тем меньше «нового» оно несет в себе. Поэтому и возможно с данной точки зрения изучить особенности «стиля», скажем, литературы по химии и поручить машине выбросить все фразы, в которых нет редких для данной науки сочетаний слов. Так будут отброшены шаблонные, тривиальные для знакомого химика фразы, уйдет так называемая «вода», которая, к сожалению, встречается и в научных работах. Останется своеобразный «конспект», который после редактирования будет содержать основные положения данной научной книги или статьи. Кроме того вырабатываются искусственные языки, экономные с точки зрения записи и хранения информации в памяти машины. Поэтому в дальнейшем предметные каталоги библиотек будут механизированы, и ученый сможет за несколько минут получить справку по любому вопросу. Это значительно повысит производительность труда ученых, потому что уже сейчас, согласно научным данным, более 30 процентов рабочего времени они тратят на поиск и проработывание информации, а ламина специальных изданий все продолжает нарастать.

Современные кибернетические машины имеют большой резерв возможностей. В связи с этим следует упомянуть о попытках создания «читающих машин», которые выполняют устные команды, и о других кибернетических аналогах речевой деятельности человека. Неоценимую пользу приносят кибернетические машины при расшифровке древних текстов. В прессе уже сообщалось об успешной работе Сибирского Отделения Академии наук СССР по расшифровке рукописей на языке майя.

Все, о чем говорилось выше, носит прикладной характер и связано с конкретными задачами, которые решаются лингвистами и кибернетиками, исходя из возможностей машин.

Успехи в решении подобных задач были бы невозможны без проникновения в лингвистику математических методов исследования. Но эти исследования не только прикладного характера. Сближение лингвистики и математики носит как практический, так и теоретический характер.

Красочный, эмоционально богатый человеческий язык и сухие символы формул! Что же здесь общего? Какие предпосылки привели к сближению, казалось бы, столь далеких друг от друга наук? Таких предпосылок по крайней мере две. Первая — требование «логичности», предъявляемое любой науке, вторая — язык — не менее объективное явление, чем электрический разряд. Обычно думают, что главное в математике — формулы и числа. Такое понимание ошибочно. Для математики характерно не оперирование числами и формулами, а, главным образом, стремление найти наиболее общие структурные отношения в любом случае, поддающемся описанию; математическая же символика — только особая стенография.

С помощью математической символики, с которой обычный «словесный» язык по удобству не всегда может сравниться, легко проводить рассуждение. Математика — это способ мышления, могучая система, предназначенная для выполнения процессов рассуждения и получения выводов. В таком понимании математика и логика совпадают. Пока математика самая «логичная» из наук. Теоретическое сближение лингвистики с математикой состоит в стремлении построить непротиворечивую лингвистическую теорию, в которой имелась бы система аксиом и исходных правил, а все остальные высказывания или теоремы доказывались бы строго с помощью этой системы аксиом и правил. Конечно, и аксиома и правила устанавливаются на основе лингвистического анализа языковых фактов. Такое построение является чисто лингвистическим, так как все его утверждения касаются только фактов языка, а аналогия с математикой лишь позволяет построить строгую теорию, согласно законам математической логики.

Относительно второй предпосылки «математизации» лингвистики следует сказать, что в таком аспекте математическая лингвистика скорее приближается к теоретической физике, изучающей объективные, реальные явления с помощью математического аппарата. Как известно, для описания природных явлений физики создают математические

модели — аналоги реальных физических явлений. Так и в математической лингвистике. В некотором смысле язык есть бесконечный текст из всего, что написано или может быть написано, и сказано на данном языке. Охватить весь материал целиком невозможно, и исследователь обращается к моделям. Берут, например, какой-то отрывок из текста, выделяют какие-то отдельные элементы, описывают их отношения и на этой основе дают определенную характеристику уже всего языка. Это будет, так называемая, аналитическая модель. Можно поступить иначе: некоторые ученые пытаются построить модель, как независимую от языка формальную конструкцию, а затем проверить соответствие такой синтетической модели реальному языку.

Если же мы изучим распределение в тексте каких-либо языковых фактов с количественной стороны, то получим статистическую модель текста. Таким способом можно, например, изучить среднее число слов в предложении, или процент архаических слов, или каких-либо синтаксических конструкций. Можно изучить и метрические особенности, скажем, частоту «ямбических слов» в прозе. Здесь выясняются интересные явления. Известно, что у каждого автора есть определенные количественные закономерности, особенности, свойственные только его произведениям. Поэтому есть возможность говорить о статистике стиля литературных произведений! Больше того, эксперименты показывают, что у каждого автора имеются определенные тенденции в развитии стиля, например, все более частое (или редкое) употребление какой-либо синтаксической конструкции или архаизмов. Это открывает большие возможности для решения вопросов о спорном авторстве. Например, есть автор, бесспорно написавший ряд произведений, и есть произведение, принадлежность которого данному автору сомнительна. Установив количественные характеристики стиля автора по бесспорным произведениям, можно сравнить их со стилем спорного произведения. Если по этим данным спорное произведение сильно отличается от остальных, то надо признать, что оно не принадлежит данному автору, так как берутся чисто формальные черты стиля, не зависящие от содержания.

Таким методом возможно установить приблизительно и дату написания произведения. Если та или иная количественная характеристика стиля проявляется на протяжении всего творчества автора определенную тенденцию (возрастает или убывает), можно приблизительно определить, к какому периоду творчества относится по своим количественным ха-

рактикам произведение, время написания которого неизвестно.

Несколько таких исследований было проведено за рубежом над памятниками римской, немецкой и французской литературы, а автору этих строк удалось исследовать с целью уточнения спорного авторства один из списков Законов Вахтанга VI, часть которого, как подтвердилось, была дописана Теймуразом II.

В такой небольшой статье трудно обрисовать все горизонты, которые раскрываются перед математической лингвистикой. Однако, было бы ошибкой думать, что этим горизонтам мы обязаны исключительно математике. Зарождение математической лингвистики было подготовлено всем ходом развития языкознания, и овладение новыми методами исследования, помимо математики, предполагает очень солидную «чисто лингвистическую» подготовку. Математика предельно универсальна, и ей все равно, что рассчитать: скорость трамвая, скорость электрона или среднее число звуков в слове. Математика показывает как изучать. А что и зачем изу-

чать — диктует языкознание: предмет исследования и его цель остаются лингвистическими. Это новая область, и, как все новое, она переживает трудности роста; но уже сейчас можно говорить об определенных успехах. У нас в республике работы по математической лингвистике ведутся в нескольких научных учреждениях. В одном из институтов завершается составление программ для грузино-русского и русско-грузинского машинного перевода; недавно при Тбилиском университете открылось отделение математического языкознания, а в 1959 году по инициативе академика А. Чикобава Институт языкознания Академии наук Грузинской ССР начал систематическую подготовку молодых специалистов.

Несмотря на это, о математической лингвистике знают мало. Все обычно имеют довольно хорошее представление о других областях знания, а эта наука пока еще подобна поэту, который пишет прекрасные стихи на непонятном языке. Поэтому я и попытался, хотя бы вкратце, рассказать об этой новой науке.

Подписано к печати 28 апреля 1963 г. 6 печ. листов
Формат бумаги 70 X 108,1 см.
Тираж 2400

Заказ № 486

УД 06887

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამომცემლობა
„ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока»
им. А. Ф. Мясникова, Тбилиси, проспект Руставели, 42.

603/147

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

საქართველოს
ბიბლიოთეკები